ПИОНЕР 6

ИЮНЬ ● 1979 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Анатолий АЛЕКСИН,
лауреат Государственных премий
и премии Ленинского комсомола

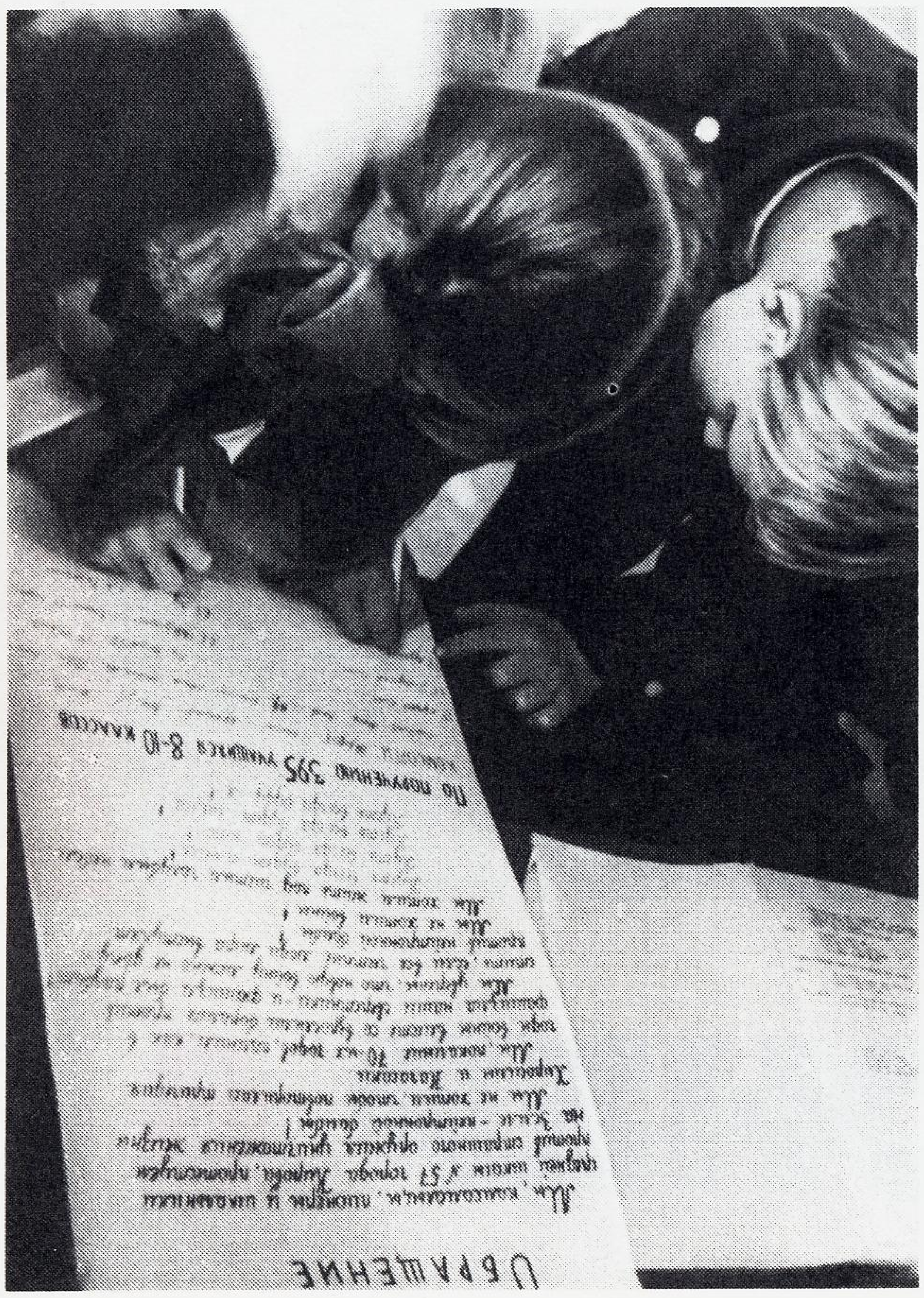
Этот год посвящен тебе!..

Да, тебе, мой дорогой юный друг. Потому и дала ему Организация Объединенных Наций такое прекрасное имя: Год ребенка.

Ровно двенадцать месяцев назад, в такие же вот летние дни, мне довелось от имени Советского Союза участвовать в большой международной встрече, посвященной подготовке к Году ребенка. Крупнейшие ученые и государственные деятели, педагоги и служители муз взволнованно советовались друг с другом, как защитить юное поколение от войн, от голода, неграмотности, болезней... И еще от того, что в капиталистических странах отравляет сознание и сердца юных: от тех книг, фильмов, телепередач, которые проповедуют человеконенавистничество, жестокость, расовое высокомерие.

Выступая на этой встрече, я сказал, что с первого дня своего рождения Советская страна стала самой убежденной и отважной защитницей мира, что осуществление ленинского лозунга «Все лучшее — детям!» стало для нас желанной обязанностью, священным долгом, о котором столь волнующе сказано в нашей новой Конституции. Я сказал, что мы — первая в мире страна, где обязательное обучение детей стало законом, что все произведения литературы и искусства, которые советские художники адресуют юным, окрылены светлыми и благородными идеалами.

Пионеры из 57-й школы города Кирова, как и все советские дети,— против нейтронной бомбы.



Но, как ты знаешь, мой друг, не всегда было так на земле, где ты родился... И тут позволь мне предаться воспоминаниям.

Я не раз писал о своей любимой учительнице Марии Федоровне Смирновой. Однажды она нам сказала: «Ванька Жуков послал письмо на деревню дедушке, но допустим, что оно все же дошло. Что мог ответить дедушка внуку?»

И все мы отвечали Ваньке от имени дедушки. Это был не только урок творчества, но прежде всего урок доброты, сострадания чужой беде. Каждый из нас, глубоко проникаясь трагедией, рассказанной Чеховым, гневно, истово протестовал против того, что у Ваньки Жукова было отнято детство. Мы понимали: эта весенняя пора человеческой жизни отличается от весны обыкновенной тем, что никогда уж больше не возвращается. Было непостижимо, как это наш сверстник, живший совсем недавно, в глаза не видел тетрадей и книг, детского театра и детских праздников, без которых мы просто не представляем себе жизни. Для нас было непостижимо и то, что всего этого нет у многих наших сверстников в других странах...

Вновь думаю я о словах, которые 1 Мая 1919 года на Красной площади обратил к юным гражданам В. И. Ленин. Он сказал тогда, что наши дети «в полной мере воспользуются плодами понесенных революционерами трудов и жертв». Эти слова оказались пророческими.

В нашей стране каждый год — это Год Великой Заботы о юных, а значит,— Год ребенка.

Долгое время мне доводится быть председателем жюри Всесоюзного смотра сочинений учащихся. Думаю, что это самый массовый литературный конкурс в истории человечества: только в последнем смотре, к при-

Этих ребят из разных стран мира подружил «Артек». Они хотят, чтобы их народы дружили бы так же крепко, как они.

меру, участвовало более десяти миллионов ребят из всех наших братских республик. Строки очерков, рассказов, стихов, сочиненных твоими знакомыми и незнакомыми друзьями-школьниками, убеждают меня, что добро порождает добро.

Я уже писал об этом, но повторяю еще раз: принимая из рук взрослых новую школу или новый Дворец пионеров, новый стадион или станцию юных натуралистов, ты и твои товарищи не только делаете еще один шаг навстречу знаниям, искусству, бодрости и здоровью, навстречу родной природе, но и учитесь на примере старших творить добро для других, дарить людям радость. Вы принимаете подарки взрослых, и у вас возникает чувство благодарности, высокое чувство, без которого душа холодна и пуста.

Чувство благодарности ведет школьников-следопытов на поиски «неизвестных солдат» минувшей войны, и имена и подвиги славных воинов становятся известными всей стране.

Чувством бесконечной благодарности к тем, кто спас человечество от фашистского порабощения, продиктовано письмо Оли Бычковой из города Ляховичи Белорусской ССР, в котором она рассказывает о своем отце и как бы дает клятву на верность прекрасным девизам его жизни.

«Как память о войне, о четырех годах смертельной опасности и риска принес папа серебринки в густых волосах — это в двадцать четыре года — и маленькую красную книжечку — партийный билет. После войны, я уверена, именно красная книжечка указала папе, что делать дальше. Это она согревала его, когда зимой он первый пошел закладывать фундамент для фермы, она помогала ему строить планы, не давала замедлить шаг...

Однажды у нас в деревне открывали памятник погибшим в дни войны членам колхоза. На мемориальной доске по просьбе папы написали фамилию и имя его отца, отдавшего жизнь в боях под Сталинградом. Когда торжественная церемония открытия

Выходит с 15 марта 1924 г.
ПИОНЕР
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
ИЮНЬ 6
Москва 1979 г.
Издательство «Правда»

была закончена и все стали расходиться, я увидела, что папа, опустив низко голову, один стоит возле обелиска. Я подбежала к нему и замерла: мой сильный, мой смелый папа плакал...

Он обнял меня, прижал к себе, будто защищая от кого-то, и сказал: «Доченька, ты должна ненавидеть войну. Береги самую светлую память о тех, кто не вернулся. Ты у меня уже взрослая и все понимаешь».

Я все понимаю, папа. Я не прощу войне твоих слез никогда и никогда не забуду твоих слов».

Чувство благодарности людям труда, желание поскорей быть с ними в одном ряду подсказало Саше Новоструеву из Удмуртской АССР (сейчас он уже стал взрослым) решение, о котором он более десяти лет назад, когда еще был пионером, рассказал так: *«Я очень люблю свою землю. Я узнал, что академики вывели новые сорта озимой пшеницы, которая дает много центнеров с гектара, и решил испытать их на своем участке, а потом передать в колхоз».*

Сколько таких вот трудовых скромных ребячьих «рапортов» хранится у меня!

Борцами за мир, за счастье человеческое, честными и бескорыстными тружениками готовятся стать твои сверстники, мой юный друг,— рыцари с алыми галстуками на груди. Таким, я уверен, растешь и ты.

Мне, детскому и юношескому писателю, было очень радостно прочитать в решениях исторического XXV съезда партии: «Особое внимание уделить выпуску учебников, литературы для детей и юношества».

Особое внимание... Ибо ко всему, что касается детей, у нас в стране проявляется «особое внимание».

В самый первый день этого года, посвященного тебе и всем юным гражданам планеты, по Центральному телевидению было передано выступление Л. И. Брежнева, которое называлось «Дети — наше будущее». Леонид Ильич сказал:

«...Наш долг постараться, чтобы дети всех народов не знали войн, чтобы у них было спокойное, радостное детство». И далее: «Мы стремимся научить детей добру, дружбе, научить их жить по-добрососедски со всеми людьми, любой национальности и цвета кожи, научить их уважать труд и уметь трудиться на благо всех людей».

Для достижения этой благороднейшей, гуманнейшей цели наш народ, наша партия делают воистину все возможное.

Первый день первого летнего месяца июня называется Международным днем защиты детей. Праздник ли это? Нет. Слово «защита» — тревожное слово. Мы мечтаем о том, чтобы юных граждан не от чего и не от кого было защищать и чтобы на всей планете мы отмечали первого июня День счастливого, солнечного детства. Да будет так, мой дорогой юный друг!

Джафар ЧУЯКО

Саженец

Я выкопал яму
И вытер лицо.
Пусть саженец станет
Тенистым орехом.
Куда б ты ни шел,
И куда бы ни ехал,
Присядь отдохнуть
Под мое деревцо.

Перевел с адыгейского
В. СУББОТИН.

Николай ЛАНЦОВ

Мой рисунок

Загорелся вдруг
Рассвет малиновый
На бездонном
Небе голубом.
И тугой
Серебряною
Линией
Движется
Ракета
В мой альбом...
На лугах зеленых
Одуванчики
Омывают
Желтым светом
Поезда.
Выше радуги
Подпрыгивают
Мячики,
Тянутся
Стальные
Провода...
Над ручьем
Легко летают
Мальчики.
Тяжело летают
Майские жуки.
Избы синие
И красные
Сарайчики
Вылетают
Из моей
Руки...

КЕМ СТАТЬ, КАКИМ СТАТЬ?

И. ГОЛУБЕВА

ДВА ДИРЕКТОРА

Марк Павлович Николенко.

За прозрачной стеклянной стеной здания аэропорта такие снежные вихри, что кажется, мы улетим еще до отправки самолета. Маленького, местной линии самолета, рейс которого все время откладывался.

Но он все-таки состоялся. И я гляжу на Северный Казахстан сверху, из окна самолета.

Замершие, в ледяном инее рощицы — колки, — разбросанные то там, то здесь. Они похожи на кусочки-осколки, разлетевшиеся в разные стороны.

И вот колки все реже. За поселком Бастомар начинается степь. Ровное белое полотно. Но я по-прежнему вижу снежное сплетение ветвей, окутанных инеем, — это лес, молодой, посаженный человеческими руками.

Я лечу, чтобы познакомиться с Марком Павловичем Николенко, человеком, о котором теперь, после выхода книги Леонида Ильича Брежнева «Целина», знают очень многие люди. С первым директором знаменитого целинного совхоза «Ждановский».

О директоре взрослом

Он приехал сюда в 1954 году. На землю, где никто до него не жил. Ему предстояло устроить эту землю так, чтобы на ней можно было жить.

Марку Павловичу было тогда уже пятьдесят лет. Возраст, когда люди редко оставляют свой дом и работу. Необжитые края — это для молодых.

И действительно, из пятисот человек, что

Так выглядит усадьба совхоза «Ждановский» сегодня.

Вот так задерживают на полях снег.

приехали с ним создавать новый совхоз, четыреста пятьдесят были комсомольцами.

Первую свою ночь на этой земле они спали на снегу. Марк Павлович не спал совсем. Обходил костры и по директорской своей привычке к расчету (до приезда сюда он уже много лет руководил крупным совхозом на Украине) прикидывал, сколько наутро людей уедет обратно к себе домой, в Сочи и Москву, сколько останется.

Наутро никто не уехал.

Они, эти сочинцы и москвичи, никогда раньше не видевшие степи, думали, что самое трудное — удержаться до весны, пережить страшные казахстанские ветры и морозы под пятьдесят градусов.

Пришла весна. И талая вода залила палатки. Воду эту проклинали. Только потом, когда солнце высушило ее, а оставшаяся в низинах уже не годилась для питья, поняли, что, кроме этой вешней воды, в степи нет никакой.

В артезианских колодцах была горькая, соленая вода. Ее не могли пить люди. Не могли работать на ней машины.

Горячий ветер высушивал травы. И небо было светлое и прозрачное от жары. Бригадир уезжал на лошади за сорок километров и привозил теплую, с железным от бочки запахом воду. А вокруг на много километров ковыльная степь.

Ребята, которые учатся сейчас в Ждановской школе, ковыля не видели. Марк Павлович говорит, что ковыль никогда не бывает спокойным. Он, как серебристая вода, которая от ветра все время движется. И как жаль было ему трогать, распахивать ковыль.

Но ведь именно для этого он и приехал сюда. И радость от первой тракторной борозды, казалось, все собой заслонила. Вспаханная земля странно, удивительно пахла всеми травами, что сотни лет росли на ней.

Первые дети. Три маленьких человечка, которых родители отважились привезти с собой. Пока родители разгружали вещи, дети исчезли. Их разобрали по своим палаткам женщины. Только тогда поняли, как соскучились они по детям, как грустно жить взрослым без детей.

А к осени уже открылась школа. Играл оркестр. Целинники собрались все до единого. Разрезали, как положено в таких случаях, ленточку. И на порог поднялись ученики. Первый, второй, третий, четвертый, пятый, шестой.

— И все? — недоуменно спрашивают ребята Марка Павловича, когда он рассказывает им сейчас эту историю.

И все. В одной комнате крошечного домика жила учительница, в другой занимались одновременно три класса: первый, второй и третий.

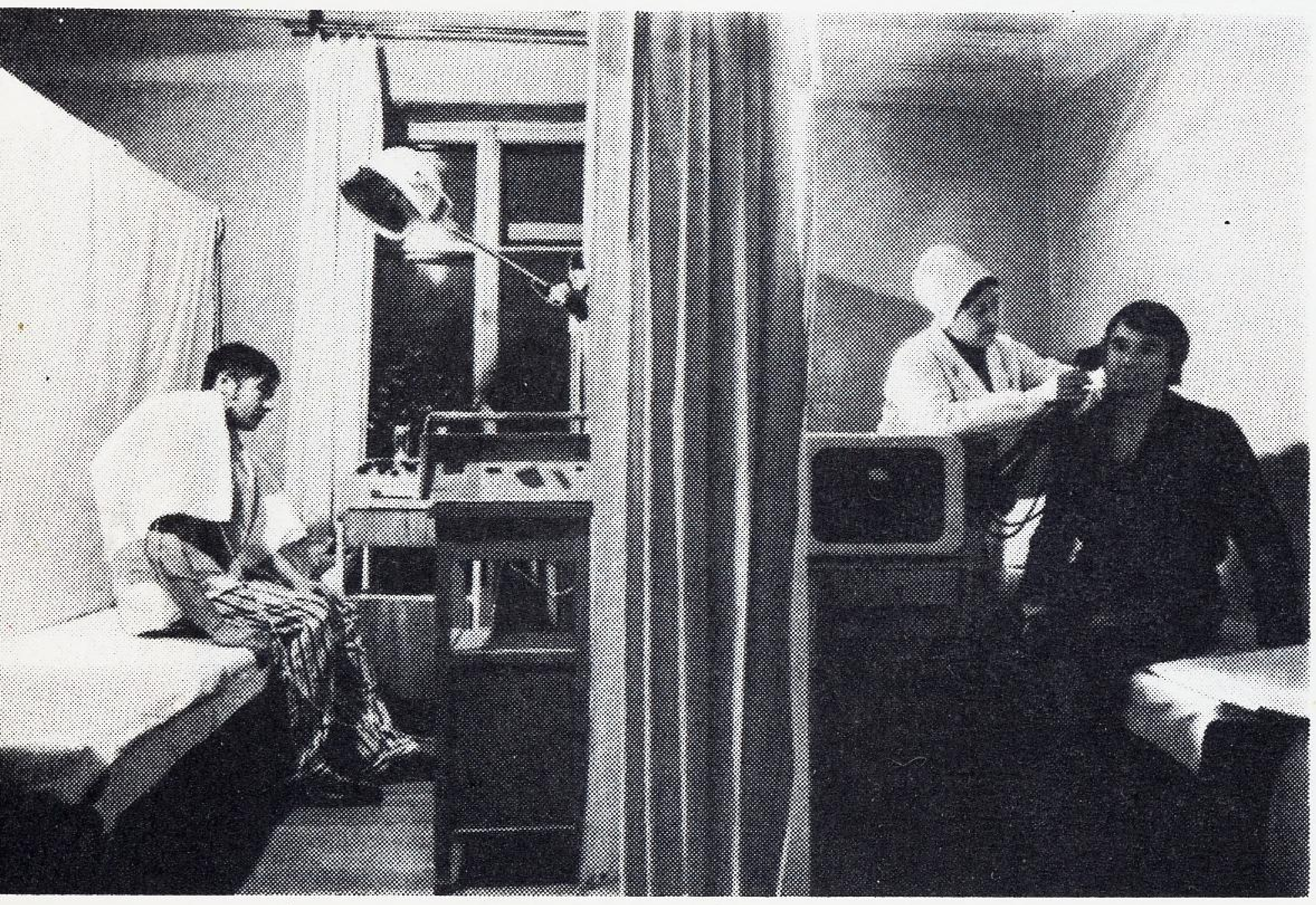
Собственные дети Марка Павловича тогда уже были взрослыми. Дочь работала врачом в Крыму. Он уговорил ее приехать к себе. Целинному, палаточному еще поселку нужен был врач. Больницы не было, и Галина Марковна, сложив в сумку нужное врачебное имущество, обходила больных.

Старший сын окончил к тому времени институт, стал агрономом, как отец. Написал, что будет проезжать мимо, стоянка поезда три минуты. Николенко-старший помчался на станцию. И уговорил сына отстать от поезда.

Младший сын учился на агронома в симферопольском институте. Отец и его уговорил перевестись поближе, в омский институт. «Привыкай к нашей (а сам всего год, как увидел ее впервые) земле. Тебе здесь работать».

Так и получилось. Все дети Николенко и по

Больница с новым современным оборудованием.



сей день работают на казахстанской земле. Младший, Владимир Маркович, стал директором совхоза «Ждановский», того совхоза, который создал его отец.

С самого утра до позднего вечера длился рабочий день старшего Николенко. Точно определить это невозможно. Приходилось, скажем, Марку Павловичу уезжать по делам в Петропавловск. Четыре часа идет машина туда, четыре обратно. И для него это было самое что ни на есть рабочее время. Он мог сосредоточиться и, не отвлекаясь, подумать о том, на что не хватало времени в ежедневной суете. Например, о плавательном бассейне для детского сада. Или о розах.

Несколько лет назад Николенко поехал с сыном Владимиром Марковичем в Алма-Ату, в Ботанический сад, и привез на самолете пятьсот кустов роз. Кусты посадили на улицах поселка, раздали садоводам. И почти все розы превратились в шиповник. Прожив здесь уже два десятилетия, люди все знали про степь. Как розы в ней выращивать, не знали.

А это читальный зал совхозной библиотеки.

В «Ждановском» лучший в области спортивный тир.

Превращение роз в шиповник — одно из самых печальных событий в жизни Марка Павловича. Николенко поехал в Алма-Ату опять и привез еще восемьсот кустов роз.

В совхозе «Ждановский» прекрасные и единственные розы в Северном Казахстане.

Редко где встретишь в степи и такие сады. Заросли малины и смородины, вишни. Целые плантации клубники. Стелющиеся яблони. Неказисты эти яблони, но каждое яблоко полкилограмма весит.

Березы, тополя, ели. Каждое дерево здесь на счету. Не будет в степи деревьев — не будет и хлеба.

О пользе капустных кочерыжек

«Зимой снега не выпросишь» — так говорят о жадных. И правда, падает снег с белесого промерзшего неба и падает. Дом занесет так, что двери не откроешь, машину, в пути заглохшую, до крыши завалит. А в степи снег не задерживается. Несет его ветер, не дает остановиться. Где встретится куст ракиты, снежная кочка будет, где дерево — сугроб, а где нет ничего — там и нет ничего.

Не соберешь на поле снега зимой — не будет летом влаги, не будет хлеба. Поэтому и живут здесь удивительно жадные на снег люди.

Всю зиму тракторы неутомимо снуют по

Детский сказочный городок.

Подготовка семян к посеву.

снежному полю. Тянут за собой «снегопахи», собирают снег.

На капустном поле торчат сухие желтые кочерыжки. Возле каждой сугробик. Копят кочерыжки снег. И стерня снег задерживает.

Но самое главное — лес. С таким трудом выращенный, убереженный. Конечно, деревья для того, чтобы и птицы, и грибы, и тень были.

Когда-то, лет шестьдесят назад, школьный учитель учил Марка Николенко сажать яблони в школьном саду. А когда они выросли, учитель сказал: «Пойди попробуй свои яблоки».

Сам Марк Павлович считает, что его страсть — выращивать на земле живое: хлеб, деревья, цветы — оттуда, из детства.

И это именно страсть, а никак не обязанность: в обязанности директора не входит следить за тем, чтобы молодожены в день своей свадьбы посадили два дерева, чтобы человек, возвращаясь в совхоз из отпуска, привез саженец невиданного здесь дерева — сосны или пирамидального тополя.

Первые помощники Марка Павловича — те, кого он учит сажать и выращивать, — ребята. Школьная производственная бригада.

О директоре юном, но очень решительном

У школьной производственной бригады хозяйство немалое. Сто сорок пять гектаров земли, три трактора, весь необходимый инвентарь, летний дом, в котором одновременно могут жить сорок человек. Его высокая, причудливо волнистая крыша (специально такую придумали, чтобы больше тени давала) видна любому, кто подъезжает к совхозу.

Этим летом бригада переходит на хозрасчет. Своим хозяйством, деньгами ребята будут распоряжаться самостоятельно. Будут расплачиваться с совхозом за семена, за горючее для трактора. Они должны все предусмотреть. Выполнить все правила агротехники. Рассчитать, какая у кого будет зарплата. На что пойдет общий доход бригады, который составляет шесть тысяч рублей.

Немалый совхозный огород уже давно находится на попечении ребят. На альбомном листе план. Сорок восемь гектаров — картошка. Один гектар — помидоры. Три гектара под паром — земля копит силы к следующему лету. И еще множество квадратиков — овощи и зелень, которые рабочие совхоза хотят видеть у себя на столе.

В бригаде сто человек. Но работают не все сразу. Месяц одни, месяц другие.

Кто же этим занимается? Я представляю себе некоего Директора, столь же обстоятельного и серьезного, как и директор совхоза. Нелегко управиться с таким хозяйством.

Ну, скажем, прошлым летом, погода урожаю капусты явно не благоприятствовала. Воду, которую разбрасывает специальная поливальная установка, уносило страшным ветром, а в воздухе висела сухая, колючая пыль. Приходилось ведрами носить воду для полива. У опытных огородников капуста не уродилась. А у ребят уродилась. И со всего района приезжали покупать капусту в совхоз «Ждановский».

Так какой же он, этот директор?

Он деликатный и добрый. Такой, как Лена Шагенбаева, звеньевая первого звена. И это очень важно, когда приходится руководить такими же, как ты, ребятами.

Представьте, что в звене восемь девочек и они поссорились. Раскричались не на шутку. В комнате восемь кроватей. Семь новых, блестящих, с пружинными сетками, а одна старая. «И как можно, — кричит каждая, — чтобы она досталась МНЕ! Да она не-у-доб-ная-я! Она же скрипеть будет!»

— И тут как раз пришла я, — говорит Лена.

— Что же ты сделала?

— Я ее себе выбрала.

И вовсе она не скрипучей оказалась, эта кровать. Она стояла у окошка, и утром было видно, как золотится далеко в степи край неба.

Лично меня Лена еще раз убедила в одном: добрые люди всегда принимают самые умные решения.

Он щепетильно честен и справедлив. Как бригадир Костя Гришин.

Бригадир начинает день. Он распределяет работу между звеньями. И если ваш день начинается с того, что вам предлагают прополоть заросшие лебедой огурцы, а грядка огуречная вытянулась чуть не до горизонта, то вы вправе возмутиться. Почему вашему звену поручают именно огурцы? А соседнему звену именно свеклу?

Но если вы знаете, что бригадир, который работает наравне со всеми, никогда не выбирал своему звену работу полегче, если бригадир никогда еще не скомандовал: «Никаких разговоров!», а, наоборот, очень уважает разговоры и всегда объяснит, почему он поступает так, а не иначе, если вы видите, что бригадир всегда абсолютно спокоен, то... вы не будете возмущаться. И согласитесь с тем, что сегодня ваш удел — огурцы. Зато завтра будет свекла.

И, наконец, он нисколько не жалеет себя. Как директор Ждановской школы Виктор Владимирович Гайдук. Виктора Владимировича часто жалеют другие. Жалеют за то, что с восьми утра до одиннадцати вечера он пропадает в школе, отпуск весь свой тратит на производственную бригаду.

Виктор Владимирович — директор школы, в которой сам был учеником. И тоже работал в производственной бригаде.

— Я еще в шестом классе, — не без гордости говорит директор школы, — двадцать две коровы подряд мог подоить.

Он и сейчас нисколько не забыл, как был учеником. Оттого они с ребятами так отлично друг друга понимают.

Зимой ребята работают на ферме. Поменять соломенную подстилку, навести чистоту, почистить коров скребком. Не самая привлекательная работа. Но что же делать? Новый, строящийся по последнему слову животноводческий комплекс еще только строится. Он будет. Тогда понадобится меньше рабочих рук. И сейчас совхоз мог бы обойтись без помощи ребят. Но дело в том, что эта работа нужна самим ребятам.

Раздумывая над тем, чем заняться после школы, человек непременно должен иметь представление об этом «ЧЕМ». Если девочка мечтает стать стюардессой, то, конечно, она должна знать: работа ее заключается не только в том, чтобы пройти между рядами кресел, но и вымыть посуду, вычистить пепельницы.

Можно увидеть по телевизору десятиклассницу, которая говорит, что станет после школы дояркой, и решить: «Я тоже буду». Но пока не попробуешь поработать на ферме, решить, будешь ты дояркой или не будешь, невозможно.

Ребята из производственной бригады, которые видят все — и малопривлекательные и радостные стороны профессии, — как раз не пугаются. Пугает то, чего не знаешь. А они знают этот труд. И уже много лет выпускники этой школы остаются в совхозе.

Не знаю, мечтал ли когда-нибудь Марк Павлович Николенко прославиться, мечтал ли он о том, чтобы многим людям было известно его имя. Уверена, что нет. Он растил хлеб. Растил деревья и цветы. И он всегда чувствовал ответственность перед людьми за то, как он живет на свете.

Сейчас он решил создать заповедник. Пятьдесят гектаров степи, нетронутых рукой человека. Чтобы ребята, которые будут учиться в Ждановской школе, знали, что ковыль никогда не бывает спокойным. Он, как серебристая вода, которая от ветра, как от дыхания, все время движется.

Помощники Марка Павловича — ребята из производственной ученической бригады.

Фотографии Б. ЗАДВИЛЯ

БРАТСТВО МИЛЛИОНОВ ЛЮДЕЙ

1945 год. Только что закончилась Великая Отечественная война. В странах, где хозяйничали фашисты, они оставили руины городов и сел, разрушенные и разграбленные фабрики и заводы.

После войны несколько европейских государств встали на путь социалистического развития. Они создали новый, небывалый в истории союз — Совет Экономической Взаимопомощи. Социалистические страны помогали друг другу: делились топливом, машинами, станками, продовольствием. Сообща строили фабрики и заводы, прокладывали дороги, сооружали могучие электростанции. Объединить силы надо было и потому, что капиталистические державы начали «холодную войну», не хотели торговать с социалистическими странами.

Но экономическая мощь СЭВ росла год от года. И скоро даже заклятые враги братского союза убедились в бесполезности «экономической блокады», поняли, что с социалистическими странами можно выгодно сотрудничать.

Своей неутомимой работой СЭВ учит все народы мира дружбе, деловому сотрудничеству. Он поддерживает молодые государства, которые недавно освободились от чужеземного господства.

В этом году исполнилось тридцать лет Совету Экономической Взаимопомощи. Сейчас СЭВ объединяет десять социалистических государств Европы, Азии и Америки. Это Болгария, Венгрия, Вьетнам, ГДР, Куба, Монголия, Польша, Румыния, Советский Союз и Чехословакия. Там живут 430 миллионов людей. Они выпускают больше трети промышленной продукции всего мира. Вместе трудятся на великих стройках рабочие из разных социалистических стран. Ученые сообща разгадывают тайны природы. Сотрудничество СЭВ развивается и в космосе.

Дружную работу семьи социалистических стран Леонид Ильич Брежнев назвал «интернациональным движением миллионов и миллионов строителей нового мира, вдохновляемых единой целью».

Во имя великой цели — строительства социализма и коммунизма — с большой ответственностью работают люди в странах СЭВ. В честь тридцатилетия своего братского союза они дали обещание: «Заказы друзей — в срок и с высоким качеством!»

С. МАКЕЕВ

Олег ТИХОМИРОВ

Незабитый гол

РАССКАЗ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

В пионерском лагере удивлялись. В пионерском лагере недоумевали. Все спрашивали у Кости Булочкина:

— Слушай, Булка, скажи честно, ты что, притворялся?

— Не-ет, — пожимал плечами Костя.

Дело в том, что рохля и увалень Булочкин начал вдруг классно бить по мячу. На футбольном поле ребята глазам своим не верили. Вообще-то физрук Георгий Николаевич (в лагере его попросту звали Жорой) со всеми отрабатывал удары, но у Булочкина вдруг «пошло». Удар получался сильный, точный. Вратарь готов был с досады сквозь землю провалиться.

— Талант, — приговаривал Жора, — талант. Включил бы я тебя в сборную лагеря бить пенальти.

Бить пенальти — это, конечно, здорово. Но если весь матч пройдет без одиннадцатиметрового? Что будет делать на поле Костя?

В игре робкий Булочкин терялся. В этом-то и была вся загвоздка. За мяч он не боролся: не хватало смелости, но если мяч все же как-то попадал ему под ноги, Булочкин старался поскорее от него избавиться. Лупил как попало, лишь бы не быть в центре внимания. К тому же и бегал Костя тяжеловато, догнать его мог каждый.

Все это понимал не только физрук, но и сам Костя. Поэтому, когда Жора предложил ему специальные тренировки, Булочкин с радостью согласился. По утрам и вечерам он принялся бегать. Жора стал брать в руки секундомер.

— Делаешь успехи, — говорил он. — Но еще много нужно работать.

Он заставлял Булочкина бегать по футбольному полю с мячом. Бить запретил. Разрешалось лишь одно — гонять и гонять, не отпуская мяч ни на шаг.

Костя возненавидел было этот путающийся под ногами мяч. Хотелось стукнуть по нему, чтобы удар гулко отозвался по всему телу, а мяч — упругий и яростный — влетел под самую планку. Но бить по нему нельзя. Мяч был, как ядро, привязанное к ногам. Он и Косте не давал убегать в сторону, и сам не мог укатиться по собственной воле.

Понаблюдав за Булочкиным несколько дней, Жора все же решил включить его во вторую сборную (называлась она «Стрела-2»).

И вот игра. Вторая сборная встретилась с первой.

После матча Жора сказал Булочкину:

— Недоволен я тобой, Костя.

— Мало бегал, Георгий Николаевич?

— Да нет, стал ты подвижнее, но не в этом дело.

Булочкин взглянул на физрука. Они шли вдвоем по дорожке. Рядом никого не было.

— А в чем?

— Скажу. Только не обижайся.

— Ну что вы, Георгий Николаевич.

Физрук Георгий Николаевич со всеми отрабатывал удары.

Случилось непостижимое:
«Пустое место» перехватило у Витьки мяч.

— Вот парень ты вроде крепкий... — начал Жора.

Булочкин скромно отвел глаза в сторону.

— ...а трус.

Костя поморщился, но промолчал.

— На тебя несколько раз выходил с мячом Шурыга. Почему не пытался отнять?

— У Шурыги? Вы же знаете, как он водится.

— Не хитри. Не надо. Я же не ругаю тебя за то, что ты не отнял у него мяч. Но ты даже не пробовал помешать ему.

— Ему помешаешь, а потом...

— Что потом?

Костя смотрел себе под ноги.

— Вот я и говорю, трус ты, Булочкин. Учти, в футбол я смогу научить тебя играть. Но если ты сам не захочешь быть смелым, никто тебя смельчаком не сделает. Понял?

Булочкин кивнул головой.

Разговор этот запомнился. Костя и сам порой злился на себя за робость и нерешительность. А с Витькой Шурыгой у него и впрямь были отношения — хуже не придумаешь. Невзлюбил Шурыга Булочкина — и все тут. За что, почему, непонятно. Смирный Булочкин и мухи не обидит, а Шурыга житья ему не дает: то норовит ножку подставить, то опрокинет его стакан с компотом, то вымажет ночью Булочкина сажей, а утром смеется: «Глядите, булка в черный батон превратилась».

И так постоянно. А свяжись-ка с ним! Руки у Витьки длинные, кулаки костлявые. Как даст разок — неделю с «фонарем» проходишь.

Была на днях и такая история. Подозвал Шурыга Булочкина и в присутствии других ребят (Витьку всегда сопровождала целая свита) сказал:

— На тебе тридцать копеек и чеши в магазин за папиросами. Возьмешь пачку «Беломора» — и мигом назад. Все понял?

В магазин никому из лагеря ходить не разрешалось. Если кто попадался, наказывали. А тут еще — на тебе! — за папиросами.

Булочкин скис: Шурыге перечить боялся, а пойдешь, того и гляди на неприятность нарвешься. К тому же Витька-то и не курил по-настоящему. Ему лишь бы побахвалиться перед ребятами.

— Не продадут мне, — уныло произнес Булочкин.

— Скажешь, отец послал.

— Не поверят.

— А не поверят, так в лоб получишь, — надоело уговаривать Шурыге. — Топай, не оглядывайся.

Булочкин уже понимал, что придется ему идти, все же, цепляясь за «соломинку», проговорил:

— А если вожатые заметят?

— Заметят — еще раз в лоб.

После такого утешения ничего не оставалось, как идти.

Костя, казалось, сделал невыполнимое: и папирос купил и не попался.

— А сдача? — потребовал Шурыга, принимая пачку «Беломора».

Булочкин поспешно извлек из кармана восемь копеек.

— Это все? — прищурившись, спросил Шурыга.

— Все, — простодушно ответил Булочкин, — они двадцать две копейки стоят.

— Это мы знаем. Я тебе сколько дал?

— Тридцать.

— Правильно, — усмехнулся Шурыга. — От тридцати отними двадцать две, сколько получится?

— Восемь.

— Эх ты, математик! — еще шире заулыбался Шурыга. — Получится двадцать восемь. — И серьезно добавил: — Гони сдачу.

— Какую? — возмутился было Булочкин.

— Я тебе сказал, какую. Может, я считать не умею?

Булочкин промолчал. Тогда Шурыга обратился к одному из своих приятелей:

— Тигран, скажи, от тридцати отнять двадцать две, сколько будет?

— Двадцать восемь, — не моргнув глазом, отозвался Тигран.

— Вот видишь! — снова заулыбался Шурыга и развел руками.

Стоявшие вокруг ребята с интересом уставились на своего вожака и Булочкина. Они понимали, что идет представление, что дело не в лишних двадцати копейках. Булочкин тоже понял это.

— Молчишь? — Шурыга ласково потрепал Костю по щеке, и тот ясно вдруг ощутил, что

сейчас произойдет нечто для него, Булочкина, неприятное.

Он протянул Шурыге двугривенный.

— Ну вот, — удовлетворенно сказал Шурыга. — Ты и считать научился. Но, может, я ошибся? Может, верно получается восемь, а?

Все засмеялись.

«Еще издеваются», — подумал Булочкин.

— Нет, ты скажи, — не отставал Шурыга. — Сколько будет от тридцати отнять двадцать две?.. Не знаешь?.. Давай по пальцам сосчитаем.

Снова раздался взрыв смеха. Булочкин повернулся и пошел.

— Ты куда? — кричал ему вслед Шурыга. — В кружок юных математиков?

Костя шел, вобрав голову в плечи. Как же злился он на себя, как презирал.

Во время матчей Витька тоже издевался над Булочкиным. Если рядом никого не было, говорил:

— Вали, вали отсюда.

Но как «валить» — идет игра, нужно бороться за мяч, нападать или преследовать. Смешно звучит — преследовать Шурыгу.

Если же рядом был еще кто-то, Шурыга ничего не говорил Булочкину. Он лишь кидал на него короткий выразительный взгляд и делал рывок в его сторону, словно там никого не было. И верно: Булочкин будто не видел ни мяча, ни игрока из команды противника. В предурацком положении оказывался Костя Булочкин.

...Сегодняшний матч первая сборная выигрывала у второй со счетом 2 : 0. Какое-то время «Стреле-2» везло: то штанга спасала, то мяч уходил мимо ворот. Но вот забили им первый гол, а когда Шурыга вогнал головой еще одну «штуку», вторая сборная, игравшая вяло, и вовсе сникла. Только вратарь «работал», все остальные были как сонные мухи.

В полудреме находился и Костя Булочкин. За всю игру он лишь два-три раза коснулся мяча. «Не везет, — думал Костя. — Скорей бы уж конец». А до конца и в самом деле оставалось немного — второй тайм перевалил за половину.

Булочкин настолько отключился от игры, что не узнал самого Витьку, который вдруг выбежал на него с мячом. Шурыга, конечно, не ожидал, что Булочкин вздумает отнимать у него мяч. Он гнал на Булочкина, как на пустое место.

И случилось непостижимое: «пустое место» перехватило у Витьки мяч.

Свист и крики болельщиков как бы разбудили бегущего с мячом Булочкина. Он посмотрел, кому бы отпаснуть, но все игроки из

Мяч прошел мимо ворот.

«Стрелы-2» сгрудились по-прежнему у своих ворот.

Делать было нечего. Булочкин побежал к воротам противника.

И по мере его приближения нарастали свист и крик. А Булочкин бежал, как на тренировке, с «привязанным» к ногам мячом. Кто-то попытался догнать его, отнять мяч, но Булочкин перекинул его с одной ноги на другую и повел дальше.

— Булка, стой, слышишь? — раздался прерывистый голос за спиной у Кости. — Стой, хуже будет.

Это был голос Шурыги. Но Булочкин уже ничего не мог с собой поделать. Он мчался к воротам противника. Видел лишь мяч и вратаря, который нервно топтался в воротах.

Немного не добежав до своей любимой одиннадцатиметровой отметки, Костя ударил. Он даже не слышал гвалта болельщиков, не слышал Жориного свистка и злобной Витькиной угрозы: «Ну, Булка, погоди! Ты у меня получишь». Перед глазами все еще трепыхался мяч в сетке ворот. Его, Булочкина, мяч.

Познав радость первой победы, Костя теперь так и рвался к воротам. Да и вся команда «Стрела-2» словно бы проснулась. У ворот первой сборной то и дело возникала опасность. Неминуемый гол навис над ними.

Влетел он минут за пять до конца матча. И опять не обошлось без Булочкина: с его подачи забили этот гол.

Пошла последняя минута. Команды уже смирились со счетом 2 : 2. Болельщики стали разбегаться. Жора все посматривал на свой секундомер. И вдруг...

Жора остановил игру. В штрафной сбили Булочкина.

Пенальти? Так и есть. Судья назначил одиннадцатиметровый.

Леха Малюков — вратарь первой сборной совсем приуныл: к мячу подошел сам пострадавший.

Не доставляли вратарям удовольствия Костины удары. То он бил не как все: левой, то «освоил» правую и теперь бил «с двух ног». Случалось это, правда, на тренировках. Но вот теперь...

— Уходи с ворот, — услышал позади себя Леха.

Обернулся — увидел Шурыгу.

— Ты что?

— Ничего, — зло проговорил Витька. — Что слышал. Уходи.

На вратаря Шурыга не готовился. Ни разу его в воротах не видели и вот — пожалуйста.

Леха спорить не стал: пусть становится, если хочет проглотить «штуку». Он только спросил:

— Ты знаешь, как он бьет?

— Не твоя забота.

— Ну как хочешь. Бери. — Леха протянул Шурыге перчатки.

— Не понадобятся. Отойди.

Как знать, может, и не донесся этот разговор до Кости, зато вместе с прочими игроками, собравшимися на штрафной площадке, хорошо услышал он другие слова:

— Бей, Булка, бей! Не бойся, — крикнул из ворот Шурыга.

Только сейчас Костя Булочкин осознал все случившееся. Что с ним теперь сделает Витька? Он посмотрел на Шурыгу.

— Бей, не бойся! — улыбался тот, стоя в воротах.

Эта улыбочка... Костя знал, что за ней кроется.

— Чего бояться? — сказал кто-то из второй сборной. — Выходи, не позорься. Пусть лучше Леха станет.

И еще кто-то из игроков «Стрелы-2» заметил:

— Вот выиграем, физрук всю вашу сборную перетрясет.

Выиграем!

«А ведь точно, можем выиграть», — подумал

— Не боюсь я тебя, понял? — выдохнул Костя.

Булочкин. До победы несколько шагов. Один короткий разбег. Нужно ударить, как обычно бил он на тренировках, чтобы мяч, просвистев, вошел в ворота. Куда бить — к левой штанге или к правой?

Он опять взглянул на вратаря.

«Улыбается. Думает, боюсь его. Думает, промажу. А если, верно, промазать? Два — два с первой сборной тоже неплохо. И Шурыга тогда ничего не сделает. «Ладно, — скажет, — живи, Булка. Я добрый». И ухмыльнется. Разве лишь щелчка влепит — так, для порядка».

Судья дал свисток. Костя разбежался.

«Черт с ним! Пусть улыбается. Будь что будет. На! Получай». — Он ненавидел эту улыбочку. Как хотелось бы попасть мячом в это смеющееся лицо. Что толку. Шурыга протянет ру-

ки — и мяч отбит. Нужно бить наверняка рядом со штангой.

Он ударил. Мяч прошел мимо ворот.

— Мазила! — услышал Булочкин.

И Жора тоже смотрел на него с укором.

«Думают, я струсил. Нарочно не забил», — с ужасом подумал Костя. И сердце его застучало, как бешеное: «Я не трус, не трус...»

Шурыга все еще стоял в воротах, улыбался.

— Теперь становись, — сказал он Лехе, — минута осталась. — И Косте: — Не горюй, Булочка, все в порядке.

После игры они встретились возле умывальников. Шурыга подошел к Булочкину, который подставлял разгоряченное лицо под струйку холодной воды, и произнес с ухмылочкой:

— Выносим благодарность за отлично пробитый пенальти. — Он даже протянул руку.

Но рука так и повисла в воздухе.

Булочкин не отошел в сторону, не потупился. Он смотрел прямо на Шурыгу, и в лице его не было ничего жалкого и смешного.

Все это очень не понравилось Витьке. Он кивнул коротко и привычно:

— Ладно, вали отсюда.

Рядом были свободные умывальники. Но Шурыге хотелось лишний раз унизить Булочкина, поставить его на «свое место».

— И побыстрее, мне некогда.

Булочкин стер с носа капельку воды, но не сдвинулся с места.

— Ну! — угрожающе произнес Шурыга. Глаза его зло заблестели, сузились. — Проваливай, слышишь. — Он шагнул вперед.

Сердце у Булочкина, казалось, выпрыгнет наружу. Он понял: или он сейчас уступит и останется прежним — покорным и трусливым, или он должен сделать что-то отчаянно невероятное. Шурыга стоял совсем близко перед ним — упругий, сильный, жестокий.

Костя набрал в себя побольше воздуха, словно собирался нырнуть глубоко в воду, и выдохнул:

— Не боюсь я тебя, понял?

— Что? — изогнул бровь Шурыга. — А это видел? — Он сжал кулак и отвел руку назад, ожидая увидеть страх и смятение на лице Булочкина.

Тут-то и произошло невероятное.

Булочкин ударил первым.

— Ах так!.. Да я тебя... — прошипел Шурыга.

Что-что, а драться он умел. Прямым жестким ударом от двинул Булочкина по скуле. Тот пошатнулся, и Шурыга в этот момент дал ему хорошего «крюка» под глаз.

Подоспевший Жора разнял левого крайнего и вратаря.

Глаз у Булочкина заплыл. Но Костя не чувствовал боли. Удивительная легкость наполняла его. Так случалось, когда он забивал гол. Костя не понимал: почему и откуда у него теперь эта легкость? Не забил он мяча. Промазал.

А было так легко.

Летопись «Пионера»

15 марта журналу «Пионер» исполнилось 55 лет. Центральный Комитет комсомола за большую и плодотворную работу по коммунистическому воспитанию пионеров и школьников наградил Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ постоянных авторов и помощников журнала «Пионер».

Среди награжденных: **Анатолий Георгиевич АЛЕКСИН,** секретарь Союза писателей РСФСР, лауреат премии Ленинского комсомола; **Зоя Ивановна ВОСКРЕСЕНСКАЯ,** лауреат Государственной премии СССР; **Вера Александровна МОРОЗОВА,** член Союза писателей СССР; **Николай Владимирович БОГДАНОВ,** один из тех, кто создавал журнал «Пионер», член Союза писателей СССР; **Тимур Аркадьевич ГАЙДАР,** заведующий военным отделом газеты «Правда», член Всесоюзного штаба Тимура; **Мария Павловна ПРИЛЕЖАЕВА,** лауреат Государственной премии РСФСР.

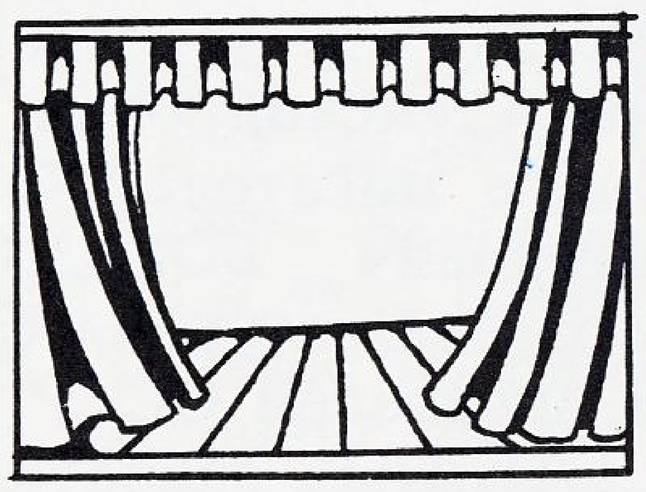
Почетной грамотой Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина награждены: **Андрей Сергеевич НЕКРАСОВ,** один из организаторов журнала «Пионер»; **Владислав Петрович КРАПИВИН,** лауреат премии Ленинского комсомола; **Наталья Владимировна ИЛЬИНА,** редактор журнала «Пионер» с 1941 по 1971 год; **Василий Афанасьевич БЕРЕЗА,** директор библиотеки-музея имени А. П. Гайдара в г. Каневе; **Богдан Иосифович ЧАЛЫЙ,** член Союза писателей СССР; **Надежда Леонидовна ЛЕБЕДИНСКАЯ,** заслуженная учительница школ РСФСР; **Николай Николаевич ПЕСКОВ,** композитор; **Наталья Владимировна РОСТОВЦЕВА,** член Союза журналистов СССР; **Евгений Алексеевич МЕДВЕДЕВ,** художник; **Евгений Семенович ШАБЕЛЬНИК,** художник.

* * *

Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина наградил **КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»** Почетной грамотой за большую работу по коммунистическому воспитанию пионеров и школьников и в связи с 55-летием со дня выхода первого номера журнала «Пионер».

СЛЕТЫ ПЕРЕД СЛЕТОМ

Скоро II Всесоюзный слет тимуровцев. Перед этим главным слетом тимуровцы провели свои районные, областные и городские слеты. Вот что пишут в штаб Тимура ребята.



Тимуровцы города Коврова решили пригласить тимуровцев разных поколений.

Заслуженная учительница РСФСР Клавдия Иосифовна Фролова рассказала о первых тимуровцах Коврова. Она в то время была пионерской вожатой. Лена Смирнова — делегат I тимуровского слета — рассказала об этом слете, о ребятах, с которыми она подружилась в «Артеке».

Слет закончился спектаклем о тимуровцах сегодняшнего Коврова.

Тимуровцы Богорадского района Красноярского края провели конкурс «Что ты умеешь, тимуровец?». Сначала была викторина по истории тимуровского движения. Потом ребята соревновались в умении сажать цветы в горшочки, переплетать книги, мастерить игрушки для малышей. Потом устроили спортивные соревнования.

Закончился тимуровский конкурс еще одним состязанием: кто лучше исполнит песню о Гайдаре.

Победителей награждали призами. Их заранее сделали сами тимуровцы.

Тимуровцы города Обнинска с интересом слушали Витю Антонова, представителя юнкоровского отряда «Солярис». Он рассказал о том, как их отряд собирал книги для библиотеки поселка Новый Уренгой, над которым шефствует журнал «Смена». 240 книг отвезли ребята в редакцию.

После слета обнинские тимуровцы тоже стали собирать книги и собрали их 3464.

Интересно и с пользой прошли слеты тимуровцев. А как прошел слет у вас? **Штаб Тимура ждет донесений.**

Мы — за!

«В «Боевом листке» мы прочитали, что в программе II Всесоюзного слета тимуровцев — поездка в Канев. Мы — за! Этот город хорошо знаком нашим тимуровцам, мы часто бывали там и успели его полюбить.

В Каневе есть музей имени Гайдара — двухэтажный дом из стекла и бетона. Там множество интереснейших вещей, реликвий, фотографий, связанных с Гайдаром, книг писателя. Каждый раз, когда мы приезжаем в Канев, идем в музей. И каждый раз узнаем что-то новое.

Есть и еще один музей в этих местах — деревенская хата, где жил Аркадий Петрович, когда воевал в этих краях. Хозяйка этой хаты Афанасия Федоровна Степанец во время войны помогала партизанам из отряда имени Чапаева. Гайдар был в этом отряде пулеметчиком.

Афанасия Федоровна сохранила в своей комнате все как было при Аркадии Петровиче. Афанасия Федоровна показала нам даже место, где на длинной деревянной лавке обычно сидел Гайдар.

Нам хочется сказать большое спасибо всем тем, кто хранит память о Гайдаре».

Тимуровцы, г. Ильичевск, Одесская область

ГОЛОС гарлемских ребят

Я уверена, никто из советских ребят не считает, что если у человека черная кожа, то он будто бы хуже белого. Не думает так и ни один советский человек. Крепко дружат между собой ребята более чем ста национальностей СССР.

Но вот во многих капиталистических странах бытует мнение, что «черные» и «цветные» — люди второго сорта, что их умственные способности ниже, а чувства примитивнее, чем у белых. Так думают расисты, убежденные в превосходстве одной расы над другой, считающие людей разных рас неравноценными.

Недавно вместе с советской делегацией мне довелось побывать в Соединенных Штатах Америки. В один из дней мы посетили школу Гарлема — беднейшего района Нью-Йорка. Живут в Гарлеме главным образом негры и латиноамериканцы, поэтому и в школах здесь учатся в основном «черные» и «цветные» дети.

Но та школа, о которой я хочу рассказать, не совсем обычная: там обучают сценическим искусствам — пению, музыке, танцам, актерскому мастерству.

Здесь необходимо кое-что пояснить. Дело в том, что в США так называемые «черные» и «цветные» работают чаще всего в различных видах обслуживания: в гостиницах, ресторанах, магазинах, на почте... А кроме того, в музыкальных театрах, танцевальных спектаклях, в джазах — это ведь тоже своеобразный вид «обслуживания».

На таких представлениях американские дельцы от искусства наживают огромные прибыли. Будущих артистов для этих развлечений готовят в специализированных школах искусств, подобных той школе в Гарлеме, где мы побывали.

Справедливости ради надо сказать, что школа выглядит добротно, ребята увлеченно занимаются в своих классах, оживленно играют и шутят на переменках.

Пробыв в этой школе два часа и увидев лишь внешнюю, вполне благополучную ее сторону, можно было подумать: не так уж плохо живется негритянским и латиноамериканским ребятишкам в Соединенных Штатах Америки. Можно было бы так подумать, если бы...

В школе нам подарили книгу. Сначала я взяла ее в руки, как совсем обыкновенную. Мне не раз приходилось бывать в американских школах и видеть такие книжки. Называются они «школьными ежегодниками» и печатаются для того, чтобы ученики, которые только начинают учиться в этой школе, лучше с ней познакомились, а выпускники могли унести с собой на память.

Вернувшись домой в Москву, я внимательно прочитала книгу гарлемской школы, и она очень взволновала меня. Кроме обычного рассказа о школе, там были стихи и сочинения ребят.

Какие это оказались прекрасные стихи, какие интересные сочинения! Как убедительно опровергали они мнение, до сих пор бытующее в США, будто «черные» и «цветные» — не способны серьезно мыслить и глубоко чувствовать.

Стихи гарлемских ребят поразили меня талантливостью, чистотой чувств, высотой жизненных устремлений юных авторов. И еще тем, как больно переживают подростки расизм, глубоко запустивший свои щупальца во внешне благополучную американскую жизнь.

Как велико стремление этих американских школьников бороться против неравноправия и несправедливости!

Стихи «Эй, ниггер!», «Свобода» и многие-многие другие убедительно говорят о том, что в США, стране, называющей себя самой свободной и демократической, существует позорнейший расизм.

Борьба с расизмом, лишающим детей счастья, — одна из задач 1979 года, Международного года детей. Все честные люди земли борются за то, чтобы покончить с расизмом.

Э. СОКОЛОВА,
кандидат философских наук

Кэрол РАЕД

Эй, ниггер!

Эй, ниггер, ты не благороден,
Без роду, без племени.
Ты — нищий. Все твое богатство —
Мешок, набитый преступлениями.
Эй, ниггер, думаешь, ты кто-то?
Ты — никто, пустой пижон.
Эй, ниггер, кем ты станешь? Тенью.
Бессловесной тенью на улицах истории.
Вглядись в свое лицо:
Оно черно. Какой позор!
Ну, ниггер, это слишком,
Ты еще нос дерешь!
И почему, скажи, ты не живешь
Спокойно, чинно, как милый дядя Том?
Эй, ниггер, быть тебе в тюрьме,
А на защиту ты и не надейся.
Что призадумался? Эй, ниггер,
Гордецом быть не с руки.
Смотри, сюда идут. Уже взвели курки.
Стреляют. Вот ты умираешь.
Ты мертв. А жаль,
Теперь ты не узнаешь.
Того, что я хотел вдолбить в твою башку.

Мелоди ДЖОНС

Свобода

Ты рождаешься с первым криком младенца,
Свобода,
Умираешь и снова родишься,
Свобода,
Имя твое звучит, как набат,
Свобода.
Ты сердца открываешь друг другу,
Свобода,
Каждый станет поэтом, когда ты придешь,
Свобода,
Как дорога трудна к тебе, колокол счастья,
Свобода,
Но нельзя не идти к тебе, свет и надежда,
Свобода.
Тайн Вселенной нам не узнать без тебя,
Свобода,
Все ключи — в твоих умных руках,
Свобода,
Мы в борьбе за тебя испытаем себя,
Свобода.
Пусть же вечно тревожит сердца этот гулкий набат,
Свобода,
Руки дружно сплетем, и в дорогу,
Свобода,
Братья, будем трудиться и верить,
ведь мы так сильны,
Когда с нами — Свобода!

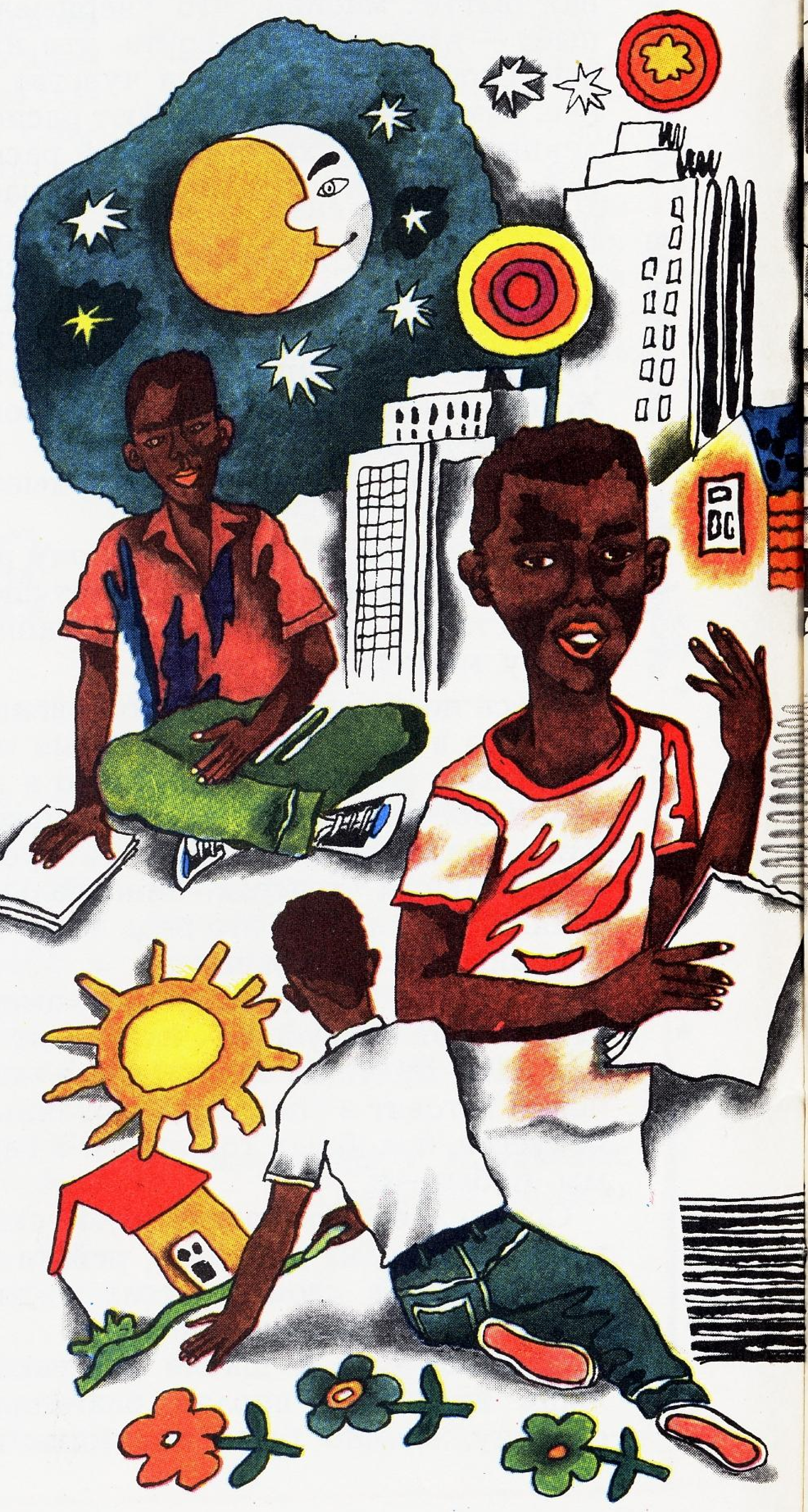
Санджев КХАННА

Познай Вселенную

Познай Вселенную,
Галактики обшарь,
Найди, что ищешь,
И узнай, что можешь.

Но где бы ни был ты,
В каком бы уголке
Миров далеких ни скитался,
Ты не поймешь того,
С чем был и с чем остался.

И на краю небес
Судьба была и есть
В самом тебе.



Диктатор

Он диктатор.
Его руки протянуты к горизонту.
Глаза его пронзают пространство
На Юг и на Север,
На Запад и на Восток.
Он диктатор.
Его армия непобедима,
Власть несокрушима.

Но все же, но все же
Все диктаторы
Всё вдруг теряют
В один распрекрасный день.

Ветер

Он несется в небесах быстрой тенью,
Одержимый, на коне одержимом.
Его блуза туго надута,
Его путь никому не известен.
Свое горе от всех он скрывает,
Его стон едва-едва слышен.
Кто он? Ветер — его имя.

Величавый

Его величество,
Могущественный Лев,
Он несет свою голову, весом с тонну,
Он закон, им самим провозглашенный,
И порядок, им самим изобретенный.
Лев бежит,
Лев убивает,
Без пуль и пушек все сокрушает,
И на врага
                первым всегда
Лев нападает,
Потому что сам знает:
Он величав.

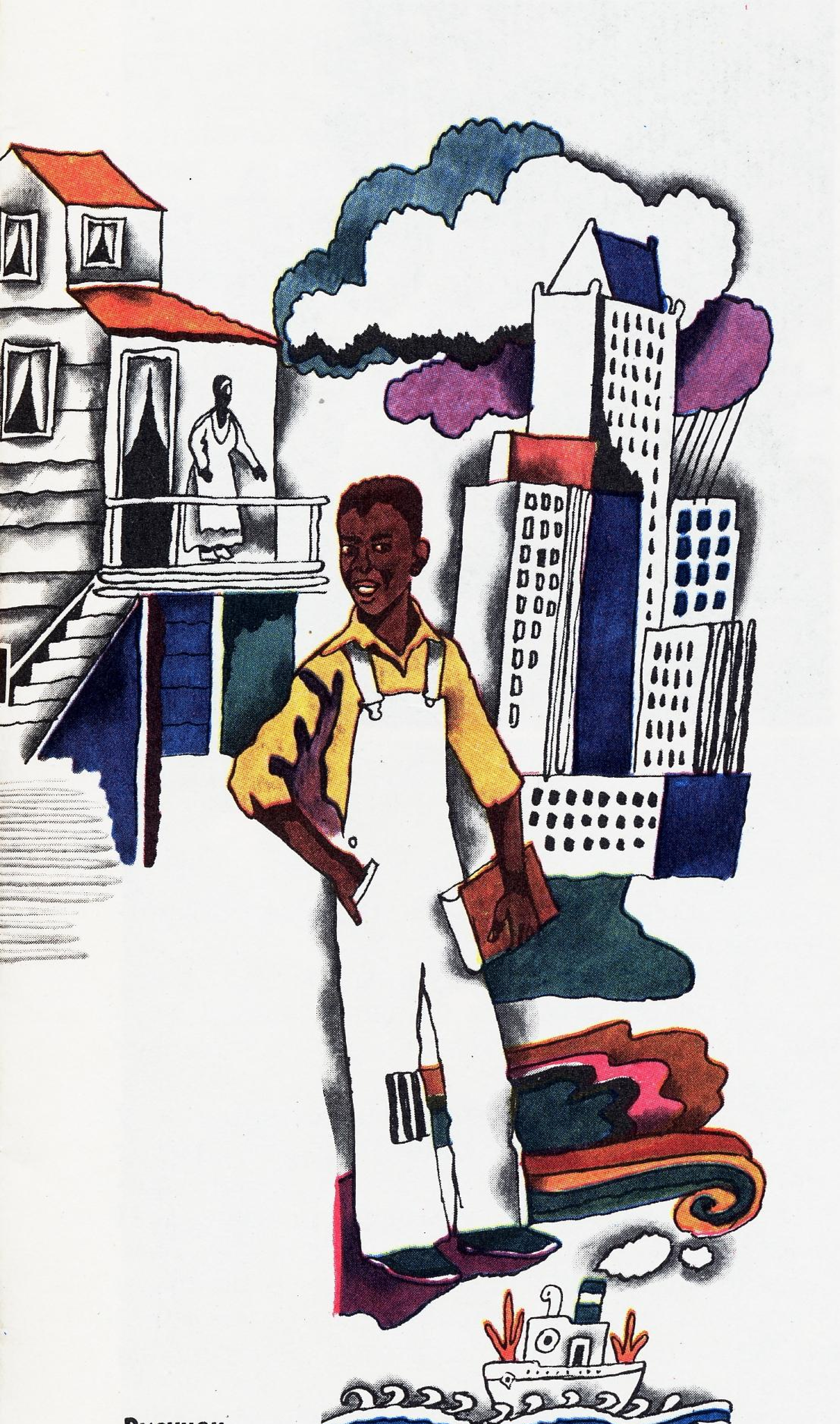


Рисунок
А. БОРИСОВА

Шерри ДЖОНС

Мой лунный мальчик

Струится в окошко мое лунный свет,
Как ярко сияет луна!
Придумала я сыночка себе,
Как ярко сияет луна!

По лунной дорожке пришел он ко мне,
Весь в лунном ночном серебре.
Его обняла я,
                на руки взяла,
Пока сияет луна.

Течет и струится серебряный свет,
Я думаю о сынке.
Настанет пора,
Лунный мальчик придет,
Как ярко сияет луна!

Перевела с английского
Т. НИКИТИНА.

ИДЕТ ВСЕСОЮЗНЫЙ МАРШ ПИОНЕРСКИХ ОТРЯДОВ

«НАДЕЖДА» — мой компас...

Фотографии В. КРУПСКОГО

Еще зимой мы, пионерские активисты Куйбышевского района Москвы, договариваемся, что летом поедем в нашу «Надежду».

Первые два дня в лагере мы все в разведке. Пионерские звенья отправляются в окрестные деревни, в правление колхоза, в детские сады. Узнаем, в каких домах живут ветераны партии, комсомола, ветераны Великой Отечественной войны и труда. Заносим в свои блокноты адреса семей, в которых много детей. Отмечаем красными звездами объекты для ежедневных тимуровских десантов: здесь нужно поставить новый плетень, здесь—для старушек скамейки, здесь—переколоть дрова, а здесь подметать двор и каждый день поливать огород. Разведка — всегда начало наших дел.

Звено «Эврика» доложило на общем сборе, что в деревне Анашкино покосился от времени памятник героям Великой Отечественной войны. Принимаем решение: все звенья по очереди будут работать на реконструкции памятника.

— Но нужны гвозди, нужны доски!

— А рядом строится большой жилой корпус. Поможем строителям, а они помогут нам!

Три недели мы работали на стройке и у нашего памятника. В день окончания работ собрались около него. Вместе с нами пришли местные жители, человек четыреста. И были слезы... и были воспоминания.

Звено «Флагман» подсчитало, что рядом с нашим лагерем в деревнях живет более трехсот малышей. Решаем: покажем ребятишкам в нашем лесу сказку.

Как же мы все кричали, перебивая друг друга, спорили, прежде чем родился незатей-

— Поможем строителям.

Идет проверка: кто самый сильный?

ливый сюжет: гуси-лебеди унесли Иванушку, Аленушка собирает малышей округи, и они идут выручать братца. На лесных полянах ребятишки встретили «лешего» и «Бабу Ягу», «разбойников» и «Змея Горыныча». Но победив их песней, дружным хороводом и мудрыми загадками, малыши освободили Иванушку. Все радовались счастливому исходу сказки: и актеры (вся «Надежда»), и малыши, и много-много взрослых, кто пришел в наш сказочный лес.

А вечером мы собираемся у костра, чтобы просто поговорить. И однажды у нас зашел вот какой разговор. Почему у нас в «Надежде» каждый день счастливый и радостный? А в школе случаются иногда дни скучные, бесполезные? Может быть, оттого, что в лагере мы всегда вместе: и в походе, и у костра, и даже за завтраком. А в школе мы заняты своими делами и меньше обращаем внимания друг на друга. Не замечаем иногда чужой неприятности или радости.

В нашем лагере мы РАДОВАЛИСЬ РАДОСТИ ДРУГИХ.

В День железнодорожника мы узнали, что истопники нашего лагеря тетя Женя и дядя Дима всю жизнь проработали в локомотивном депо. Мы все ломали голову, как их лучше поздравить. Придумали. Собрали в большие пакеты много конфет и фруктов, у кого что было, написали письма-поздравления от каждого звена. Встали друг за другом, и длиннейший «железнодорожный состав» с песней двинулся к домику, в котором жили наши тетя Женя и дядя Дима. Мы пели песни, читали стихи, дружно кричали «ПОЗДРА-ВЛЯ-ЕМ!»... И опять были слезы... и опять была радость!

Всего о нашей «Надежде» не расскажешь.

Обыкновенное чудо.

— ...И унесли гуси-лебеди Иванушку в дальние страны, за синие моря.

Как мы купались на вечерней зорьке в теплой речной воде. В дождик бегали любоваться промокшим лесом. Как читали хорошие книги.

Кто-то из ребят написал в дневнике: «Мне нигде не было так хорошо, как в «Надежде». Я бы хотел весь год жить так, как живем мы один месяц в «Надежде».

Е. ШТЕЙНБЕРГ,
директор Дома пионеров

А как тебе живется в твоем пионерском лагере?

Что ты с ребятами придумал, чтобы было у вас весело и дружно?

Впереди у тебя целое лето. Постарайся, чтобы оно было таким же, как у ребят из «Надежды». Если получится, расскажи нам, если не получится, расскажи, почему не получилось.

*

Незнакомые... «колдунчики»

В эту игру можно играть в пионерском лагере.

Как играть в «колдунчики», ты, разумеет-

ся, знаешь. Одни догоняют, другие убегают. Осаленный останавливается на месте, словно заколдованный, пока его не выручит кто-то из своих.

А теперь представь, что в игре участвуют не две группы ребят, а три. Три звена или даже три отряда.

Назовем их условно «синие», «желтые», «зеленые».

«Синие» ловят «зеленых», «зеленые» — «желтых», а «желтые» ловят «синих». Каждый играющий — как бы и «кошка» и «мышка» одновременно. Надо и догонять и спасаться.

Побеждает та команда, которая осалит всех, кого догоняет.

В игре возможны хитрости. Мне довелось видеть, как командир «синих» приказал одним ребятам из своей группы спрятаться, а перед другими поставил такую задачу: не стараться ловить «зеленых», главное — уходить от «желтых». А когда «зеленые» переловили всех «желтых», «синие» со свежими силами бросились их догонять.

И победили.

Наверное, в этой игре могут быть и другие хитрости.

Эту игру придумал давным-давно, лет пятьдесят назад, педагог Виктор Николаевич Терский.

Л. ЛЕГКОВ

День в «Надежде» кончался у костра, самый обычный день — счастливый и радостный.

Не зря лето прожили

В 1942 году под Москвой из семнадцати-восемнадцатилетних ребят была организована Первая штурмовая комсомольская бригада. Немало подвигов совершили молодые бойцы. Сейчас им поставлено два памятника: один под Витебском, где погибла половина бригады, а второй — под Москвой, где бригада сформировалась. Строили эти памятники десятиклассники 703-й московской школы вместе со своим учителем Павлом Анатольевичем Савельевым.

Несколько дней я жил вместе с ребятами на строительстве подмосковного памятника.

— Нам, конечно, все очень помогали, — сказал мне Вадим Пивоваров, начальник снабжения, — один завод дал бетон, другой — плиты, третий — кран.

Дима Головков — командир отряда — так рассказывал об этом строительстве:

— Работы было очень много: строили памятник, дорожки бетонные к нему прокладывали, цветы сажали. Вставали в восемь, завтракали и шли на работу. Но никто ни разу не пожалел, что проводит каникулы именно так.

Многие ребята в пионерских лагерях «тихие часы» проклинали. А здесь стоит мне крикнуть: «Десять минут отдыха!» — ложимся и спим десять минут. Вы себе не представляете, как хорошо после работы, когда все мышцы гудят, лечь и заснуть крепко-крепко...

...Когда ребята возвратились в Москву, долго на вокзале песни пели — не хотелось расставаться. И думали: не зря лето прожили.

А. КУПРИН, десятиклассник, г. Москва, школа № 235.

Храбрость или глупость?

Это было на Балтике. Мы с моим другом Сережей жили во время зимних каникул у бабушки.

Однажды Сережа предложил пойти на каток. Я согласился. По дороге он меня спрашивает: «А кататься ты умеешь?» Я знал, что Сережа сам плохо катается и не будет смеяться надо мной, и потому ответил честно, что кататься не умею, но был бы не против научиться. А Сережа говорит: «Как ты не понимаешь! Там ведь катаются только те, кто умеет. Новичков не принимают. Сразу засмеют». Мы решили на каток не ходить.

И вдруг Сережа предложил: «А пошли на отмель, которая в дальнем заливе? Если, конечно, не боишься».

«Ты что, — возразил я, — а если буря поднимется?»

А он настаивает: пошли да пошли. Может, буря и не поднимется. А ребята, если узнают, уважать будут.

Я хотел уже согласиться, но взглянул на небо и ахнул: надвигалась огромная черная туча. Показал я ее Сереже, а он говорит: «Скажи лучше, струсил. Знаем мы таких!» Задело это меня, я и согласился.

Для того, чтобы до дальнего залива дойти, нужно еще два пройти. Первый мы миновали благополучно. Когда подошли ко второму, ветер начался. Но отступать не хотелось: ведь половину пути уже прошли.

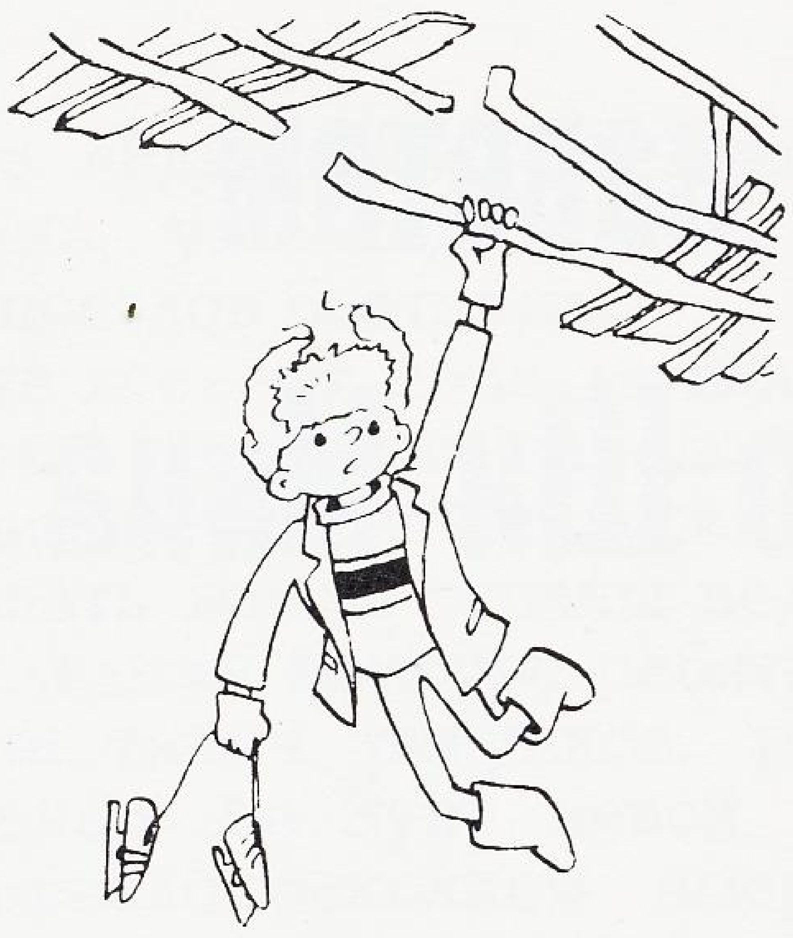
Вода в заливе не замерзла, а, наоборот, разбушевалась от ветра. Я вижу, Сережа немного оробел. Да и мне не по себе стало, но вида не показываю. А мостик через залив деревянный, в середине настил проломился, и остались только две балки и толстый железный прут.

Я первым ступил на мост. Но вдруг он закачался от ветра, и я заскользил. Добравшись кое-как до середины, ухватился за торчащую балку и крикнул Сереже: «Ну как ты там?» В ответ раздался дрожащий голос: «Мне что-то неохота идти. Нас, наверное, уже ищут». А я ему в ответ его же слова: «Скажи лучше, струсил!» И пошел дальше.

А дальше, чтобы через пролом перебраться, нужно на железный прут прыгать. Вроде и недалеко, а страшно. И назад нельзя: мост от ветра все сильнее раскачивается. Я и прыгнул. Ухватился за прут, повис на нем и перебрался кое-как на другую сторону. Только чувствую — обессилел совсем. Сел на снег и не могу подняться. Не помню, как Сережа рядом со мной очутился.

Когда я рассказал эту историю бабушке, она здорово меня отругала. Сказала, что не храбрость мы свою доказали, а глупость. Храбрыми мы были бы, если б, не побоявшись насмешек, на каток пошли.

Коля БАРЛЕВ,
г. Казань.



Мой маленький Кеша

Вот уже год живет у меня говорящий попугайчик Кеша. Когда я его покупала, я не верила, что он будет говорить, ведь говорят большие попугаи, а Кеша маленький. Через месяц после того, как я привезла его домой, он начал разговаривать. Сначала немножко, а потом все больше и больше. Сейчас он говорит. «Кто пришел? Кеша пришел. Кеша — хороший попугайчик, Кеша — маленький друг. Привет, здравствуй».

Кеша весь день летает по комнате. Только на ночь я его закрываю в клетку. Но он научился ее открывать, и приходится дверку завязывать. Когда он хочет есть, сам залетает в клетку и ест.

Раньше мне не хотелось попугая, мне хотелось хомячка или котенка, но теперь у меня есть Кеша, и больше мне не надо никого.

Анжела СИЛАНТЬЕВА,
г. Воронеж.

А вы как думаете?

Мы с подругами часто спорим о том, какой должна быть современная девчонка. Я, например, очень люблю одеваться, как мальчишка. Постоянно ношу брюки, зимой — шапку-ушанку. Да и разговаривать мне больше нравится с мальчишками. Мама говорит, что лучше бы я родилась Лёнькой, а не Ленкой. Но многие девочки считают меня просто несовременной, говорят, что современная девочка обязательно должна быть женственной.

Лена ЛЕБЕДЕВА,
с. Уйско-Чебаркульское, Челябинской области.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ПИОНЕРСКИЙ
КЛУБ
«ТОВАРИЩ»

Верны заветам Хо Ши Мина

«Дружба». Плакат Данг Дийк Три. 12 лет.

Председатель Центрального Совета пионерской организации Хо Ши Мина товарищ ЧЫОНГ ДИНЬ БАНГ отвечает на вопросы нашего специального корреспондента Анатолия БАРАНОВА.

Тридцать лет боролся наш народ с французскими и американскими агрессорами за свободу и независимость. Мы победили, страна наша объединилась. Но, к сожалению, настоящий мир не наступил.

«Готовим стенгазету к празднику Октября». Рисунок Ань Нгок Аня. 12 лет.

Китайским маоистам ненавистна миролюбивая политика Вьетнама, наша дружба с Советским Союзом и братскими социалистическими странами. Чтобы запугать вьетнамский народ, китайские банды еще в прошлом году стали нарушать границу нашей социалистической республики. Во время одного вооруженного нападения маоисты убили молодого пограничника Чиня. Совсем недавно он был пионером, вступил затем в ряды Союза коммунистической молодежи Хо Ши Мина, добровольно ушел защищать границы страны. И погиб как герой.

Тогда во Вьетнаме родилось движение молодежи «Учиться у Чиня защищать родину». Портрет Чиня есть сейчас в каждом пионерском отряде: мальчишеское лицо, веселые глаза, жизнерадостная улыбка. Он любил жизнь, но без колебаний отдал ее за родину. У него учатся наши пионеры любви к родине, готовности защищать отечество.

А когда пекинские правители начали подлую агрессию против нашей страны, тысячи юношей пошли добровольцами на фронт.

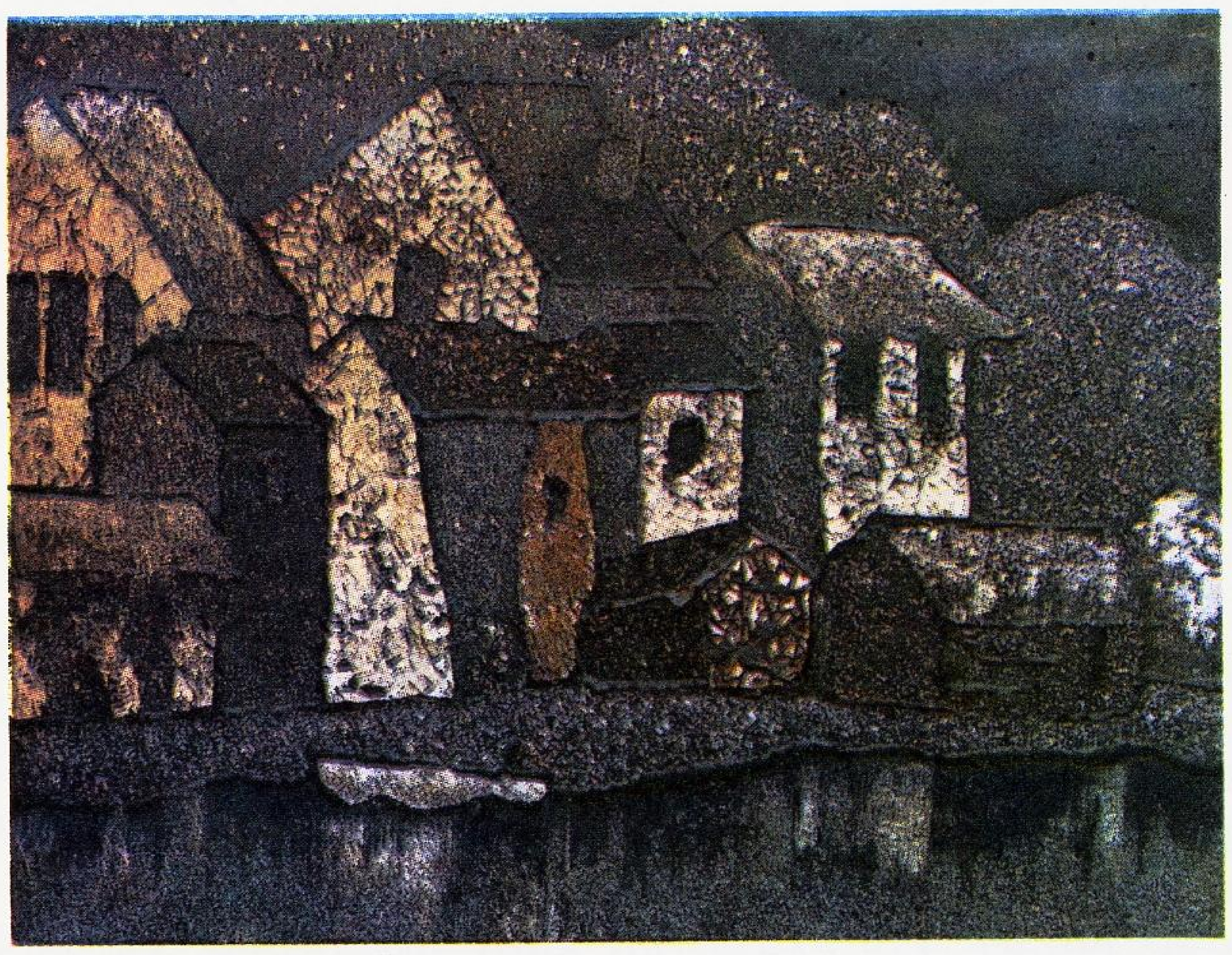
В священном деле защиты родины взрослым помогают пионеры, с новой силой развернулось тимуровское движение.

Вьетнамские тимуровцы носят имя юного героя Чан Куок Тоана. Отряды Чан Куок Тоана помог организовать сам Хо Ши Мин, и ребята очень гордятся этим. Осенью 1948 года, когда в стране началась война против французских колонизаторов, Хо Ши Мин попросил ребят помочь семьям бойцов. С тех пор над каждой семьей погибшего или раненого воина шефствуют пионеры.

Движению Чан Куок Тоана больше тридцати лет. Двести самых активных тимуровцев в прошлом году собрались на слет, чтобы обсудить свою работу, получить новые задания. Участников слета принял премьер-министр СРВ товарищ Фам Ван Донг. Центральный Комитет Союза коммунистической молодежи Хо Ши Мина присвоил всем участникам слета звание «Юный боец».

Наша пионерская организация носит имя Хо Ши Мина, первого президента свободного Вьетнама. Он завещал пионерам хорошо учиться и активно участвовать в строительстве социализма.

В нашей пионерской организации родилось



«Моя деревня».
Рисунок Тхе Лонга. 14 лет.

движение «Малый план»: каждый пионер, каждый отряд вносит вклад в строительство новой жизни.

Счет № 549 в Ханойском банке известен каждому пионеру в Социалистической Республике Вьетнам: вьетнамские школьники собирают макулатуру и металлолом, работают на рисовых плантациях и животноводческих фермах, а все заработанные деньги отправляют на свой пионерский счет. За последний год скопилась немалая сумма — больше четырех миллионов донгов. Ребята решили построить на собранные деньги целый пионерский поезд «Пионеры Хо Ши Мина». Настоящий поезд: тепловоз, багажный, почтовый и пассажирские вагоны. На главной

«Праздник воссоединения страны».
Рисунок Фам Ле Хоая. 9 лет.

железной дороге «Единство», соединяющей Ханой и Хошимин, уже ходит этот поезд, один из лучших поездов Вьетнама.

В нашей стране все — от мала до велика — дорожат дружбой с советским народом. Каждый год мы проводим республиканский конкурс «Хорошо знать жизнь страны великого Ленина». На последний конкурс ребята прислали больше ста тысяч рисунков, рассказов, стихов. Пионер Ле Зунг левой рукой (правую ему оторвало осколком американской бомбы) вылепил скульптурный портрет Ленина. Семиклассница Май Хпонг написала рассказ о своей дружбе с советской пионеркой. Когда Май Хпонг была в пионерском лагере Артек, она вела дневник. Наше детское издательство решило напечатать его отдельной книжкой для ребят.

Мы очень благодарны советским комсо-

«Песня».
Рисунок Чан Хюн Линя. 12 лет.

мольцам и пионерам за братскую помощь в годы войны и в отражении китайской агрессии, за поддержку в мирном строительстве. Сейчас советские архитекторы разработали для нас проект нового Центрального Дворца пионеров. Мы знаем, что деньги на его сооружение собирали советские пионеры.

От имени четырехмиллионной вьетнамской пионерии я передаю братский привет пионерам Советского Союза!

* * *

Большая часть средств, заработанных советскими людьми на субботнике, перечислена в Фонд помощи народу Вьетнама. В субботнике принимали участие и все пионерские дружины.

НОВЫЕ ПИОНЕРСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

ПИОНЕРЫ ИРЛАНДИИ

Семь столетий Ирландия была колонией Британии. Тридцать лет назад Ирландская Республика стала независимой от Англии. Великобритания признала независимость Ирландии, но экономика страны по-прежнему подчинена интересам английских капиталистов. А север страны — Ольстер уже десять лет оккупирован британскими войсками, обстановка там напоминает фронтовую.

Ирландский народ продолжает борьбу за полное освобождение. Вместе со взрослыми борются и дети.

В феврале 1978 года в Ирландии создана пионерская организация.

Сегодня в гостях у нас ее руководители. Они рассказывают о жизни и борьбе ирландских пионеров.

Мариан О' Брайн, учительница, казначей ирландской пионерской организации.

Мысль о создании демократической детской организации возникла у нас после того, как делегация ирландских ребят побывала в СССР, на Международном детском фестивале «Пусть всегда будет солнце!». Поэтому нашим гимном стала советская песня «Пусть всегда будет солнце!».

Пионером могут стать мальчик и девочка от десяти до четырнадцати лет, выполняющие законы пионеров. Каждый пионер вносит в фонд организации пять пенсов в неделю. Ребята проводят платные концерты, выставки, вечера. Заработанные деньги идут в казну нашей организации. Она очень маленькая — нас всего-навсего 50 пионеров и 8 вожатых. Но мы уверены, что пионерская организация скоро станет сильной и массовой.

Пионеры Ирландии носят красно-зеленый галстук. Красный цвет — цвет борьбы рабочего класса, зеленый цвет — цвет жизни и молодости.

Моррис Херн, рабочий, член Национального Совета пионерской организации.

В Ирландии много детских буржуазных организаций: например, скаутов, герл-гидов, религиозных и других групп. В них проводится военно-спортивное и религиозное воспитание ребят. Государство дает им много денег. Это позволяет создавать детские центры, лагеря отдыха.

Нам, конечно, трудно тягаться со скаутами, у нас нет таких средств. Но мы стараемся сделать жизнь ребят интересной, научить их думать о причинах неравенства, стараемся растить борцов, патриотов.

Луи Беннет, рабочий, секретарь Национального Совета пионерской организации.

Мы побывали в Москве и Латвийской республике. Никогда и нигде мы не видели ничего подобного. Только социалистическая страна может дать детям такие прекрасные возможности для развития.

В Риге мы посетили несколько школ. Это новые светлые здания, кабинеты оборудованы современной техникой, преподаватели работают в прекрасных условиях. Особенно поразило ласковое, внимательное отношение к детям. Когда я учился в школе, учителя би-

ли меня только за то, что я левша — пишу левой рукой. До сих пор в некоторых ирландских школах детей унижают, бьют. Против жестокого отношения к детям борется ирландская пионерская организация.

Жеральдина Хейс, служащая, член Национального Совета пионерской организации.

Советские ребята — настоящие интернационалисты, патриоты своей замечательной страны. Мы убедились, что Советская власть не ждала, пока будет объявлен Международный год ребенка, она всегда все лучшее отдавала детям.

Дорогие советские ребята! Будьте достойны своего прекрасного настоящего! Ирландские пионеры знают, что в Советском Союзе у них есть настоящие друзья, всегда готовые прийти на помощь.

Беседу вела А. БОРИСЕНКОВА, референт КМО СССР

Говорят твои сверстники

Шираку Сакария из Намибии, 12 лет

Моим родителям удалось получить образование, и они учили африканских ребят грамоте. У нас только дети белых учатся бесплатно. Родители африканских детей должны платить за учебу, их обучение не поощряется. Часто в нашу школу приезжали разные «комиссии», начинались придирки.

— Почему поете запрещенные песни?

— Это народные песни,— отвечал мой отец.— Их поет наш народ тысячи лет. Так мы учим детей родному языку.

— Зачем? — издевались расисты.— Вам понятнее язык плетки.

Однажды белые чиновники нагрянули с полицией на бронированных машинах и окружили нашу маленькую школу. Полицейские дубинками разгоняли учеников. Офицер в каске орал в мегафон:

— Убирайтесь, черномазые! Школа закрыта навсегда. Вы слишком грамотные стали. Вас тут учат беспорядкам!

Так дети остались без школы, а мои родители без работы.

Нашей семье удалось бежать в Анголу. Ангольцам тоже живется трудно, но они делятся с нами всем, что у них есть. А главное — мы учимся.

Но я не перестаю думать о своей родине. Что нужно детям Намибии? Свободная родина и школа на родном языке.

За это нам надо бороться. И победить!

❄

Кайси Ватанопунг из Лаоса, 11 лет

Когда мне было всего четыре года, в Лаосе шла война. Наш маленький город Конг каждый день бомбили американские самолеты. Мы прятались в бомбоубежище. Но в тот страшный день не успели. Я с сестренкой Нарай играла у порога, а бабушка и тетя Сиян шили. Бомба попала прямо в дом, он загорелся. Нас оглушило взрывом и засыпало обломками. Больше я ничего не помню...

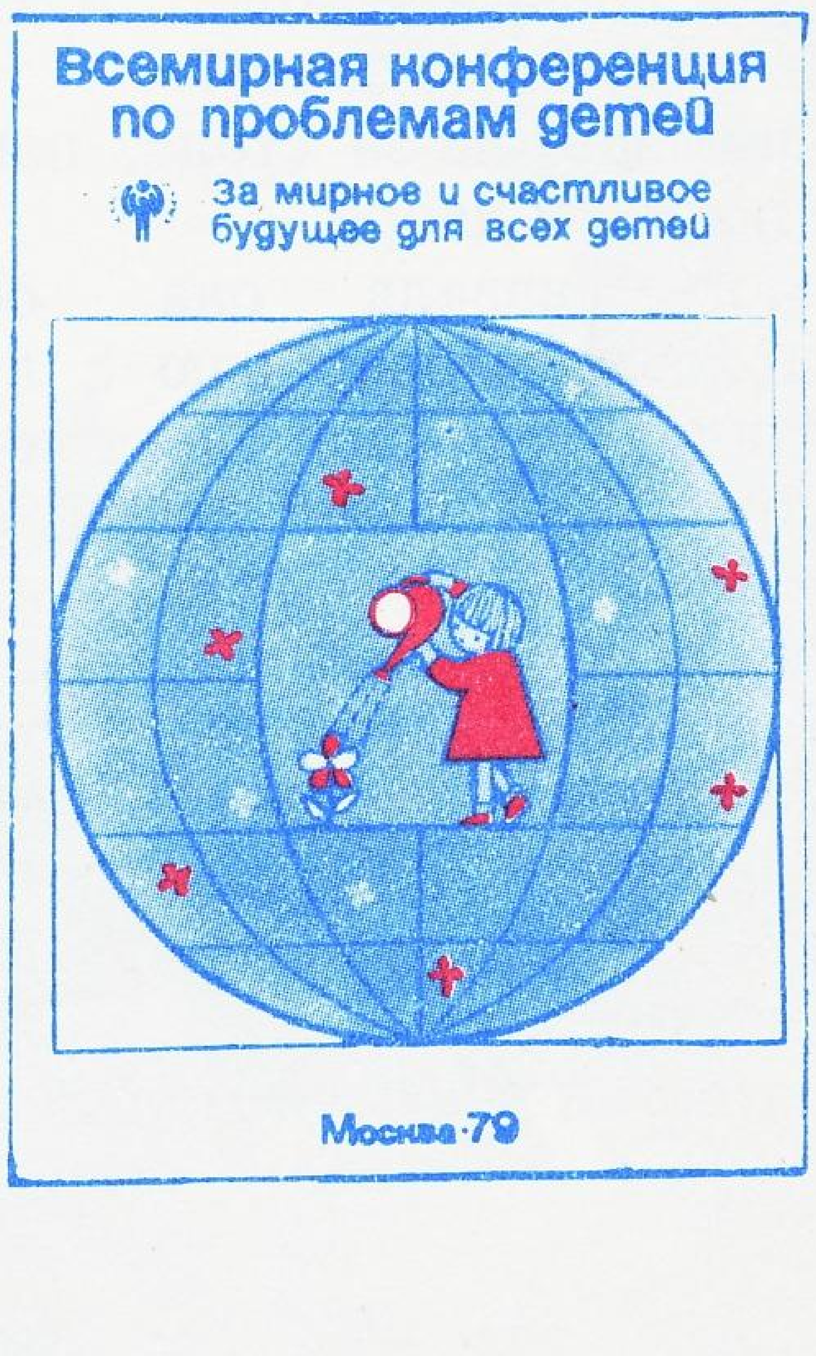
После бомбежки мама и папа стали разбирать развалины и нашли меня и сестру, тяжело раненных. Бабушку и тетю спасти не удалось...

С тех пор прошло семь лет. В нашей Лаосской Народно-Демократической Республике строится социализм. Мама и папа работают, мы с Нарай учимся. Живем в новом доме.

Я очень люблю петь и танцевать, мечтаю стать танцовщицей. Учителя говорят, что у меня есть способности. Сначала врачи удерживали меня, запрещали много двигаться, но я не послушалась их: стала больше заниматься спортом, подвижными играми и танцами.

Мой любимый танец называется «Цветок». Смысл его такой: растет на земле цветок, на него налетают бури, пытаются сломать. Но цветок крепко держится корнями в земле. Он слабый, маленький, но противостоит ураганам, потому что силу ему дают земля, на которой он растет, и добрые лучи солнца.

Рассказы ребят записал В. КРЮЧКОВ



ЮРИЙ ТОМИН

КАРУСЕЛИ НАД ГОРОДОМ

ПОВЕСТЬ, ОСНОВАННАЯ НА ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ, ПРИДУМАННЫХ АВТОРОМ

Продолжение. Начало в № 4.

Рисунки В. ДУДКИНА

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Мелкое разоблачение

Наступило утро четвертого дня с тех пор, как был установлен контакт.

На судьбе нашей маленькой планетки это никак не отразилось.

Не изменилась жизнь и в Кулеминске, который неторопливо вращался вокруг земной оси, подставляя бока восходящему солнцу. Взрослые кулеминцы уже шли на работу. Школьники, которым теперь все чаще снились каникулы, еще ворочались в постелях. Вернулась с ночного дежурства вполне выспавшаяся Анна Максимовна. На кухне, брезгливо морщась, намыливала шею Татьяна — ей сегодня предстояло сдавать зачет. Алексей Палыч по случаю свободного дня жарил на плите яичницу.

Когда сели за стол, Анна Максимовна вдруг вспомнила.

— А продукты я так и не нашла.

— Я не брала, ты не брала, Саша тоже не брал, — сказала Татьяна. — Один папа отмалчивается.

— Татьяна! — повысил голос Алексей Палыч. — У тебя во сколько зачет?

Татьяна поднялась из-за стола, повесила на плечо сумку и пошла к двери.

— Интересно, — сказала она, оборачиваясь, — как только я заговариваю о продуктах, ты сразу вспоминаешь о моей электричке.

Татьяна закрыла за собой дверь, но тут же приоткрыла ее снова.

— Интересно! — сказала она. — И странно!

Дверь за Татьяной закрылась. В эту минуту Алексей Палыч не возражал бы, чтобы она закрылась навсегда.

— Алексей, — тихо сказала Анна Максимовна, — это ты взял продукты.

— Ну я, — ответил Алексей Палыч.

— Зачем?

— Не скажу! — заявил Алексей Палыч.

Анна Максимовна оперлась локтями о стол, уперлась подбородком в ладони. Алексей Палыч увидел, что из глаз ее катятся слезы.

— Алексей, — проговорила она, — у тебя есть ребенок. Твой ребенок.

Алексей Палыч присел к жене, обнял ее за плечи и поцеловал в ухо.

— Аннушка, — сказал он, — у меня нет моего ребенка. Клянусь тебе в этом, чем ты только хочешь. Во всей вселенной у меня нет детей, кроме Татьяны, чтоб ей зачет сегодня не сдать. И не плачь, пожалуйста, попусту, иначе я тоже начну реветь. Ты посмотри, там все на месте, кроме одной банки.

— Правда? — воскликнула Анна Максимовна, и вопрос этот относился вовсе не к банкам.

— Честное слово, — сказал Алексей Палыч, и ответ относился не к банкам тоже.

— Ладно, — сказала Анна Максимовна, — пора Андрюшу будить. Бог с ней, с этой проклятой банкой.

Когда Алексей Палыч вышел из дома, земля слегка покачивалась под ним. И было это вовсе не оттого, что ось земная, как выяснили давно астрономы, немного пошатывается.

За четыре дня чувство опасности несколько притупилось. У входа в подвал Алексей Палыч уже не озирался по сторонам, но, войдя, дверь все же запер.

— Палыч, привет, — сказал мальчик, и в тоне его явно слышалось удовольствие. — Я слышал, как ты идешь. А вчера здесь был не ты.

— А кто же? — встревожился Алексей Палыч.

— Не знаю. Я слышал, как он уходил. Ты, Палыч, не бойся. Я ничего не трогал, не шумел и не включал свет. Я только посмотрел в эту дырочку, — мальчик показал в сторону окна, завешенного газетой.

— Как же он выглядел?

— Не так, как ты.

— Это ясно, — сказал Алексей Палыч. — Не сможешь ли ты его нарисовать?

Алексей Палыч подал мальчику листок бумаги и карандаш. К его удивлению, мальчик очень легко, несколькими штрихами изобразил женскую фигуру. Рисунок оказался настолько верным, что ошибиться было невозможно.

— Это не он, а она,— вздохнул Алексей Палыч.— Это женщина. Ее зовут Ефросинья Дмитриевна. Что она делала?

— Ничего. Сказала: «Есть кто там?» Потом сказала: «Господи, господи». Потом ушла.

— «Господи, господи...» — пробормотал Алексей Палыч.— Этого еще не хватало. Впрочем, все равно пора тебя выводить отсюда. Ты уже не младенец.

Да, теперь уже нельзя было сказать, что перед Алексеем Палычем стоял младенец. За ночь мальчик подрос еще и теперь стал ростом примерно с Бориса. Алексей Палыч подвел его к стене, к черте, проведенной карандашом. Все было точно до миллиметра.

— Значит, у вас слышат, о чем мы говорим?— спросил Алексей Палыч.

— У нас?— переспросил мальчик, и на лице его было искреннее недоумение.

— Ладно,— сказал Алексей Палыч,— это неважно. Лучше скажи: ты еще будешь расти?

— Теперь я знаю, почему Боря вчера говорил громко. Я не должен расти?

— Нам вообще-то не жалко,— пояснил Алексей Палыч,— но не можешь ты все время ходить в одеяле. А мы не можем менять тебе одежду так часто.

— Теперь я знаю,— сказал мальчик.— Я не буду расти.

— Слушай...— Алексей Палыч вдруг запнулся. Безликое это обращение давно уже ему не нравилось.— Как тебя зовут?

— Не знаю.

— А как тебя зовут у вас, дома?

— У нас?— снова удивился мальчик.— Я не понимаю тебя.

— У каждого человека есть имя. Меня зовут Алексей Палыч...

— Тебя зовут Палыч,— поправил мальчик.

— Ну, пускай так. Борю зовут Борей. Тебя тоже надо как-то называть. Выбирай.

— Называй меня Палыч. Мне так нравится.

— Двух «Палычей» многовато. Лучше как-то по-другому.

— Тогда Боря.

— Боря у нас уже есть. Еще думай.

— Сенька-Зараза.

— Что?!— переспросил Алексей Палыч.

Мальчик кивнул в сторону окна.

— Там они все время кричат: «Сенька-Зараза, отдай мне! Сенька-Зараза, не твой аут!» Наверное, Сенька-Зараза — хорошее имя, раз они все время кричат.

— Не совсем хорошее,— сказал Алексей Палыч, решив не пускаться в объяснения.— Давай я попробую.

Алексей Палыч задумался. Может быть, инопланетное происхождение мальчика было тому виной, но в голове учителя всплывали любые имена, кроме русских.

— Феликс!— воскликнул Алексей Палыч.— Кажется, на нашем языке это означает «солнечный».

— Тогда и зови на нашем языке — сказал мальчик.— Сенька-Зараза мне больше нравится, но пускай будет Солнечный.

Феликс отсчитал десять своих фигур, сгреб их с доски и протянул Борису.

— Нет, — возразил Алексей Палыч, у которого тоже имелись свои слабости. — Феликс звучит гораздо лучше. У нас в Кулеминске еще нет ни одного Феликса. Ты будешь первым. Согласен?

Мальчик согласился без особой охоты. Наверное, правду говорят, что первая любовь — самая сильная. Первой любовью Феликса продолжал оставаться Сенька-Зараза.

— А теперь, Феликс, — сказал Алексей Палыч с некоторой торжественностью, — я иду за одеждой. А ты посиди тут тихо. Ладно?

— Посижу, — согласился Феликс.

Алексей Палыч направился к двери. Феликс его окликнул:

— Палыч...

— Да, Феликс?

— Они там бегают, кричат... — Феликс показал на окно. — А что они еще делают?

— Они? Ну, еще они учатся, спят, едят, смотрят телевизор, ездят на велосипедах, ходят в кино, просто бездельничают.

— Я тоже хочу бегать, кричать и учиться.

— Послезавтра каникулы, — сказал Алексей Палыч. — Учиться они перестанут.

— Я тоже хочу смотреть, ездить и просто бездельничать, — настойчиво повторил Феликс. — Ведь я такой же, как они. Это ты не такой.

— Ты прав, — подтвердил Алексей Палыч. — Ты такой, а я не такой. Но я был таким и поэтому тебя хорошо понимаю. Я тебе обещаю: ты будешь бегать, смотреть и все остальное.

— Правда?

— Правда.

— И я увижу Сеньку-Заразу?

— Обязательно.

— Когда?

— Скоро, — неопределенно пообещал Алексей Палыч. — Ты меня жди. Я вернусь часа через два.

Алексей Палыч ушел. Точнее говоря, сбежал. Сбежал от вопросов, на которые ему все равно придется ответить.

Когда Алексей Палыч вернулся в лабораторию, он увидел такую картину: Борис и Феликс сидели за столом, между ними стояла шахматная доска с фигурами. Они спорили. В том, что шахматисты спорят, нет ничего удивительного — в шахматном кружке кулеминского Дворца культуры бывали даже и драки. Но вот о чем спорят Борис и Феликс, Алексей Палыч понял не сразу.

— Разве я неправильно ходил? — спрашивал Феликс. — Ты же сам показывал, что конь ходит так.

— Правильно, но плохо, — отвечал Борис. — Я его бесплатно возьму.

— Бери, пожалуйста.

— Так не играют.

— Почему? — удивился Феликс. — Ты же сам объяснял: нужно взять как можно больше фигур противника. Я противник. Вот и бери. Тебе же хочется взять?

— Мало ли что хочется... Мне, может, хочется десять фигур взять!

Феликс аккуратно отсчитал десять своих фигур, сгреб их с доски и протянул Борису.

— Бери десять, пожалуйста.

— Ну, и с чем ты остался?

— У меня осталось шесть штук, — дружелюбно ответил Феликс. — Дать тебе еще?

Борис снова поставил фигуры на прежнее место.

— Так не играют, — сказал. — Ты пойми, я должен стараться взять у тебя, а ты у меня.

— Я стараюсь. Но ты не даешь. Ты дай, тогда я тоже возьму.

— Я тебе объяснял! — повысил голос Борис. — Игра в том и заключается, чтобы не отдавать ничего!

— Ты опять говоришь громко, — сказал Феликс. — Я не понимаю. Хочешь взять — не берешь. Нужно взять больше — нужно не давать ничего. Я хочу взять — нельзя. Ты хочешь взять — нельзя. Никто никому ничего не дает, а взять нужно...

— Не взять — просто взять, а взять — слопать.

— Слопать?

— Ну, съесть!

— Съесть? Разве это тоже едят?

— Выиграть, — простонал Борис. — Это называется выиграть фигуру. Вот, смотри. — Борис снял с доски коня, а на его место подвинул свою пешку. — А теперь ты постарайся у меня что-нибудь выиграть.

— Понимаю, — сказал Феликс.

Он убрал с доски белого короля, а на его место переставил свою пешку, которую от короля отделяло пять клеток.

Борис смахнул с доски фигуры на стол.

— Вот и поговори с ним, — сказал он, обращаясь к Алексею Палычу.

Феликс не обиделся. Похоже было, что он обрадовался.

— Теперь ты взял все, — сказал он. — Теперь ты доволен?

— Все?! — возмутился Борис. — Все у меня и дома были. Незачем было и приносить.

— Если незачем, то зачем принес? — спросил Феликс.

— Да, с тобой не соскучишься!

— Тебе со мной весело!

— Еще и как... — вздохнул Борис.

— Я постараюсь, — пообещал Феликс. — Будет еще веселей.

— Это уж точно, — сказал Борис.

Алексей Палыч решил, что наступило время вмешаться. За Феликса он не опасался: кажется, у того был спокойный характер. Алексей Палыч решил пощадить нервы Бориса. Нервы эти, как уже понимал учитель, скоро потребуются все до единого.

— Боря, — примирительно сказал Алексей Палыч, — ты представь, что попал в незнакомую страну, и вот тебя учат играть, ну, скажем, в круглики...

— Какие круглики?

— Допустим, что у них такая игра.

— Буду делать, как они, и научусь.

— Вот как раз в шахматы так нельзя. Если будешь повторять ходы противника, то обязательно проиграешь. Уметь играть и уметь обучать игре — это совершенно разные умения. И давай договоримся — не нервничать. Думаю, что умение обучать нам понадобится в ближайшее время больше всего. В особенности тебе.

— Мне?!

— Именно тебе, — сказал Алексей Палыч. — Но об этом мы поговорим позже. А теперь давай займемся примеркой.

Когда Феликса переодели, вид у него оказался вполне приличный. Даже слишком приличный, словно его только что вынули из витрины.

— Ну, как? — спросил Алексей Палыч.

— Ничего, — ответил Борис. — Если бы ему еще немного штаны запачкать... курточку чуток порвать... ботинки грязью потереть...

— А вот это он сделает уже с твоей помощью, — сказал Алексей Палыч. — Боря, мне кажется, что мы больше не имеем права его здесь держать. Иначе все это не имеет смысла. И еще я тебе вот что хочу сказать: он сейчас примерно твой ровесник, и ты ему нужен больше, чем я.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ И ШЕСТОЙ

Начинается новая жизнь

Арсений Петрович Куликов работал на кулеминской фабрике игрушек. Был он роста весьма небольшого, и в Кулеминске про него говорили: фабрика игрушечная, и директор тоже игрушечный.

Благодаря тому, что его мало интересовало, насколько его шляпа возвышается над тротуаром, характер Арсения Петровича с годами почти не менялся. И в этом характере тоже было нечто игрушечное, а точнее — легкомысленное.

Это проявлялось в том, как он относился к воспитанию своих сыновей.

Арсений Петрович считал, что каждый человек прежде, чем стать взрослым, должен получить свою порцию шишек и синяков.

— Не поддавайся, Серега! Дай ему сдачи! — советовал Арсений Петрович, заслышав пыхтение младшего сына, затиснутого старшим в узкую щель между диваном и печкой.

Серега вообще-то не нуждался в советах. Он старался изо всех сил. Борис хорошо знал, что будет, если свернутого в крендель Серегу отпустить хоть на секунду. Серега извивался, как змей. Даже в этом положении он умудрялся укусить брата за палец или поддать коленом в живот.

Иногда Серега делал вид, что сдается.

— Чур, — говорил он. — Больше не буду.

В первый раз Борис поверил ему. Он даже попытался проявить благородство и повернулся к брату спиной. Тут же он получил такой удар головой под лопатку, что не смог устоять на ногах. Серега смеялся. Но недолго. Спустя несколько секунд он пролетел над столом, грохнулся о диван и сполз на пол. Другой бы на его месте мог что-нибудь сломать или вывихнуть. Но только не Серега. Он скорчился на полу, закрыл руками лицо, и можно было подумать, что он потерял сознание. Когда же Борис к нему пошел, то увидел в просвете между пальцами хитрый Серегин глаз и едва успел отскочить в сторону.

Нога Сереги грохнула о ножку стола. Целил он, конечно, не в стол.

Укротить Серегу было невозможно. Иногда в безвыходном положении он мог состроить жалостную гримасу. Но верить ему нельзя было ни на копейку.

При всем при том надо сказать, что Серега без Бориса скучал. Это проявлялось в том, что Бориса он выслеживал чаще других и чаще расстреливал из своего автомата на батарейках. Да и Борис хоть и грозился разломать автомат, но всерьез никогда об этом не думал. Отношения между братьями были очень простыми. Борис спокойно выливал воду из своего ботинка и отвешивал затрещину младшему брату. Младший брат спокойно принимал затрещину, спокойно попадал старшему ногой под коленку и наливал воду в другой ботинок. При этом никакой злости друг к другу братья не испытывали.

Арсений Петрович хотел, чтобы сыновья росли мужественными и сильными.

— Кончатся занятия — в лагерь, — сказал он Борису. — Я уже договорился. Великолепное место. Тренировки. Вода. Воздух.

Борис мог от спортивного лагеря увильнуть. Отец пошумел бы, но справиться с ним можно при помощи мамы. Борис так и сказал Алексею Палычу. Но учитель посмотрел на дело совершенно иначе.

— Да это же то, что нужно, — сказал он. — Мы с тобой голову ломаем, что делать с Феликсом... А если вас вместе отправить?

— Его там сразу разоблачат, — засомневался Борис.

— Что значит «разоблачат»? Кому в голову может прийти, что он ОТТУДА? Это мы с тобой знаем, да и то потому, что видели, как он появился. А ты посмотри на него со стороны: мальчик как мальчик, немного со странностями. Но у кого нет странностей? У каждого человека свои особенности. А главное, он должен быть среди людей. Я в этом совершенно уверен. Давай, Боря, думай. Если ты не согласен, я буду что-нибудь изобретать.

— Хорошо, я попробую. Только вы не обижайтесь, если не выйдет.

— Я не обижусь, — сказал Алексей Палыч. — Главное, чтобы он не обиделся.

С путевкой для Феликса — на что втайне

Борис надеялся — трудностей не оказалось. Все обошлось удивительно просто.

— Он ваш знакомый? — спросил начальник лагеря.

— Он издалека, — сказал Алексей Палыч. — Его на лето не с кем оставить.

— Понятно, — усмехнулся начальник лагеря. — Как всегда, Алексей Палыч, вы за кого-то хлопочете. О себе только забываете хлопотать. Дело прошлое, но ведь мою квартиру и вам могли дать.

— Мне что-то говорили... — засмущался Алексей Палыч. — Но дом у нас еще вроде приличный...

— Путевку я выпишу сам, — сказал начальник лагеря. — В порядке исключения. А вы внесите на наш счет в сберкассу восемьдесят рублей. Дороговато, конечно. Но скидку я вам оформить не могу.

— Зачем скидка? Не нужно никакой скидки, — заторопился Алексей Палыч, соображая, хватит ли у него денег. Деньги эти вот уже третий год копились — в тайне от жены — на магнитофон для лаборатории. Часть их уже была истрачена на одежду для Феликса.

— Мальчика как зовут?

— Очень просто — Феликс.

— А фамилия?

— А фамилии у него нет, — сказал Алексей Палыч и тут же мысленно стукнул себя кулаком по темени. — Ну, вы понимаете, я хочу сказать: нет такой звучной, такой красивой фамилии. Он Солнечный.

— Очень даже оригинальная фамилия, — не согласился начальник лагеря, заполняя путевку. — Вот, пожалуйста. Смена начинается завтра. Вы его сами приведете?

— Нет, он придет с моим учеником Куликовым Борисом. Вы их, пожалуйста, поселите вместе.

Алексей Палыч утром вывел Феликса из подвала. До начала экзаменов оставалось еще больше часа, и возле школы никого не было.

Той же улицей, что когда-то шли они с Борисом, Алексей Палыч и Феликс двинулись к лесу. Там должен был ждать Борис.

— Феликс, — сказал Алексей Палыч, — сегодня у тебя начинается совсем другая жизнь. Там будет много ребят, таких, как ты. Но ты не все у них спрашивай, если чего-то не понимаешь. Все спрашивать можно только у Бори.

— А Боря там будет?

— Боря все время будет с тобой. Но там будут и взрослые. Ты должен делать все, что они говорят. Ну, конечно, ты должен есть, как и все остальные.

Феликс поморщился.

— Это обязательно?

— Обязательно. Тогда ты будешь такой же, как они.

— Я буду бегать, играть, ходить, смотреть и бездельничать?

— Каждый день.

— А там будет Сенька-Зараза?

— Возможно, — сказал Алексей Палыч, прикидывая, кто бы мог быть этот Сенька? Пожалуй, Семен Дегтярев из седьмого. По вредности характера прозвище было ему в самый раз.

На опушке леса их ждал Борис. В руках он держал чемоданчик, в котором хватило места и для вещей Феликса.

— Я постараюсь вас навестить в ближайшее воскресенье.

Борис и Феликс шли по тихой лесной дороге. Феликс еще раньше выслушал подробные наставления Алексея Палыча. Теперь он внимательно слушал Бориса.

— Это тебе не в подвале сидеть, — говорил Борис. — Там распорядок дня. В одно время все встают, в одно время все ложатся. Не вздумай по ночам куда-нибудь бегать. Все встают — и ты вставай. Когда будут занятия, делай как все. Когда не будет занятий, держись поближе ко мне. Если тебя кто-нибудь тронет, скажи. Если сам будешь драться, не бей по морде — синяки остаются.

— По морде? — спросил Феликс.

— По лицу, — нахмурился Борис. — Хватит меня русскому языку учить.

— Я тебя не учу. Палыч сказал, чтобы я тебя слушался. А зачем бить по лицу? Ты Палыча бьешь по лицу?

— Не говори глупостей! Палыч — учитель, его бить нельзя.

— А тебя Палыч бьет по лицу?

— Я же говорю: Палыч — учитель, он никого бить не может.

— Тогда я хочу быть учителем, — сказал Феликс.

— Ты не можешь быть учителем, — пояснил Борис. — Для этого надо много учиться. А ты даже читать не умеешь.

— Я умею читать, — возразил Феликс.

— Когда же ты научился? — скептически спросил Борис. — У себя дома, что ли?

— У себя дома, — подтвердил Феликс.

Борис огляделся. Искать долго ему не пришлось. В лесу хватало всякого мусора.

Борис поднял обрывок бумаги с крупными буквами.

— Читай, если такой грамотный.

— «Не засоряйте лес! Он ваш др...» — прочел Феликс. — Боря, что такое «др»?

— Друг, наверное, — догадался Борис и вдруг заметил, что Феликс держит текст вверх ногами. — Не так, — сказал он и повернул обрывок. — Вот как надо.

— Нет так, — возразил Феликс и вернул обрывку прежнее положение.

— Кто же тебя так читать научил?

— Меня никто не учил, — сказал Феликс. — Я всегда умел читать. У себя дома, в лаборатории, я прочитал газету пять раз. Не смог прочитать только одну букву: там была дырка.

Борис постарался вспомнить. Да, газета, которой было завешено подвальное окно, висела вверх ногами: заголовок крупными буквами просвечивал внизу.

— Лучше бы ты совсем не умел читать, — вздохнул Борис. — Нет у меня времени тебя переучивать. Мы уже скоро придем. Теперь слушай дальше. В лагере будут девочки...

ДЕНЬ ШЕСТОЙ И СЕДЬМОЙ

Учиться трудно, но и учить нелегко...

Начальник лагеря не забыл слова, данного Алексею Палычу. Он сам проследил, чтобы Бориса и Феликса поселили в одной комнате. Их кровати стояли рядом.

— Нравится? — спросил он ребят.

— Здесь очень хорошо, — сказал Феликс, вспомнив наставления Бориса.

Начальник удовлетворенно хмыкнул.

— Для вас старались, — сказал он. — Чем намерены заниматься у нас? Вы ведь оба без направления от спортшколы.

— Бегать, играть и бездельничать, — откровенно сказал Феликс.

Начальник засмеялся.

— Бегать — сколько угодно. Специализации по спортиграм у нас нет, но играть будете. А вот бездельничать вам мы не дадим. Бездельников мы не держим.

— А Палыч говорил... — начал было Феликс, но тут же замолк: был у него с Борисом такой уговор, — молчать, если Борис наступит ему на ногу.

— Какой Апалыч? — спросил начальник.

— Алексей Палыч, — поспешил вмешаться Борис, пока Феликс еще чего-нибудь не сморозил. — Его в школе так зовут: Апалыч, значит, Алексей Палыч.

— Мы его так не звали, — сказал начальник. — Впрочем, времена меняются. Давайте устраивайтесь — и на медосмотр.

Начальник ушел. Борис убрал пятку со ступни Феликса.

— Ты про Палыча забудь!

— Я не могу про него забыть.

— Тогда хоть молчи, про чего не спрашивают. Сейчас пойдем на медосмотр. Там отвечай только на вопросы, как я тебе говорил. Если ничего не спрашивают, молчи. Пускай лучше думают, что ты тупарь. Такие у нас попадаются.

Возле медицинского пункта толпились девочки. Борис показал их Феликсу издали.

— Вон девочки стоят, про которых я тебе говорил.

— Я помню, — сказал Феликс, внимательно вглядываясь в девичью очередь. — Девочки — это «она». Но они совсем не похожи на Ефросинью Дмитриевну.

— Какую еще Ефросинью Дмитриевну?

— Которая приходила вечером. Палыч сказал, что она тоже «она». Но она не такая.

— Когда она приходила?

Феликс повторил все, что уже говорил Алексею Палычу. Борис присвистнул.

— Вовремя мы оттуда смылись!

— Смылись?

— Ушли, — слегка повышая голос, пояснил Борис. — Это приходила наша уборщица. Она не девочка, она старушка. Как бы тебе объяснить? Старушка — это такая девочка, которая уже старая.

— Понятно, — сказал Феликс. — Значит, девочка — это молодая старушка?

— Девочка — это девочка, — простонал Борис. — А старушка — это старушка. Просто они обе женщины. Она — это женский род. Девочка потом станет старушкой, а старушка никогда уже девочкой не станет.

— Почему? — спросил Феликс. — Она не хочет?

— Если и хочет, то не может.

— Теперь понятно, — сказал Феликс.

Медицинский осмотр прошел почти без происшествий. Ребят осматривали в трусах, и отсутствие пупка не было обнаружено. В остальном Феликс был не хуже других, а кое в чем даже получше: у него оказались не по возрасту сильные ноги и большой объем легких.

Вот с этим объемом и получилось недоразумение, которого, к счастью, никто, кроме Бориса, не заметил.

— Набери полную грудь воздуха. Дуй сюда, — сказала Феликсу женщина в белом халате.

Борис, стоявший сзади, боялся, что сейчас Феликс начнет задавать вопросы вроде «Что такое «дуй?» или выяснять, где у него грудь. Но Феликс дунул без всяких вопросов.

— Великолепно! — сказал врач. — Даже слишком великолепно. Мальчик, ты не работаешь стеклодувом?

— Стеклодувом не работаю, — спокойно сказал Феликс.

— Подойди ко мне. Дыши.

Феликс послушно подошел и подышал.

— Не дыши. Хорошо. Можешь идти.

Когда Феликс ушел, Борис вздохнул с облегчением. Каждая лишняя минута в медкабинете грозила разоблачением безпупковости.

Когда же Борис вышел из кабинета, он обнаружил, что Феликс все еще не дышит. Глаза у Феликса лезли на лоб. Он сжал кулаки, покраснел и сдерживался из последних сил. На секунду у Бориса мелькнула мысль, что сейчас Феликс, как никогда раньше, похож на нормального человека.

— Дыши, дурачок, — с непритворной заботой сказал Борис. — Дыши, а то так и помереть можно.

Феликс вытаращил глаза на Бориса, покраснел еще больше, но дышать не стал. Борис забеспокоился всерьез.

— Феликс, дыши, говорю!

Феликс шумно выдохнул воздух. Вдохнул.

Снова выдохнул. Снова вдохнул. И сказал:

— Спасибо, Боря. Я не знал, что так тяжело не дышать. Там в медпункте плохая девочка?

— Она не девочка, а врач, — пояснил Борис. — Чтобы дышать, разрешения не спрашивают. Нужно самому дышать, нечего пыжиться. Плохо бы тебе было, если бы я не пришел.

— И дурачку тоже плохо?

— Какому дурачку?

— Которому ты дышать разрешил?

Борис с сомнением глянул на Феликса, стараясь угадать на его лице притворство. Но притворства не заметил. Нужно быть артистом, чтобы так притворяться. Даже не простым артистом — заслуженным.

— Хватит, — сказал Борис. — Сегодня ты меня больше ни о чем не спрашиваешь. Договорились?

— Сегодня не буду, — послушно ответил Феликс. — Но ты не ответил на вопрос: где дурачок?

— Он здесь, — сказал Борис. — Я тебе его потом покажу.

На этот раз Борис имел в виду самого себя. Сейчас он просто не представлял, как выдержит целый месяц.

Утром под руководством Бориса Феликс застелил постель.

— Сейчас побежим умываться, — шепнул Борис. — Потом зарядка. Делай так, как все делают.

С разных концов лагеря к озеру бежали ребята. Феликс бежал рядом с Борисом; под ноги он не смотрел и два раза споткнулся.

— Не заглядывайся на девочек, — посоветовал Борис на ходу.

— Мне девочки нравятся, — на бегу ответил Феликс.

— Этого еще не хватало, — буркнул Борис.

Борис понимал, что невозможно все время держать Феликса в стороне от ребят, но для начала увел его на дальний конец пляжа.

Борис уже убедился, что Феликс, если ему показать, все запоминал точно. Зубы, например, он почистил с первого раза. Но плохо выходило, когда он начинал действовать самостоятельно.

Намыливая лицо, Борис зажмурился, а когда промыл глаза, увидел, что Феликс откусывает кусочек мыла.

— Выплюнь, это нельзя есть!

Но было уже поздно. Когда Борис залез пальцами в рот Феликса, мыла там не оказалось.

— Допрыгался, — сказал Борис. — А если у тебя живот заболит? Ведь твой живот и показать никому нельзя. Особенно врачу.

— И не надо показывать, — ответил Феликс. — Она плохая девочка.

— Я тебе уже объяснил: она не плохая, она врач. Врач может даже делать больно, а все равно для твоей пользы.

— Боря, мне не нужно два раза объяснять, — сказал Феликс. — Я все понял.

— Зачем же ты ее девочкой зовешь?

— А это шутка, — пояснил Феликс.

— Какая шутка? — возмутился Борис.

— Ты разве забыл? Ты мне обещал потом объяснить.

— Только шуток мне еще твоих не хватало! Ты сначала научись соображать, что к чему. Тебе Палыч велел меня слушаться? Ты обещал?

— Я обещал.

— Тогда я тебе приказываю: никаких шуток. Понял?

— Понял, — послушно ответил Феликс. — А все-таки девочки лучше, чем старушки? Да?

— Лучше, — отмахнулся Борис. — Только не вздумай задавать такие вопросы старушкам. Старайся спрашивать только меня.

— Я стараюсь, — сказал Феликс. — Но ты не всегда отвечаешь. Когда ты не отвечаешь, мне хочется спросить у других.

На пляже уже почти никого не было. Опаздывать на зарядку на виду у всех Борис не собирался.

— Хорошо, — сказал он, собирая остатки терпения. — Я постараюсь отвечать на все твои вопросы. Но ты учти, я тоже не все знаю.

— Разве? — спросил Феликс. — А я думал, что все.

Сказано это было всерьез или в шутку, Борису раздумывать было некогда.

Зарядка прошла нормально.

За столом, кроме Бориса и Феликса, сидели еще две девочки. Вчера этих девочек не было. Наверное, они приехали рано утром.

Феликс, как только уселся за стол, уставился на них так старательно, что, будь у него четыре глаза, их тоже бы не хватило. Забыв о еде, он смотрел внимательно и неотрывно. Он не улыбался и не хмурился, а просто смотрел.

Нога Бориса под столом поехала вбок.

Честно говоря, девочки не слишком смутились. Это были закаленные девочки; им не раз приходилось выступать на районных и на областных соревнованиях; им уже пришлось пережить и свист и аплодисменты; на них были тренировочные костюмы из чистой шерсти; мальчишек они видели и не таких.

Да, не таких видели. Но было что-то странное в серьезной внимательности этого парня. Он не просто смотрел. Он смотрел так, будто хотел запомнить их на всю жизнь.

Сначала одна девочка, потом другая положили свои ложки на стол и переглянулись. Та, что была с короткими косичками, торчавшими вбок, спокойно спросила:

— Ну что смотришь?

Борис придавил ногу Феликса посильнее. Это был намек, чтобы Феликс отвернулся и начинал есть. Но для Феликса это означало только приказ молчать. Он молчал, хотя ему очень хотелось кое-что спросить.

Вторая девочка, с длинными волосами, пожала плечами.

— Разве не видишь? Мы ему понравились.

Это было выше сил Феликса. Он уже не чувствовал ногу Бориса.

— Вы мне понравились, — сказал Феликс, и изо рта его выплыл мыльный пузырь.

Девочки снова переглянулись. Это были за-

служенные девочки: рассмешить их было не просто.

Пузырь тут же лопнул.

— Ты фокусник? — спросила девочка с косичками.

— Я Феликс, — ответил Феликс, и изо рта его выплыло два пузыря.

На этот раз пузыри не лопнули. Переливаясь радужными боками, они поплыли к потолку столовой. Девочки фыркнули.

Феликс заулыбался. Ему было приятно смотреть на девочек. Но сейчас он видел, что и девочки смотрят на него с любопытством. Они проводили пузыри взглядами, и Феликс понял, чем он заслужил их внимание.

Быстро сообразив, что количество пузырей зависит от количества выдыхаемого воздуха, Феликс дунул изо всех сил. Цепочка пузырей сорвалась с его губ. Покачиваясь, искривляясь, увеличиваясь, радужные шары поплыли над головами юных спортсменов. Теперь уже смеялись и за соседними столиками.

Дежурный воспитатель, он же тренер по легкой атлетике, зашарил глазами по столовой. А счастливый Феликс, не понимая, какая нависла над ним гроза, все дул и дул, и пузыри вылетали из его рта сплошной цепочкой.

Тренер поманил Феликса пальцем. Феликс сразу же послушно подошел.

— Ты что, думаешь, в цирк приехал? — спросил тренер.

Все на минуту притихли, ожидая, как выкрутится этот незнакомый парнишка.

— Я думаю, что приехал в спортивный лагерь, — вежливо сказал Феликс.

В ответе Феликса было ровно семь слов. И ровно семь пузырей разбилось о широкую грудь тренера.

Не будь над столовой второго этажа, ее потолок вполне мог подняться на воздух от хохота. Но тренер укрощал и не таких скакунов.

— Вон из столовой, — спокойно сказал он. — Подойдешь ко мне после завтрака.

Проходя мимо девочек, Феликс смотрел на

— Вы мне понравились,— сказал Феликс, и изо рта его выплыл мыльный пузырь.

них, стараясь поймать их взгляды. Но девочки отвернулись. Тренер, выгнавший Феликса, был как раз их тренером.

После завтрака Борис пулей вылетел из столовой. Феликс стоял возле доски объявлений и выворачивал голову самым немыслимым образом, чтобы текст объявлений принял привычное для него положение.

Борис ткнул Феликса в спину и показал рукой за угол столовой.

— Что это такое! — прошипел Борис, когда они скрылись от выходящих из столовой ребят. — Тебя же выгонят из лагеря! Сколько Алексей Палыч старался! Сколько я старался! И все теперь пропадет из-за твоих пузырей! Ты зачем мыло жрал?

— Жрал? — с привычным уже для Бориса недоумением спросил Феликс.

— Ел, ел, ел... — горячо зашептал Борис. — Кушал, кушал, кушал... кушал, лопал, трескал, шамал... это все одно и то же... — от волнения Борис начал отбивать рукой такт и, сам того не замечая, продолжал говорить стихами. — Если это не понятно, то катись домой обратно! Вот!

— Я понял, что ему не понравились пузыри. Но зато всем остальным понравились. Все смеялись. Ведь если смеются, это хорошо? Разве может быть один лучше всех?

— Он не лучше. Он главнее.

— Главнее девочек?

— Феликс, — сказал Борис безнадежным голосом, — если ты еще раз... Слушай, Феликс, я тебя отправлю домой.

— В лабораторию? К Палычу?

— Нет. Я про тебя расскажу, и тебя отзовут.

— Куда отзовут? — безмятежно спросил Феликс, и Борис, как ни был зол, вспомнил, что Феликс перед ним беззащитен.

— Сейчас ты пойдешь к этому человеку, — вздохнул Борис. — Ты ему скажешь: «Простите меня, пожалуйста, я никогда больше не буду хулиганить. У меня получилось не нарочно, я случайно уронил в кашу кусочек мыла».

— Но я не ронял в кашу мыло, — возразил Феликс.

— Так нужно, — сказал Борис. — Я тебе потом объясню. Говори только эти слова и ничего больше, даже если тебя будут спрашивать. Иди, он выходит. И не говори все подряд. Он скажет — ты скажи, он скажет — ты скажи.

Феликс направился к тренеру. Тот увидел его издали и остановился, заложив руки за спину. Феликс подошел и встал молча.

— Ну? — спросил тренер.

— Простите меня, пожалуйста, — сказал Феликс.

— Допустим...

— Я никогда больше не буду хулиганить.

— Допустим и это.

— У меня это получилось не нарочно, я случайно уронил в кашу кусочек мыла.

— Предположим, поверил.

Поскольку Феликсу было приказано ничего больше не говорить, пластинка пошла на второй круг.

— Простите меня, пожалуйста, — сказал Феликс.

— Ну дальше, дальше...

— Я никогда больше не буду хулиганить.

— У тебя внутри патефон? — спросил тренер.

— У меня получилось не нарочно, я случайно уронил в кашу кусочек мыла.

Тренер внимательно посмотрел Феликсу в лицо и увидел чистый инопланетный взгляд. Впрочем, тренер даже мысли не допускал, что над ним могут шутить.

— В столовой ты был похрабрее. Девочки тебе мои, что ли, понравились?

Феликс вздрогнул. Игла соскочила с пластинки.

— Девочки понравились, — радостно сказал Феликс. — А вам они тоже понравились?

Тренер усмехнулся.

— Вот что: ты пойдешь в группу легкой атлетики. Посмотрим, как ты там будешь пузыри пускать.

Феликс вернулся к Борису.

— Ну, что он сказал?

— Сказал, что девочки...

— Помешался ты на девочках! Что он про тебя сказал?

— Сказал — пойдешь в группу легкой атлетики.

— Значит, простил, — обрадовался Борис. — Пойдем вместе, мне все равно где заниматься.

Когда Борис и Феликс подошли к легкоатлетическому сектору, там уже собралась группа человек в тридцать. Знакомый тренер поставил их в строй, а сам отошел в сторону, где на траве сидели две девочки в синих тренировочных костюмах из чистой шерсти.

— Володя, — сказал тренер своему помощнику, — ты тут разберись что к чему. Мы пойдем поработаем над стартом. Пошли, девочки.

Девочки поднялись и направились за тренером на беговую дорожку. Походка у них была ленивая и расслабленная; в руках они несли туфли, каких Феликс еще никогда не видел: на подошвах туфель росли зубы.

— Зовут меня Владимир Антонович, — сказал помощник, одетый в костюм еще более прекрасный, чем у девочек: по синим рукавам шла белая полоса. — Для начала подтяните животы и распрямите спины. Дегтярев, что ты стоишь, как будто кочергу проглотил?

Строй зашевелился. Дегтярев выпрямился, втянул до отказа живот и замер, изображая стопроцентное повиновение.

— Сейчас все разденутся, — сказал Владимир Антонович. — Пробегите два круга по стадиону. В легком темпе. Не старайтесь друг друга обгонять — это не соревнование, а разминка.

Раздевшись, ребята выстроились на дорожке.

— Марш!

Феликс бежал первый раз в жизни. То, о чем он мечтал в подвале, свершилось: рядом с ним бежали такие, как он. Зачем все это делалось, Феликс не знал, но это было прекрасно. Бежать было так легко, что Феликс постепенно стал

выходить вперед. Великолепное чувство — чувство победы — охватило его. Но тут же это чувство столкнулось с более сильным.

На беговой дорожке, у линии старта, прохаживались девочки. Они посторонились, пропуская Феликса и остальных. Остальные убежали вперед, а Феликс остановился. Он не мог пробежать мимо этих девочек.

— Ну, что скажешь? — спросил тренер.

— А что нужно сказать? — спросил Феликс.

Девочки не смотрели на Феликса. Но они не были бы девочками, если бы, даже не глядя, не знали, что этот парнишка таращится на них, как на чудо. Девочки переглянулись и засмеялись. А опытный глаз тренера машинально отметил, что паренек дышит ровно и глубоко, хотя пробежал почти целый круг.

— Догоняй, догоняй, — сказал тренер.

Феликс побежал. Бежал он, с точки зрения тренера, безобразно: шаг укороченный, не размашистый, подбородок задран, грудь выпячена. Но догнал он всю группу еще в начале второго круга.

На втором круге Феликс опять собирался притормозить, но тренер был теперь начеку. Легким шлепком пониже спины он послал Феликса на финишную прямую, и тот прибежал впереди всех метров на двадцать.

Владимир Антонович про себя это отметил. Но вслух он сказал:

— Я же говорил, не устраивать гонки. Ты мне всю группу загонял.

Некоторые ребята, в том числе и Борис, повалились на траву.

— Не лежать! Не лежать! Прохаживайтесь! — прикрикнул Владимир Антонович. — Впредь будете знать, когда пробежка, а когда чемпионат мира.

Запыхавшийся Борис подошел к Феликсу.

— Бегаешь ты прилично, — сказал он. — Только бегай потише.

— А как это потише? Чтобы не слышно было?

— Помедленней. Ты особенно не выделяйся. Тебе нельзя.

— Не понимаю, — сказал Феликс. — Боря, ты все время мне говоришь: это можно, а это нельзя. Почему ты говоришь только мне? Почему ты не говоришь другим, таким же, как я?

В голосе Феликса не было ни малейшей обиды. Он просто интересовался — почему?

— Потому что я тебе вроде бы друг.

— А что такое «вроде бы друг»?

— Господи, — сказал Борис. — Не «вроде бы друг», а просто друг, не приставай. Потом объясню.

— Все потом, потом... Ты говоришь «потом», а сам забываешь.

— Зато ты хорошо помнишь.

Но Феликса сбить было не так-то просто.

— Я хорошо помню, — сказал он. — Разве это плохо — хорошо помнить?

Борис уже знал, что игра в вопросы-ответы могла продолжаться до вечера. Выручил на этот раз Владимир Антонович.

— Отдохнули? — сказал он. — Теперь давайте попрыгаем.

— Каким стилем? — осведомился Дегтярев, который в любой компании привык быть главным.

— А каким ты умеешь?

— Перекидным, — сказал Дегтярев, вычитавший это слово в газете «Советский спорт», которую выписывал отец.

— Прекрасно, — сказал Владимир Антонович. — Стиль вполне современный.

Планку на метровой высоте перепрыгнули все. Кроме Дегтярева. Поплевав зачем-то на руки, Дегтярев разбежался и прыгнул вперед головой. Стиля хватило ровно на первую половину прыжка. Хоть это и невозможно, но Дегтярев умудрился остановиться над планкой в воздухе.

Затем он обрушился на песок вместе с планкой.

— Попробуй без стиля, — посоветовал Владимир Антонович.

Но Дегтярев был парнем самолюбивым. Еще дважды он бодал головой воздух над планкой и дважды грохался на живот.

— Упорство — хорошее качество, — заметил Владимир Антонович. — Если это, конечно, упорство, а не упрямство.

— А у него упорство или упрямство? — спросил любознательный Феликс.

Владимир Антонович усмехнулся, но ничего не ответил. Он начал устанавливать планку повыше. Дегтярев придвинулся к Феликсу и негромким голосом человека, привыкшего повелевать, посоветовал:

— А ты, лопух, заткнись.

Феликс промолчал. Дегтярев отошел в сторону. Это вовсе не значило, что он простил. Память у него была хорошая.

На высоте сто двадцать осталось всего два человека. Это было естественно, потому что группу подобрали из новичков.

На высоте сто тридцать остался один Феликс.

А дальше пошло: сто тридцать пять... сто сорок... сто сорок пять... сто пятьдесят.

Так и хочется написать, что Феликс взлетал в воздух, как птица. Но нет. Он перелетал планку в положении, которое можно назвать «положение сидя». Он поджимал колени к животу и нелепо размахивал руками. Он падал на песок то боком, то на колени. Но планка оставалась на месте.

Владимир Антонович не делал никаких замечаний. Это не имело смысла, потому что Феликс все выполнял неправильно. Но с каждой новой высотой он все более убеждался в том, что у мальчишки есть два важных качества: природная координация и отсутствие страха перед высотой.

С каждым новым прыжком Борис мысленно желал, чтобы планка слетела.

С каждым новым прыжком мрачнел Дегтярев. Успех Феликса он расценивал как личное оскорбление.

Наконец, на высоте сто пятьдесят пять планка упала. Ребята захлопали в ладоши, поздравляя

Феликса с нечаянной победой. Сердце Дегтярева сжалось от злости.

— Перерыв, — сказал Владимир Антонович. — У кого есть закурить?

Ребята с недоумением переглянулись. Впрочем, недоумевали не все. Большой ум и большая злость могут совмещаться в одном человеке. Но у Дегтярева они не совмещались. Машинально он сделал шаг в сторону своей одежды.

— Дегтярев, подойди ко мне. С одеждой, пожалуйста.

— Обыскивать, что ли, будете? — мрачно спросил Дегтярев, когда до него дошло.

Феликс перелетел планку в «положении сидя», прижав колени к животу.

— Не буду, — сказал Владимир Антонович, — сам отдашь.

Дегтярев молча достал из кармана брюк пачку «Памира».

— И спички.

— Спичек нет, — злорадно сказал Дегтярев. — Хоть обыщите.

— Я тебе верю, — сказал тренер, — но если я хоть раз увижу тебя с сигаретой, ты вылетишь из лагеря в тот же день. А сейчас иди поруководи. Видишь, без тебя в футбол никак не могут начать.

Футбольная площадка в лагере была уменьшенного размера. Но играть от этого было только веселей: мяч быстрей переходил от одних ворот к другим. Как и положено неумелым игрокам, ребята кучей носились за мячом; клубок игроков перекатывался по полю. В этой свалке мастерство Дегтярева слегка затушевывалось. Но все же он чаще других получал мяч, чаще бил по воротам. Отбирая мяч, Дегтярев не стеснялся: бил ногами, толкал в спину. А вот его не толкали. И не потому, что боялись. В группе имелись ребята и посильнее. Было в Дегтяреве нечто такое, что заставляло ему подчиняться.

Борис и Феликс, стоя возле ворот, наблюдали за игрой. Феликс подпрыгивал от восторга. Смысл игры он понял быстро. Но самое прекрасное заключалось в том, что игра содержала в себе все, о чем он мечтал: тут можно было бегать, прыгать, ходить и даже бездельничать. Последним как раз и занимался один из игроков команды — противника Дегтярева.

— Да выгоните вы этого сачка! — посоветовал Дегтярев, когда игра приостановилась. — Он всю дорогу на месте стоит.

Дегтярева послушались. Кто-то позвал Бориса, но Дегтярев вмешался и тут.

— Давайте попробуем вот этого, умного, — сказал он, показывая на Феликса. — Умный, хочешь сыграть?

Дегтярев пригласил Феликса не случайно. У него были на этот счет свои планы.

После того как Феликс объяснил, что его зовут не «умный», а совсем по-другому, игра началась.

Феликс наслаждался изо всех сил. Правда, мяч ему пока не доставался: пасов ему не давали, а отнимать мяч у противника Феликс считал неудобным. Но зато он бегал и прыгал! Этого ему хватало для полного счастья. Несколько раз за его спиной пробегал Дегтярев. Тогда Феликс почему-то падал, иногда ушибался, но он видел, что другие падают тоже, считал, что это входит в правила игры, и не обижался на Дегтярева. Впрочем, Феликс и не знал, что такое обида. А вот Дегтярев знал. Рубанув в очередной раз по ногам Феликса, он ждал, когда тот ответит, и тогда можно будет начать драку. А Феликс падал на землю и счастливо смеялся. И Дегтярев раздувался от злости.

Наконец Феликс получил мяч. Никто ему не пасовал, просто мяч случайно откатился к нему. Подождав секунду и увидев, что мяча у него ни-

кто не просит, он побежал к воротам. Так вышло, что Феликс находился в стороне от ребят. И когда он побежал, то догнать его никто не мог — бегал-то он быстрей всех. До ворот оставалось уже метров пять. И тут Феликс внезапно остановился. Он увидел, что вратарь протянул в его сторону руки, и подумал, что тот просит у него мяч. Отказать Феликс не мог. Он взял мяч в ладони и протянул его вратарю.

Вратарь почему-то мяч не взял. Он ошалело смотрел на Феликса.

— Рука! — заорал Дегтярев. — Штрафной!

Последние слова Дегтярев произнес уже в воздухе. Он прыгнул с разбегу, как будто остановиться уже не мог. Он летел головой вперед, только вместо планки теперь перед ним была спина Феликса.

Феликс, держа в руках мяч, влетел в ворота и растянулся. Удар о землю не причинил ему сильной боли. Но спина в момент удара Дегтярева была у него расслаблена. А получать такие удары не любят даже взрослые футболисты.

Ребята стояли молча. Всем было ясно, что дело тут не в штрафном.

— Ну, давай, давай, — заторопил Дегтярев. — Кто будет штрафной бить?

Дегтяреву не было жалко Феликса. Просто он понял, что перестарался.

С другого конца поля к воротам, почуяв неладное, спешил Борис.

— Зря ты так, Сенька, — сказал один из ребят.

— А чего ему сделалось? Вон, смотрите, смеется.

А Феликс и вправду, пересиливая боль, широко улыбался. Он встал и подошел к Дегтяреву.

— Ты Сенька? — спросил Феликс.

— Ну? — буркнул Дегтярев, не понимая, что случилось веселого.

— Ты Сенька-Зараза? — радостно улыбаясь, сказал Феликс.

— Че-во? — спросил Дегтярев.

— Сенька-Зараза! — с восторгом повторил Феликс.

Феликс ошибался. Семен Дегтярев был вовсе не тем Сенькой, которым он восхищался, сидя в подвале. Случайное совпадение. Но Феликс не знал, что на свете бывают другие Сеньки, для него существовал только единственный.

Услышав такое оскорбление, Дегтярев обрадовался. Теперь все видели, что он обижен. Теперь все понимали, что он вынужден защищаться.

Дегтярев двумя руками толкнул Феликса в грудь, и тот упал на спину. Феликс все еще улыбался. Но уже и он начал понимать, что так не играют.

— Ты чего хочешь, Сенька-Зараза? — спросил он дружелюбно.

Именно это дружелюбие окончательно взбесило Дегтярева. Злость его кипела внутри, как смола.

— Зараза?! — заорал Дегтярев. — Я тебе покажу «заразу»!

Дегтярев замахнулся ногой. Он хотел пнуть лежащего на земле Феликса. Но не успел. В тот же момент он сам полетел на землю. Это Борис, не разбираясь, врезался в него с ходу.

На лице Дегтярева впервые за весь день появилась усмешка.

— Двое на одного... — сказал он и вскочил на ноги.

Дрался Дегтярев не слишком красиво: он пинался, захватывал руки, старался ударить в лицо головой. Борис был слабее, и ему порядочно доставалось. Кроме того, Борис не хотел драться: не было в нем сейчас настоящей злости для драки. Он защитил Феликса, и этого ему было достаточно. Больше всего он боялся, что драку заметит тренер. Наверное, этого боялись и остальные. Они обступили Бориса и Дегтярева кольцом.

Издалека донесся свисток, призывающий ребят на занятия. Дегтярев нехотя остановился.

— Это тебе задаток, Кулик, — сказал он. — Остальное после получишь.

Ребята направились к легкоатлетическому сектору. Дегтярев гордо вышагивал впереди. Никто его не догонял, словно никто не хотел идти с ним рядом. Злость пополам с удовлетворением все еще булькала в Дегтяреве. Но он не знал, что именно сейчас, победив, он потерпел поражение. Он не знал, что с этой минуты никто не будет проситься в его команду, что прекратилось уже молчаливое подчинение, что драться больше ему никто не позволит.

Как уже говорилось, в группе имелись ребята и посильней Дегтярева.

Борис и Феликс плелись позади. Феликс видел, что Борис не такой как всегда. Феликс догадывался, что произошло что-то необычное.

— Теперь я знаю, кого можно бить по лицу... — сказал Феликс.

— Кого? — машинально спросил Борис, потирая подбородок, куда Дегтярев попал довольно чувствительно.

— Тебя.

— Это почему же?

— Потому что Сенька-Зараза бил тебя по лицу.

— Он не зараза, — сказал Борис. — Он просто Сенька. Хотя и зараза, конечно. А бить он хотел тебя.

— Со мной он играл.

— Он хотел тебя бить. А со мной он дрался потому, что я за тебя заступился. Я ведь первый его ударил, вот он и стал драться.

— Значит, ты плохой? — спросил Феликс.

— Нет. Если бы я тебе не помог, он бы тебя избил ни за что. Это называется — заступиться. Это не плохо, а хорошо. Понимаешь?

— Значит, заступаться и помогать — это одно и то же?

— Умница, — мрачно сказал Борис, сплевывая красной слюной.

— Все равно не понимаю, — настаивал Феликс. — Заступаться и помогать — хорошо. Бить — плохо. Почему нужно делать плохо, чтобы сделать хорошо?

*— Ты Сенька-Зараза? —
радостно улыбаясь, спросил Феликс.*

— Ты можешь помолчать хоть полчаса?

— Могу, — согласился Феликс. — Но я буду думать.

После перерыва Феликс занимался уже не так усердно. Временами он поглядывал то на Бориса, то на Дегтярева; в голове его шла мыслительная работа. Когда занятия окончились и тренеры ушли, Феликс подошел к Борису.

— Теперь я понимаю, — сказал он. — Сенька совсем не зараза. Он плохой. Он хотел бить меня по лицу. А ты не хотел, чтобы меня били по лицу. Тогда он стал бить тебя.

— Все правильно, — ответил Борис. — Сегодня я за тебя заступился, завтра — ты за меня.

— Почему завтра? — спросил Феликс. — Я могу сегодня.

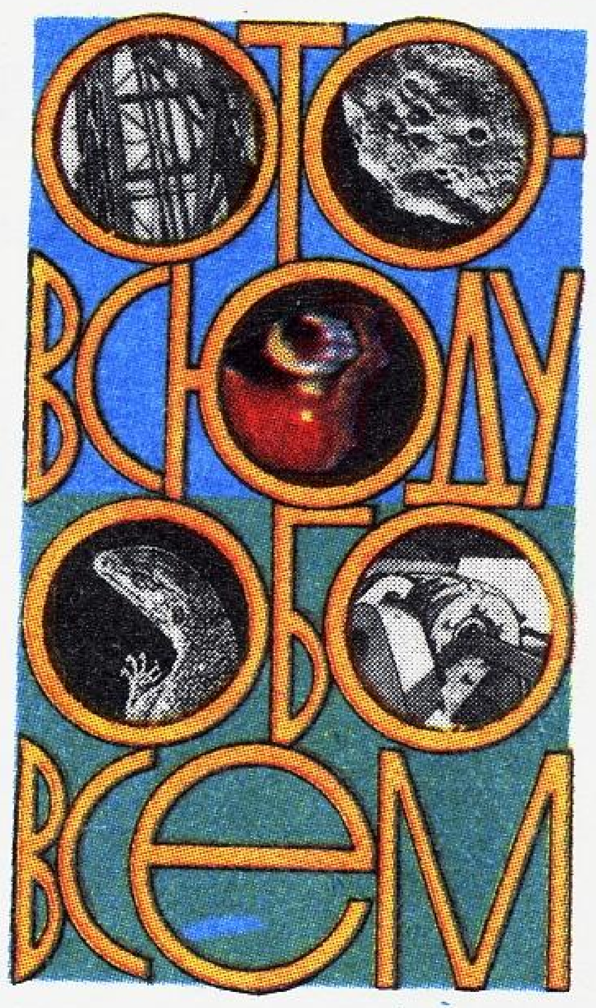
Феликс подошел к Дегтяреву и ни слова не говоря врезал ему кулаком в живот. В лицо он ударить не решился, помня давние наставления Бориса. Дегтяреву, не ожидавшему такого нахальства, ничего не оставалось, как опрокинуться в яму с песком.

— Сенька, я заступился за Борю, — пояснил Феликс. — Если ты его будешь бить, я еще заступлюсь.

На Дегтярева было неприятно смотреть. Он скривился от боли, но усмешка снова появилась на его лице. Не человек, а комок злости поднимался на ноги перед Феликсом. Это видели и ребята. Именно поэтому второй драки не получилось. На Дегтярева навалились кучей. Его не били, но кормили песком до тех пор, пока он не успокоился и не перестал кусаться. Затем его оставили в яме и пошли на обед.

Дегтярев шел позади с камнем в руке. Не доходя до столовой, он куда-то исчез и на обед не явился.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ



ВРЕДИТЕЛЕЙ УБИВАЮТ ГРИБКИ

Обычно с вредными насекомыми борются с помощью ядовитых веществ — инсектицидов. Инсектициды убивают всех насекомых: и вредных и полезных. А можно бороться с вредителями и по-другому. У многих насекомых есть в природе страшные враги — грибки. Каждому насекомому опасен только «свой» грибок. Ученые выращивают споры таких грибков в лаборатории, а потом опрыскивают ими поля. Грибок попадает в тело вредного насекомого и начинает в нем быстро расти. Через несколько дней он буквально «взрывает» изнутри хитиновый панцирь насекомого. Споры грибка вырываются наружу и заражают новых насекомых. На поле не остается ни одного вредителя.

Грибки абсолютно безвредны для птиц, поедающих мертвых насекомых. Для человека они тоже не представляют никакой опасности.

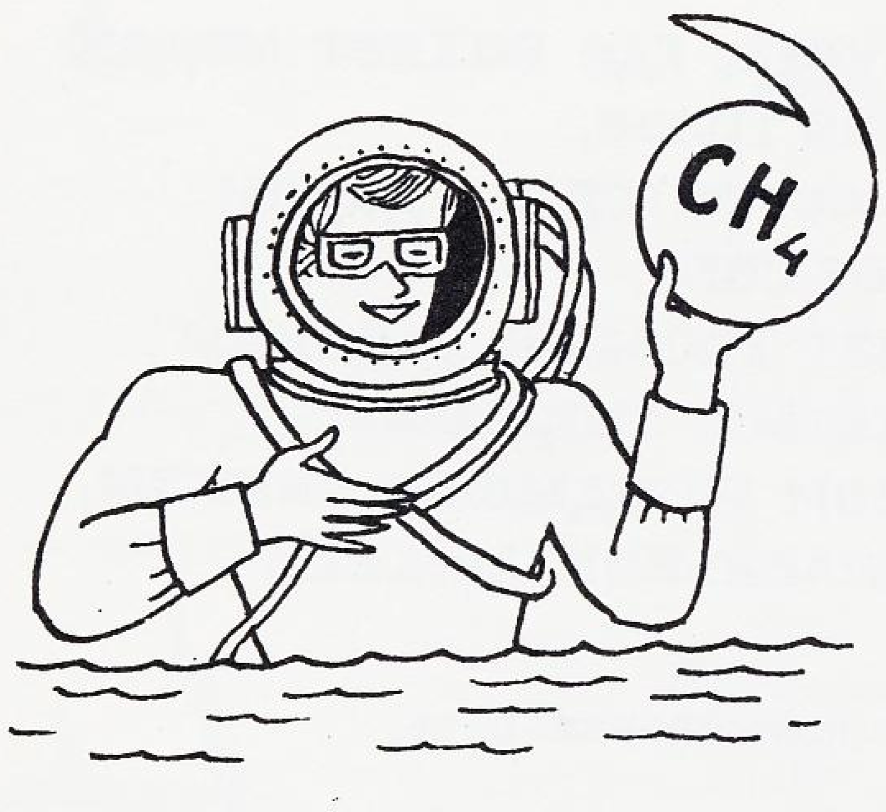
ГАЗ С МОРСКИХ ПОЛЕЙ

В море, у побережья Калифорнии, появилась ферма, на которой выращивают водоросли. В прошлом году ученые стали разводить здесь так называемые «коричневые» водоросли. За день они вырастали на полметра! Когда растения достигли шестидесяти метров в длину, их собрали и отвезли на завод. На заводе из водорослей получили... газ.

Тебе случалось видеть, как из болота вырываются пузырьки? Если к такому пузырьку поднести спичку, он вспыхнет. В пузырьках метан — газ, который получается в результате длительного разложения водорослей на дне болота. Метан — отличное топливо. Его-то ученые и собираются добывать из гигантских водорослей.

На заводе водоросли поместили в огромные чаны. Чаны плотно закрыли, и водоросли стали бродить, выделяя метан. Этот процесс происходит в сотни раз быстрее, чем в природе, потому что к водорослям добавляют вещества, ускоряющие процесс брожения.

Пока площадь морской плантации — всего десятая часть гектара. Но если опыт окажется удачным, вскоре под водой будет поле в четыреста гектаров.



ПОРТРЕТ, НАПИСАННЫЙ СПУСТЯ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ

В 980 году недалеко от Бухары родился великий врач, философ и поэт Авиценна. В будущем году исполнится тысяча лет со дня его рождения.

Но вот беда, до нас не дошло ни одного достоверного портрета Авиценны! Узнать, как он выглядел, можно было только пользуясь методом известного советского ученого-антрополога М. М. Герасимова. Тщательно исследовав черепа Ивана Грозного, его сына, царя Федора, князя Ярослава Мудрого и многих других исторических лиц, профессор Герасимов восстановил истинный облик этих людей. Портрет Авиценны ученые должны были сделать... всего по двум фотографиям его черепа в профиль (сбоку) и вполоборота.

Когда работа над портретом закончилась, с холста смотрел угрюмый, недовольный собой человек. А из истории известно, что Авиценна до конца своих дней был жизнелюбцем. Портрет не получился из-за того, что у ученых было слишком мало данных, в частности они не знали, как выглядит череп Авиценны спереди.

Помогла математика. Потребовались месяцы для того, чтобы с помощью формул рассчитать пропорции головы Авиценны.

И вот перед тобой фотография. Так выглядел великий врач, поэт и философ Авиценна, живший тысячу лет тому назад.

«ГРОССМЕЙСТЕР» В ЧЕМОДАНЕ

ЭВМ давно играют в шахматы. С гроссмейстерами и даже между собой. А недавно одна французская фирма вмонтировала ЭВМ в обычную шахматную доску. Хочешь играть с электронным «гроссмейстером» — выбери сперва соперника — сильного или слабого. Потом фигуры — черные или белые. Машине это важно, потому что для белых у нее одна программа, а для черных — совсем другая. Теперь набери на клавиатуре обозначение клетки, на которую хочешь поставить фигуру. Например, «Е2». На маленьком табло тут же загорится ответ машины. Например, «Е4». Но прежде, чем ответить, машина проанализирует около трех миллионов ходов. Потом выберет лучшие и будет анализировать их до тех пор, пока ее фигура не окажется на безопасном поле.

Электронный «гроссмейстер» — отличный учитель. Он может запомнить множество партий, а затем ход за ходом повторить любую из них.

Тимофею Максимовичу БЕЛОЗЕРОВУ исполнилось пятьдесят лет.

Журнал «Пионер», все его читатели и сотрудники поздравляют поэта, с радостью ждут его новых стихов о ребятах, о природе, о его любимой Сибири.

На этих страницах напечатаны те стихи, которые поэт написал в последнее время.

Чудеса

Золотом блеснуло
Крупное зерно,
Радостно вздохнуло
В пахоте оно:
— Не страшна мне птица,
Мышка не страшна!
Только вот землица
Малость холодна,
Видно, с непривычки...—
И давай расти,
Заплетать косички,
Весело цвести,
Тяжелеть от груза,
Глядя в небеса...
— Ай да кукуруза!
Ну и чудеса!

Облака

Лежу в траве и в тысячу свистков
Мне на ухо насвистывает ветер
О непослушной стае облаков,
Которых нет беспечнее на свете.
— Гоню их к югу,— жалуется он,—
Над речками,
чтоб набирались влаги —
Одни считают галок и ворон,
Другие ловко прячутся в овраге.
Такой, скажу я, баловный народ!..
И грустно мне и смех меня берет!

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА

* * *

Зовет меня лодка-казанка
В речную безлюдную даль...
Дровец тальниковых вязанка,
Рыжовки * цветная вуаль,
Фонарик да нож перочинный...
И вот уже — брызги в лицо,
А по борту — остров грачиный
И старицы полукольцо,
И пойма с крутыми стогами,
И небо во всю вышину...
А лодка дрожит под ногами
И к берегу
гонит
волну.

В лугах

За рекой, в лугах, где пахнет медом
Дикая лохматая трава,
Где кукушки ссорятся с удодом
И ночами ухает сова,
Там, где дышат грозами зарницы
И слепни сохатых сторожат,
Там, в ольховом гнездышке синицы,
Три яичка тепленьких лежат...

---

* Рыжовка — промысловая сеть.

Жеребята

Шумный, с отблеском алым заката
Дождь хлестал — не поднять головы!
А за речку мчались жеребята
По зеленому чуду травы.
И лягались, и радостно ржали,
И вставали они на дыбы —
Словно век их в неволе держали
За высокой стеной городьбы.
Ветер нес ледяные порывы,
Бушевал, жеребят не щадя,
И швырял им на крупы и гривы
Животворные струи дождя!

* * *

В лесу — сорочьи сизые хвосты,
В пустых полях — янтарная солома,
Сырой земли тяжелые пласты...—
Как это все давным-давно знакомо!
И этот бор на берегу реки
И тот загон с крапивой и бурьяном —
Ну что мне в них? И чем берет в тиски
Вон тот овражек,
застланный туманом?
И я иду сюда — в который раз!
И сладко мне, и радостно, и грустно...
И пусть себе для посторонних глаз
Здесь все кругом и холодно и пусто!

Хомяк

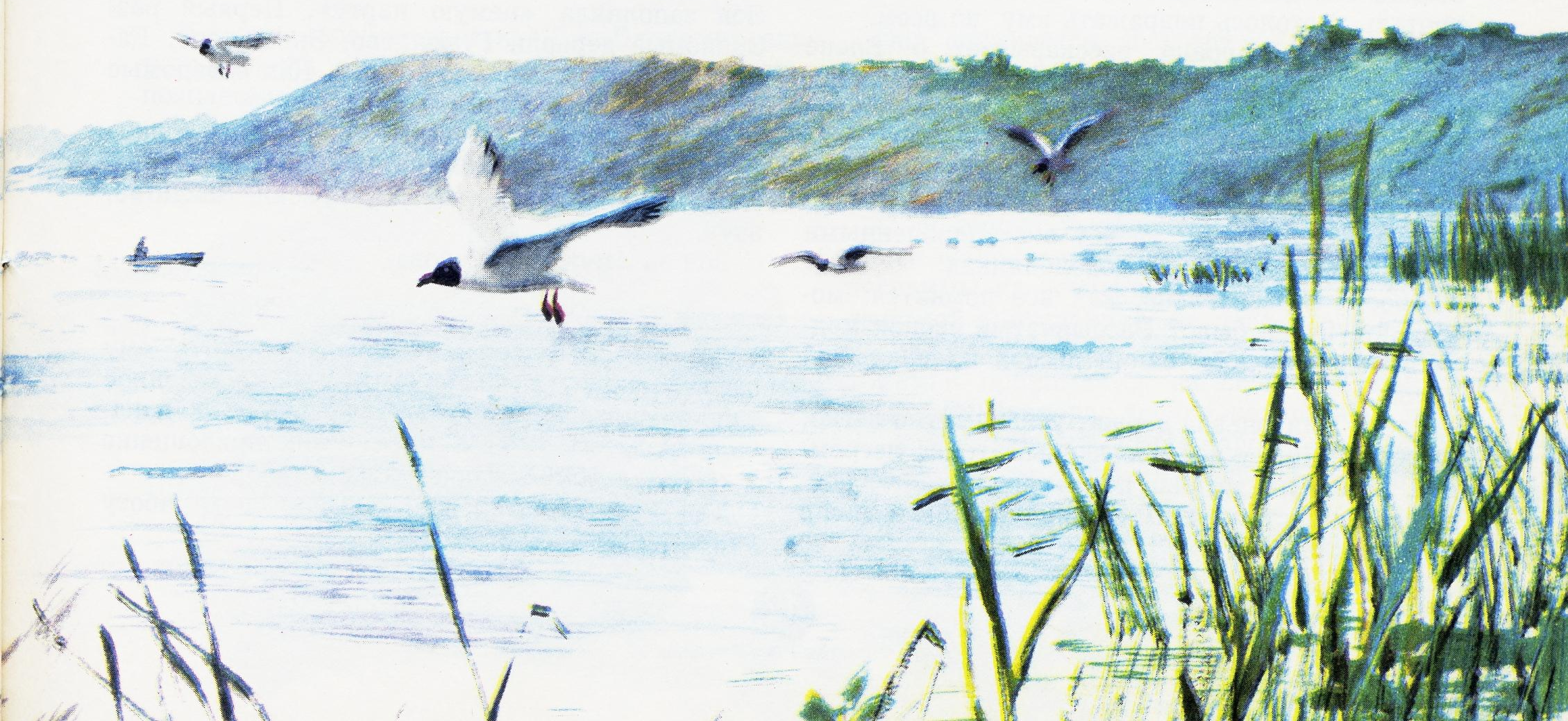
А что? Мне нравится хомяк! —
И глазки и фигурка.
И домосед он, и добряк,
И загляденье — шкурка!
А что за щечками слегка
Оттянуты мешочки —
Так ведь в норе у хомяка
И сыновья и дочки!

Мартын

Белая чайка — мартын-рыболов,
Весь он как будто из острых углов.
Легкий, бесшумный, в любую погоду
Сходу он чиркает клювом о воду.
Чиркнет — и вспыхнет живой огонек...—
В небе мартын — не зевай, окунек!

* * *

Я богат. Я все еще богат!
Светом звезд на синем небосклоне,
Золотыми бликами в затоне,
Ветерком, подувшим наугад.
Я богат уже немало лет,
Я богатства своего не прячу,
Я не плачу по нему, а трачу.
Здравствуй, мой высокий звездный свет!



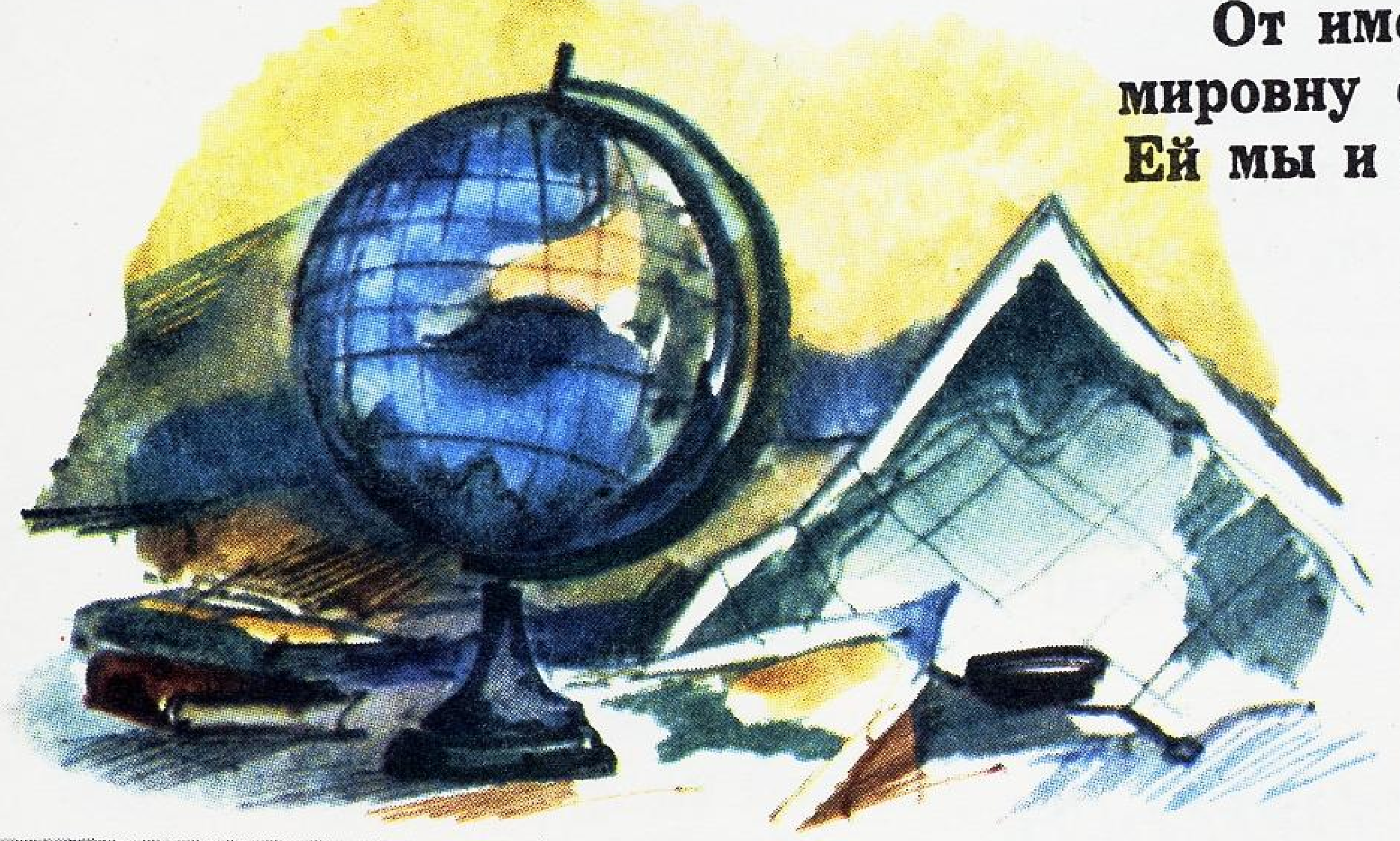
Юрий КРУТОГОРОВ

Уроки Зои Владимировны

4 марта этого года учительницу географии 579-й московской школы ЗОЮ ВЛАДИМИРОВНУ КИСЕЛЕВУ избрали депутатом Верховного Совета СССР.

Почти тридцать лет работает она в школе, отдает все силы и знания родному делу — воспитанию юных граждан Советской страны.

От имени читателей «Пионера» горячо поздравляем Зою Владимировну с большим событием в жизни, желаем ей новых успехов! Ей мы и посвящаем наш рассказ.



Модели, учебники, глобусы, звездные карты и кости,
И ржавая бронза курганов, и будущих летчиков бой.
Будь смелым и добрым. Ты входишь, как в дом, во вселенную в гости,
Она ворохами сокровищ сверкает для встречи с тобой.

П. Антокольский

1

Так и кажется, что эти строки обращены к мальчишкам и девчонкам, к их школьным годам. «Как в дом, во вселенную в гости» ведет их за собой в этом большом, многолетнем путешествии учитель географии. И перед ними открываются туманности звездных путей и течения малых рек, широты далеких материков и подмосковные тропки...

Строгая наука география дарит человеку сверкающие вороха сокровищ — но дарит не всем, а только смелым и добрым, любознательным, преданным своему Отечеству. В этом — главный урок Зои Владимировны...

2

Если спросить у любого учителя, почему он выбрал именно эту профессию, окажется, на донышке его детства был свой, самый любимый учитель. Хотелось подражать ему во всем.

Зоя Владимировна рассказывает о Елене Дмитриевне Поповой — своей первой учительнице географии — как о близком, дорогом человеке. Сколько других было встреч на жизненном пути, а ниточка самой памятной привязанности, ничуть не ослабнув, тянется к школе в селе Лукново, к родному классу с выщербленными скамьями, с геранью на подоконниках.

Просто поразительно, как все помнится: может, это вчера было? Рассыпчатый звонок медного колокольчика, синий дымок из школьной трубы...

Елена Дмитриевна держит указку легко-легко, играючи. Шаг у нее неслышный, голос негромкий. Но как ликует она, когда передвигает флажки вослед наступающим нашим фронтам: «Днепр наш...»

Была у Елены Дмитриевны слабость: любила флотоводца Крузенштерна. Она рассказывала о нем, вспоминая малейшие подробности его жизни и плавания. А за окном открывался косогор и тихая речка Суворошь. Можно было подумать, что Елена Дмитриевна ждет: вот-вот из-за прибрежной косы вынырнет борт старинного фрегата. И класс завороженно слушал ее.

На базаре в Вязниках Зоя как-то увидела в россыпи книг книжку о Крузенштерне.

— Сколько стоит?

— Ведро картофеля.

Помчалась в деревню, набрала в подполе рюкзак картошки. Домой возвращалась счастливая, с подарком Елене Дмитриевне.

Разве забыть путешествие по Сувороши? Сейчас речка похудела, воробью по колено. А тогда берега равнялись с ржаным полем, речка раздвигала березовую рощу за околицей. Зоя заполняла «немую карту». Первый раз! Знакомые деревни Гуменцово, Знобишино, Калошино открывались по-новому. Как неведомые страны, исследованные тобой...

— Да, вот так бывает! — радовалась Елена Дмитриевна.— «Немая карта» начинает говорить, если человек дает ей краски, масштаб, звук.

Зоя запомнила эти слова.

3

Что такое научить человека, помочь ему освоить мир? Это, наверное, и есть постепенное заполнение «немой карты», узнавание ее поначалу скрытых от глаз маршрутов, приобщение к тайнам земли, загадкам жизни.

Так Зоя Владимировна понимает свою работу учителя.

Ежедневно я приходил в 579-ю московскую школу к первому звонку, пытался понять, почему многие мальчики и девочки мечтают здесь стать географами, геодезистами, путешественниками.

— В чем секрет? — спросил семиклассник Валерий Бикусев. — Весь наш четвертый этаж — это краеведческий музей. Шагаешь по коридору — как будто идешь сквозь все географические зоны! Невольно чувствуешь себя путешественником...

Кинооператор кружка юных краеведов Олег Акимов добавил:

— Мы уже во многих городах побывали. Мой последний фильм — об Ульяновске. Собираемся летом в Казань и Красноярск. Хочется ездить все больше и больше. Узнавать, узнавать. Смотришь на Зою Владимировну и думаешь: вот бы мне таким стать...

— Леночка? Как я рада! Что нового?

— Ой, много! Работы — просто повернуться не успеваешь.

— В космосе порядок?

— Порядок! — смеется Лена.

Уроки Зои Владимировны не кончаются по звонку на перемену...

И верно, своей профессией Зоя Владимировна кого хочешь заразит. Я побывал у нее дома, познакомился с мужем Валентином Ивановичем, дочерью Ирой. Заскочила на минутку бывшая ученица Лена Губанова, ныне научный сотрудник.

Она занимается космической геодезией. Это та же география, только поставившая себе на службу небо и спутники. Космические аппараты посылают на Землю точнейшие координаты изучаемых районов, помогают составлять карты лесов, озер, акваторий морей и океанов.

С помощью вычислительных машин земной «космонавт-географ» Лена Губанова читает «телеграммы из вселенной». Как же не прийти к любимой учительнице, не поделиться последними новостями!

Семья принимается за свои обычные дела. Валентин Иванович весело жалуется:

— Чесслово, не дом, а класс-продленка. Придешь с работы, только и слышишь — уроки, уроки, уроки.

Ничего не поделаешь! Зоя Владимировна со-

ставляет на завтра план урока, а девятиклассница Ира делает домашнее задание. Но и Валентину Ивановичу не отвертеться, его быстренько включают в класс-продленку. Он умелец каких поискать и получает срочное задание — сотворить «очень нужное наглядное пособие» для школьного краеведческого музея.

Я подумал: если где-то уроки не кончаются с последним звонком, так это в семье учителя. Уроки входят в дом привычно и обязательно, без большой и малой переменок. Они становятся самой жизнью.

Уроки — это кипы прочитанных книг. Уроки — это подготовка доклада для Всесоюзной конференции учителей-географов (конференция пройдет в школьном краеведческом музее). Уроки — это...

— В воскресенье иду с семиклассниками по Клязьме, — объявляет она домашним. — Есть желающие?

— Есть! — откликается Валентин Иванович.

Он мне позже признался: «Как географ я тоже считаю себя учеником Зои Владимировны, ведь по профессии я строитель...»

На первый взгляд трудно постигать мир, не отправляясь в кругосветные путешествия. Когда Зоя Владимировна слышит такие речи, она сердится:

— А вон рядом речка Чертановка. Что вам известно про нее? Или деревня Дьяково Городище — совсем под боком! Отправляйтесь туда, многое увидите, поймете.

И вот в один из уроков, а чаще после уроков Зоя Владимировна ведет ребят на Чертановку, и незатейливая речка эта помогает раскрыть кое-какие интересные явления, узнать лучше свое Подмосковье. С нее, с Чертановки, тоже начинается Родина...

А в другой раз за каких-нибудь полтора часа электричка доставит ребят в Приокско-Террасный заповедник. Здесь сошлись три географические зоны! Загадка природы? Да! Учительница рада, что поможет семиклассникам разгадать и эту загадку.

Путешествие начинается с северной части заповедника. Угрюмые, прохладные ельники, таежные болотца. Южнее — лес смешанный: осинники, ольха, липа, рябина. Привычный среднерусский пейзаж.

Ближе к Оке — ступенька за ступенькой (это и есть террасы) — колония степной флоры. Высокие песчаные дюны, на них растут ковыль перистый, бубенчики, степная тимофеевка, таволга, черная чемерица — пришельцы южных степей. Три разные географические широты одновременно! Чудо да и только. А для Зои Владимировны — урок. И если чудо полноправно входит в урок, тем лучше, тем притягательнее та «немая карта», которую из года в год заполняют ее ученики...

4

Урок за уроком. Год за годом. «Немая карта» обретает краски. Она становится не только географическим пособием — путеводителем жизни. Когда я спросил Лену Губанову, с чего начался ее путь «географа-космонавта», она так ответила:

— Смешно сказать... С Чертановки, с заповедника, с подсчета ясных, переменных и пасмурных дней в Москворечье...

География помогает осмыслить себя не только на дорогах романтики. В старших классах на твой стол ложится учебник географии экономической — казалось бы, какие уж тут путешествия и открытия... Но разве нет открытий за обыкновенной заводской проходной?

Я побывал с девятиклассниками Зои Владимировны на заводе пластмассовых игрушек «Огонек». Пришли сюда ребята, конечно, вовсе не за тем, чтобы позабавиться заводными пингвинами, увидеть дюймовочек, запустить в бассейне миниатюрный катер с микродвигателем. Тема урока: как связан завод со страной, с другими предприятиями.

Урок в цехе вела Зоя Владимировна, а в помощники взяла инженеров и рабочих. И ее ученики узнали: любой завод не может жить нелюдимо. Он тесно связан с электростанциями, рудниками, фабриками.

— С заводской площадки, — говорила Зоя Владимировна, — можно увидеть всю страну... Смотрите, сырье для пластмассы «Огонек» получает из Горловки, батарейки — из Ельца, станки — из Оренбурга, микродвигатели — с московского завода «Юный техник»...

Вот как дюймовочка помогла ребятам узнать некоторые законы экономической географии. Вот почему уроки Зои Владимировны становятся уроками жизни.

В один из зимних дней я включил телевизор, и неожиданно в мою комнату вошел урок географии из 579-й московской школы. Передачу по учебной программе вела не Зоя Владимировна, а ее ученик — Валерий Бикусов. Мальчик свободно рассказывал о природных комплексах нашей страны. Модели, глобусы, макеты, стенды школьного краеведческого музея помогли Валерию вести свой рассказ. Вот когда пригодились составленные ребячьими руками сводки погоды, собранные в походах минералы! Чертановка, Клязьма, Коломенское, Приокско-Террасный заповедник одарили семиклассников на этом большом всесоюзном уроке ворохами своих сокровищ...

И я увидел, как улыбалась с экрана Зоя Владимировна. Она была довольна. Урок шел замечательно... Урок географии. Урок любви к природе, к Родине. Урок открывателей и преобразователей земли.

...Недавно Зоя Владимировна стала депутатом Верховного Совета СССР. Сколько дел ее ждет! И как сложна ее государственная работа! Где ей только не придется бывать: на заводах и фабриках, в министерствах, на московских стройках и в Кремле.

Но главным ее рабочим кабинетом был и остается школьный кабинет географии, откуда для ее учеников открывается вся наша необъятная страна...

ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА...

Летом 1979 года у первой в мире станции день рождения. Ей исполняется двадцать пять лет. Вокруг вырос город, которому она дала свет.

Ребята из обнинского пионерского отряда «Солярис» заинтересовались историей своего города и электростанции, записали рассказы ученых, инженеров о том, как двадцать пять лет назад все создавалось впервые — и реактор, и оборудование, и приборы. Дни и ночи работали обнинцы, чтобы ускорить пуск станции. Трудно было с жильем — жили в вагончиках, перевозили пустующие избы из соседней деревни Пяткино...

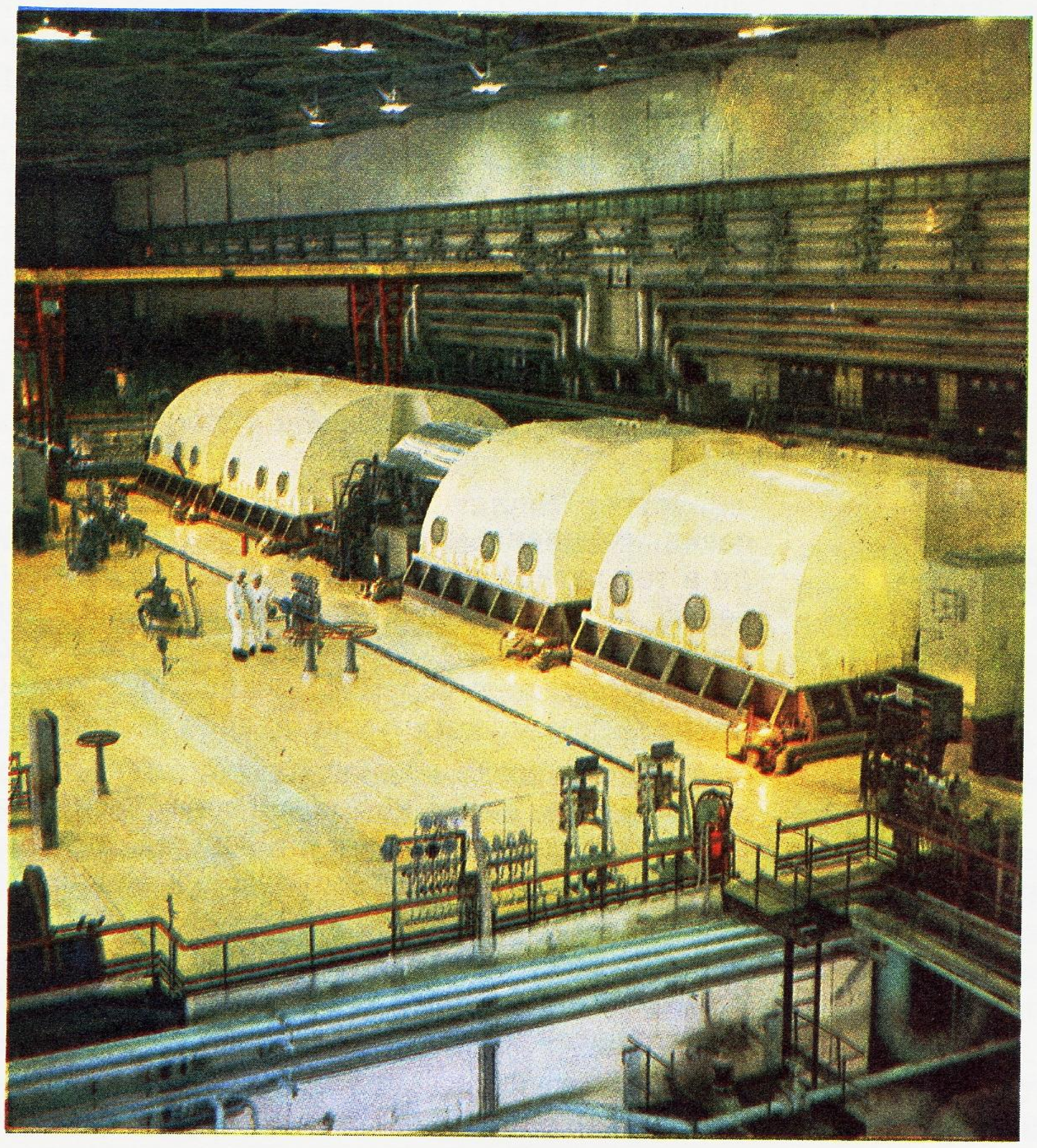
26 июня 1954 года первая в мире атомная электростанция дала ток. Утром, рассказывают ветераны, впервые в истории человечества жители Обнинска кипятили чай на энергии расщепленного атома...

Сейчас на земном шаре около сотни атомных станций.

Одна за другой строятся они и в нашей стране. Загораются новые звездочки на энергетической карте: Белоярск на Урале, Билибино на Чукотке, город Шевченко на юге, Чернобыль, Ленинград, Нововоронеж...

И. ПАВЛЕНКО

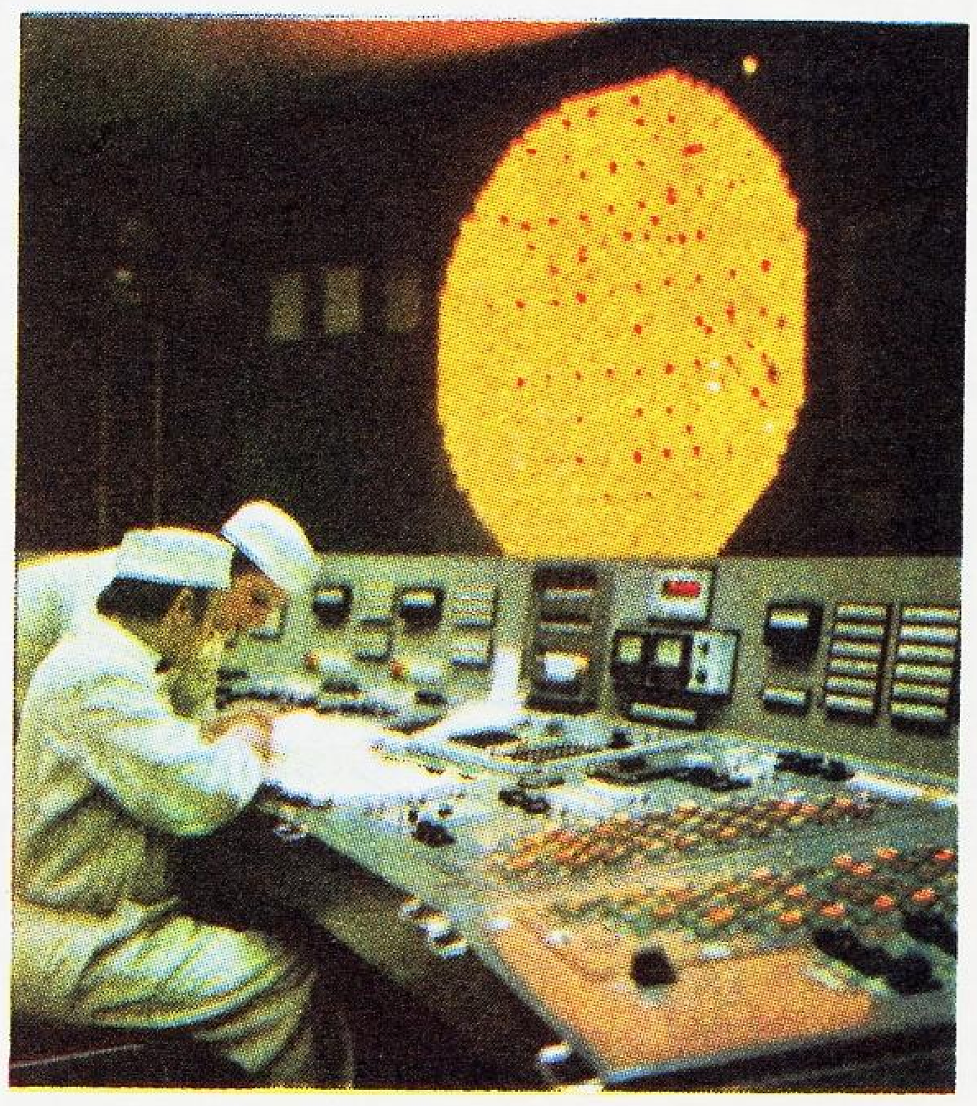
Фотографии С. ЛИДОВА



Ты видишь на этом снимке Чернобыльскую атомную электростанцию. Сейчас она продолжает строиться, и в ближайшие годы ее мощность достигнет четырех миллионов киловатт энергии.

Много это или мало?

Всего двадцать пять лет назад в нашей стране была пущена первая в мире атомная электростанция — Обнинская. Мощность ее кажется сегодня совсем маленькой — всего пять тысяч киловатт! По современным понятиям — станция-лаборатория. Именно там, в Обнинске, на опыте первой атомной станции физики и конструкторы определяли, как дальше развиваться атомной энергетике, какими будут электростанции.



«Мы решили научиться играть на гитаре, очень понравившемся нам инструменте. Инструмент, то есть гитара, у нас есть, но ведь научиться на нем играть не так просто! И вот мы решили попросить у вас совета».

Ученицы 8-го класса «А» Таня Сергунова, Куляш Мусатаева, Галя Чинжалинова.
Село Лежинск Талды-Курганской области Казахской ССР.

Как научиться играть на гитаре, какие песни стоит петь самому, а какие лучше просто слушать — об этом часто спрашивают наши читатели. По просьбе журнала им отвечает поэт Алексей Дидуров. Песни на стихи Алексея Дидурова вы, наверное, слышали в кино, по радио и телевидению.

А. ДИДУРОВ

Если взял гитару

Две гитары под сосной...

Этим летом меня пригласили в один из подмосковных пионерских лагерей — рассказать о том, как я вместе с композитором Александром Флярковским писал песни к кинофильму «Розыгрыш».

Выступление назначено было на вечер, а стоял ослепительный день зенита лета. За старшим отрядом, вольно шествовавшим в лес, я и увязался и на поляне в кружке вокруг двух гитаристов не показался никому лишним.

Гитаристов звали Боря и Юра. И по песенным своим пристрастиям они отстояли друг от друга так же далеко, как в алфавите буква «Б» от «Ю». Судите сами: Борис пел самодеятельные песни, то есть песни, музыку которых пишет не профессиональный композитор (слова ее могут быть сочинены и известным поэтом — это допускается). Юра же собирал коллекцию своих песен по программам модных ансамблей и эстрадным передачам радио и телевидения.

Слушали гитаристов с одинаковым удовольствием, но подпевали Юре все, а вот Борису — только некоторые. Да, не забыть бы сказать: когда пел Боря, остальные слушали его с таким выражением, как будто читали интересную книгу или решали непростую задачу. А Юре хоть и подпевали с легкостью, но позволяли себе разглядывать сосновый бор вокруг, словно слушали не человека, а грампластинку.

Но были песни, которые объединяли всех, песни, сочиненные самими подростками. Звучали в тот летний день песни знакомые и, что особенно интересовало меня, незнакомые, новые (тут я ставил ушки, что называется, топориком). И те и другие в своем большинстве одинаково нравились мне, хотя я уже далеко не подросток.

А потом, когда оба гитариста, хитро107 кося на меня глазом, спели три песни из «Розыгрыша» и все им с удовольствием подпели, мне некуда было уже уйти от их вопроса: «Как вам наши песни?» И у нас состоялся разговор. Ребята попросили меня продолжить его вечером: они решили, что тема будет интересна всем, а не только старшему отряду.

«Хотите, разберемся?»

— Прежде всего мне нравится, что вы поете под гитару: это уже факт духовного существования,— начал я.— Мне понравилось многое из того, что здесь пелось, особенно радовался тому, что и сегодня поется кое-что из моих излюбленных песнопений далекого возраста «до шестнадцати» (возраста Джульетты: ей, между прочим, было четырнадцать). А кое-что мне показалось «не очень» и даже хуже. Хотите, разберемся — почему?

— Хотим!

И мы стали разбираться.

Чтобы прийти к концу, надо начать сначала. А сначала была народная песня на Руси, от

нее и пошла нынешняя самодеятельная. Потом появился городской романс XIX века на стихи великих лириков: Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Фета, а то и безвестных поэтов — интеллигенция городов создала новый для России жанр. В то же самое время и городские низы подарили нашей культуре нетленные образцы «мещанского романса» (моя мать с подругами до сих пор с удовольствием поет «Когда б имел златые горы» и «Хазбулат удалой...»). Затем заводские окраины озорно или тоскливо затянули под гармоники свое (моя бабушка часто с победительной улыбкой заводила любимое с детства: «И по камешку, по кирпичику разобрали мы этот завод!»). В революционном 1917 году пороховые вспышки частушек гражданской войны. А потом — горделивый полет песен первых пятилеток и коллективизации, солдатский фольклор Отечественной войны...

Но настоящий взлет самодеятельной песни во всем мире приходится на послевоенные годы. Я для себя это объясняю так: заплатив десятками миллионов жизней за победу над фашизмом, осознали мы ценность каждой судьбы, каждого человека. И вот о том, отчего он смеется или грустит, понадобилось поговорить с глазу на глаз.

И еще хотелось каждому понять: чего же он сто́ит, что значит в современном стремительном мире.

Для такого размышления, такого разговора не найдешь ничего лучше гитары и доверительной интонации песни.

Песни звучали по всей планете. Всемирно известными стали барды Америки Пит Сигер, Джоан Баэз, позже запевшие в стиле «рок» Боб Дилан и четыре парня с ливерпульской окраины, назвавшиеся «Битлз» и возродившие забытый в Англии жанр народной баллады и старинную западноевропейскую традицию коллективного музицирования.

А у нас в стране в первую очередь стали известны бывшие солдаты — Михаил Анчаров и Булат Окуджава. Ну, а в середине и в конце шестидесятых годов талантливых сочинителей и исполнителей самодеятельной песни стало столько, что не перечислить: Михайлов (слышали песни к фильму «Бумбараш»?), Городницкий, Визбор, Якушева... Нет, лучше себя оборвать: все хороши! А уж сейчас...

Поговорим-ка о манере исполнения

В традиции, созданной этими сочинителями и исполнителями, и пел в основном Борис. Юра же блистал знанием репертуара шлягерных «звезд» и, естественно, копировал их манеру исполнения. Мне это не понравилось. И вот почему.

Я не против эстрады. Очень даже «за». Но все хорошо на своем месте и в своем роде.

Для эстрадных песен требуется, во-первых, интересный, сложный аккомпанемент. Недаром сегодня так выросла на эстраде фигура аранжировщика, человека, который изобретает звуковые и мелодические эффекты, украшающие музыкальное сопровождение песни. В одиночку нельзя заменить групповой состав профессиональных гитаристов, даже если будешь играть не хуже каждого из них. А уж если ты самоучка...

Во-вторых, о пении самом по себе. Для грамотного или хотя бы сносного исполнения шлягера требуется особая вокальная школа, постановка голоса. При всех вольностях в чистоте звука (оперная не обязательна) нужно все же тянуть гласную, «держать» звук, а то он превратится в утопающего, ныряющего и всплывающего далеко не по своей воле.

Можно еще привести аргументы против пения «под эстраду» с шестистрункой в руках, но и этих, по-моему, хватит.

В-третьих, не все можно петь в эстрадной манере. Я как-то слышал русскую «Лучину» («То не ветер ветку клонит») в исполнении вокально-инструментального ансамбля. Певец-солист обладал отличным голосом, он был удивителен и свеж, как у соловья, но грузные выдохи бас-гитары и чихание тарелок ударной установки уродовали дух песни, ее смысл. Представьте одинокого, грустного героя ее рядом с лихим барабанщиком бит-группы! А певец-то рядом с ним и стоял... То же происходит и при эстрадном исполнении песен Окуджавы или песен из фильма «Ирония судьбы», написанных под влиянием самодеятельной песни и прекрасных только в ее интонации.

Иными словами, жанр обязывает. Обязывает его история. Надо быть достойным жанра, если ты взял гитару. Для того вокруг тебя и собрались ребята, чтобы ты им сказал что-то очень важное. Свое.

А свое или ставшее твоим лучше скажет самодеятельная песня. Манера ее — разговор один на один с человеком при помощи пения. Нелепо петь за четверых, заменять собой целый вокально-инструментальный ансамбль и всех, кто писал для него песни, и при этом утверждать, что говоришь устами всех этих людей свое, от себя и для одного. Юра, подражая современной эстраде, делал именно это. Борис же самой манерой исполнения самодеятельной песни создавал ощущение разговора с каждым слушателем один на один. В этом — главная особенность самодеятельной песни и главная причина ее популярности и неувядаемости. Ведь каждый из нас не может без чьего-то доверия!

Пусть певец на поляне не был сочинителем, но он пел о том, что переживал сам, и пел так, как поют для друга.

Юру слушали. Борису сопереживали.

Куда пойти учиться?

Помочь себе войти в прекрасный и сложный мир самодеятельной песни можно очень просто. Почти во всех городах есть сегодня объединения КСП. КСП — это клубы самодеятельной песни, любителей ее сейчас в нашей стране не счесть.

Только последний недавний фестиваль в Куйбышеве собрал свыше сорока тысяч человек, московские слеты объединяют десять — двенадцать тысяч участников ежегодно. Одно из московских объединений КСП организовали сами школьники.

У «каэспешников» Москвы (они себя так величают) есть помещение, своя программа концертов-лекций в ДК имени Горбунова (билет достать невозможно), школа современного аккомпанемента на гитаре, свои собиратели песен и теоретики. Перечисляю все это для тех, кто захочет сам создать в школе или во дворе свой КСП, — почему бы нет?

Очень стоит этим заняться: вкус свой и культуру пения надо воспитывать, а для этого нужны грамотные, требовательные слушатели, нужна «питательная среда»...

Вот знакомый мой Сергей Никитин, известный автор и исполнитель песен, на профессиональную сцену из своего научно-исследовательского института (он научный сотрудник) не уходит. А мог бы.

Говорит: «Без моей среды институтской я перестану, боюсь, петь и сочинять. Жизнь ее ощутимо влияет на мои песни: духовные запросы у моих научных коллег высокие, а вкус взыскательный».

Выходит, даже Сергею Никитину нужна среда, поддерживающая его вкус и творчество своими требованиями, взглядами, идеями. Ну, а автору или исполнителю начинающему, значит, такое окружение еще нужнее? Да. Гораздо нужнее.

❄

Вот о чем состоялся разговор в пионерлагере этим летом. После него я спел под гитару песни из «Розыгрыша» сам, потом они прозвучали с пластинки, а потом меня спросили:

— Как же шла над ними работа?

Да вот так и шла. Был таким, как вы, пел под гитару то же, что и вы. Стал писать песни сам. Прислушивался к тому, что поют и сочиняют ребята. И для «Розыгрыша» написал «под ребят», под песни подростков. Я песни подростков до сих пор люблю...

Ты прочитал рассказ о песнях под гитару. О каких музыкальных инструментах, о каких ансамблях хотелось бы тебе узнать?

Напиши нам.

Рисунки
С. и В. КОСТИЦЫНЫХ

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ХИМИИ

Учитель. Какой индикатор нужно взять для распознавания уксусной кислоты?

Ученик. Пельмени.

Зульфия С.,
Башкирская АССР

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учительница. Коля, расскажи нам о ледовом побоище.

Ученик. Немецкие рыцари шли поросенком.

Олег Алехин,
пос. Новомичуринск,
Рязанская область.

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учитель. Когда на земле резко похолодало?

Ученик. Зимой.

Марина Кошкина,
пос. Соловьевский,
Чувашской АССР

НА УРОКЕ БОТАНИКИ

Учитель. Каких насекомых-вредителей ты знаешь?

Ученик. Комаров.

Наташа и Света,
пос. Кашима,
Иркутской области.

* * *

Учитель. Сережа, какое строение имеет пестик?

Ученик. Пестик состоит из завязи, столбика и рожицы.

Лена Батова,
г. Куйбышев

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

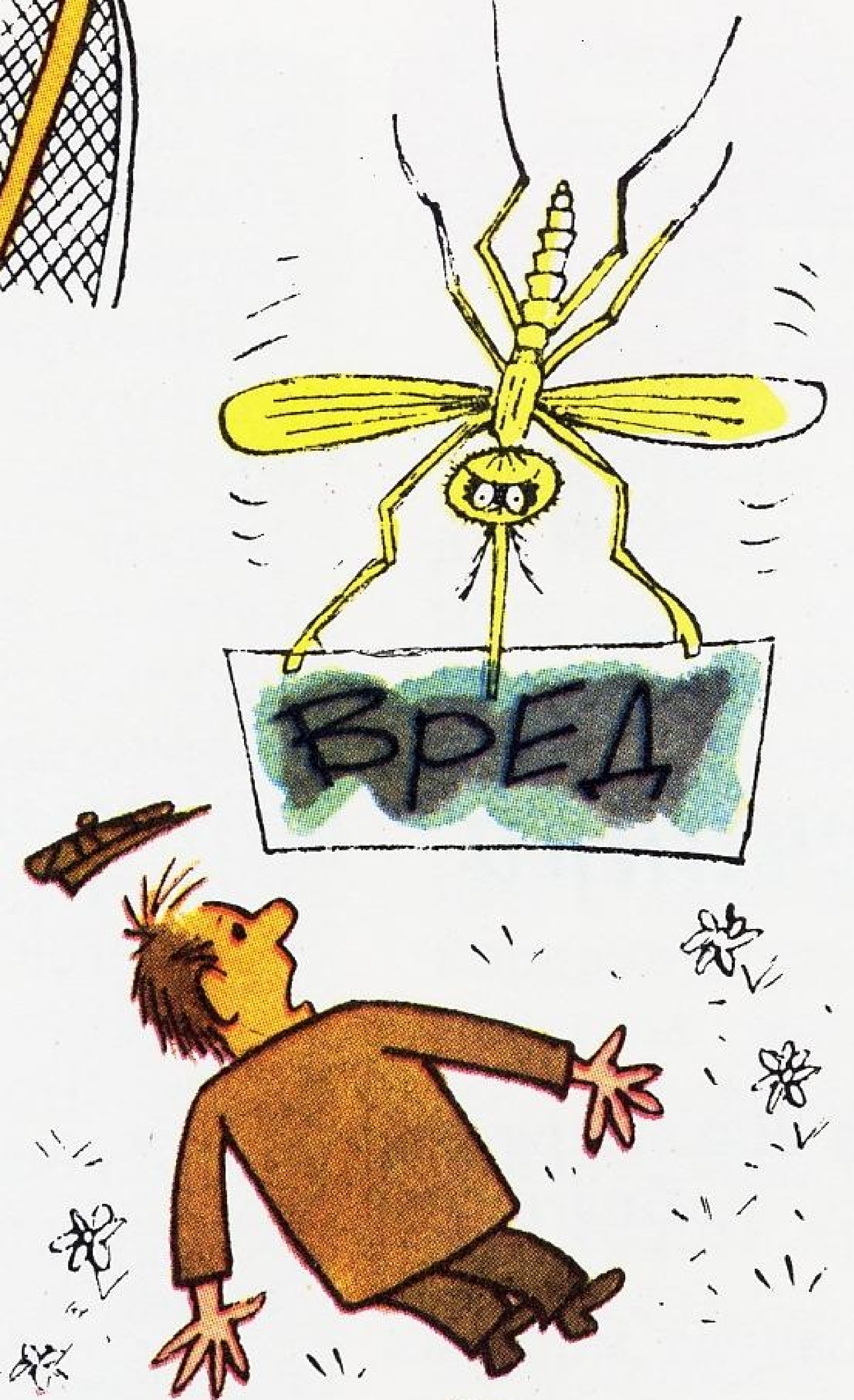
Учительница. Кто такой Иван Федоров?

Ученик. Памятник.

Оля Старкова,
г. Орск

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.



ПИНГ-ПОНГ

«Дорогая «Переменка»! Мне очень хочется быть во всем первым. Вот я и решил на каникулах изучить американский язык. Правда, здорово?».

Петя М.,
г. Электрозаводск.

— Молодец, Петя! Ты будешь единственным человеком, знающим американский язык,— ведь даже в Америке все говорят на английском.

* * *

«...Мы поспорили, кого учитель больше любит: того, кто играет в футбол или кто играет на скрипке...»

Надя О., г. Одесса

— Оба хороши. Лишь бы играли не на уроках!

Партию в пинг-понг с вами играл Юрий МАКАРОВ, рассчитывая, как обычно, на чувство юмора партнеров.

«Переменка» получила большое письмо от Эллы Б. из Бурятии. Элла прислала много ПРИДУМАННЫХ «невыдуманных диалогов». Но никто, читая диалоги, даже не улыбнулся. И понятно почему. «Придумать» смешную ситуацию нелегко даже очень опытным юмористам. А ваша задача совсем другая: больше наблюдайте, умейте оценить смешное. А смешное всегда неожиданно.

Из школьных сочинений

«У орла были русые глаза и карий клюв».

«Я живу и учусь во втором классе...»

«Илья Муромец скакал по степи, громко стуча подковами».

«Александр Невский нормальных воинов поставил впереди, а остальных позади».

ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ?

Драгоценная песчинка

«Как рождается жемчуг?»

Валера Лихошерстов, г. Белгород.

Жемчужины рождаются в раковинах морских и пресноводных моллюсков. Ты находил, наверное, такие раковины на берегу моря или у реки.

Моллюск выделяет углекислую известь и из нее строит свою раковину. Изнутри «дом» моллюска покрыт тоненькими перламутровыми листочками. Иногда в приоткрытые створки раковины попадает песчинка. Она впивается в тело моллюска, ранит его. Моллюск и ее начинает обволакивать перламутровыми листочками, чтобы острые углы песчинки не раздражали его нежное тело. Лет через десять вокруг песчинки образуется жемчужина.

Жемчужины бывают разной величины: с булавочную головку и с грецкий орех. Иногда они круглые, как шарики, иногда неправильной формы. Чаще всего они молочно-белого цвета, реже — нежно-розовые, с красноватым и желтоватым оттенками. Встречаются и черные с серебристым отблеском. Это индийский жемчуг.

Наиболее ценный — круглый, крупный — жемчуг добывают со дна Индийского океана и у берегов Японии.

Далеко не в каждой раковине растет жемчужина. Поэтому японцы решили искусственно выращивать жемчуг. Они собирают раковины, приоткрывают их, осторожно вкладывают песчинки, а затем на специальных рамах опускают в море. Через восемь — десять лет можно извлекать жемчуг.

Бывает и пресноводный жемчуг. Пресноводные жемчужницы живут в быстрых северных реках Карелии и Кольского полуострова. Такой жемчуг растет очень медленно — около сорока лет.

С. И. ЛЕВУШКИН,
доцент, кандидат биологических наук

Прожорливые листья

«Как устроены растения-хищники?»

Света Шитова, 4-й класс, г. Куйбышев.

Венерина мухоловка

Самое поразительное растение-хищник — тропический непентес. Его листья имеют форму кувшинов, причем длина некоторых кувшинов — около полуметра. Кувшины окрашены в яркие цвета, привлекающие насекомых. У горлышка выделяется сладкий, ароматный сок. В эту ловушку попадают не только насекомые, но и маленькие птицы. Они не могут выбраться по гладкой, скользкой внутренней стенке кувшина и тонут в жидкости, скопившейся на дне. Эта жидкость, подобно желудочному соку животных, помогает растению переварить белки.

На торфяных болотах в воде растет другое растение-хищник — пузырчатка. Листья ее усеяны пузырьками. Каждый пузырек имеет отверстие, прикрытое клапаном, который открывается только внутрь пузырька. В пузырьки попадают рачки, мальки рыб, а выбраться наружу они уже не могут.

В Северной Америке на болотах встречается растение венерина мухоловка. Часть каждого ее листа, как и у непентеса, — ловчий орган. Он состоит из двух долек, по краям которых расположены острые зубцы. Когда насекомое попадает на эту часть листа, дольки захлопываются, зубцы заходят друг за друга. Чем больше насекомое вырывается, тем крепче сжимается лист.

В средней полосе и на севере нашей страны растет росянка. Ее листья покрыты длинными ресничками с липкими каплями на концах. Насекомое, коснувшись капли, обволакивается липким соком, реснички, как пальцы, сжимаются, и оно оказывается зажатым «в кулачок».

Все хищные растения живут на бедных почвах — одни на кислом торфе, другие на песке. «Поедая» насекомых, они получают недостающие питательные вещества.

Н. В. ГРУЗДЕВА, сотрудник Ботанического сада МГУ

Не так-то просто сфотографировать медведя...

Вот уже пять лет каждой весной я отправляюсь с товарищем, охотоведом, в Череповецкий район, что на западе Вологодской области. Здесь, всего в тридцати—сорока километрах от города Череповца, медведи облюбовали места для зимней спячки, устраивают свои берлоги. А весной их можно встретить неподалеку от этих мест, на побережье Рыбинского водохранилища, где на солнечных полянах раньше, чем в лесу, вырастает новая трава и есть любимые ими коренья — основной медвежий корм в весенние месяцы...

Тут я и сделал все свои снимки. Два из них ты видишь на этой странице.

Не так-то просто сфотографировать медведя. По двадцать — двадцать пять километров проходили мы в день в поисках зверей, часто совершенно безуспешно. Очень важно подойти к зверю незаметно и бесшумно.

За эти пять лет мы познакомились более чем с десятком медведей, и у каждого свой характер, свои повадки. Но, встречаясь с человеком, зверь почти всегда бывает раздражен. Если это происходит внезапно, медведь обязательно поднимется на дыбы, по-видимому, чтобы лучше рассмотреть «противника» и, возможно, внушить ему уважение и страх. Убедившись, что опасность ему не угрожает, медведь опускается на все четыре лапы и уходит. Уходит, часто оглядываясь.

Наши регулярные, но не назойливые встречи постепенно успокоили зверей, они привыкли к нам.

Особенно осторожно ведет себя медведица, если при ней маленькие медвежата. Она избегает встреч с человеком. Но если при нашем первом знакомстве, обнаружив людей, она поспешно уводила малышей (хотя мы были на расстоянии сорока — пятидесяти метров), то на следующую весну она разрешила нам познакомиться поближе и уходила с малышами спокойно, с достоинством.

...Оружия мы никогда не берем с собой на фотоохоту, даже для защиты. Зная характер, повадки зверя, мы доверяем ему, и зверь доверяет нам. Должен сказать в заключение, что опыт этот и знания быстро и легко не даются,— я знаю жизнь животных и птиц, потому что сорок лет был охотником.

М. БЕРЕЗОВСКИЙ

Что Нам Читать?

ОТКРОВЕННО—О ВАЖНОМ

Юрию Геннадиевичу Томину — 50 лет

В одной статье про детские книжки я прочитал: «Хорошие произведения для детей всегда интересны и для взрослых». А мне кажется, не всегда так бывает. Я, например, знаю книги, которые ребята читают взахлеб, а взрослые с ними знакомы мало. Ну, скажем, книги Юрия Геннадиевича Томина...

И повести, и рассказы, и пьесы, и киносценарии Юрия Томина интересны прежде всего ребятам, потому что в них говорится о таких событиях школьной жизни, о таких переживаниях мальчишек и девчонок, о таких их мечтах, радостях и обидах, о которых взрослым, может быть, и знать-то не обязательно. Писатель по крайней мере считает так. В своих произведениях он обращается не к читателю вообще, а именно к своему, юному читателю. «Мальчишки! — пишет он, например, в «Повести об Атлантиде». — Даже не очень храбрые, даже чуточку трусливые, вспомните, какими смелыми становитесь вы, когда рядом есть человек, который может удивляться, восхищаться вами...».

При таком точном знании своего читателя и разговор получается откровенным — и про то, когда скучно жить, а когда нескучно (повесть «Витька Мураш — победитель всех»), и про то, что звеньевым не надо избирать того, кого не хочешь — пусть его хоть сама учительница порекомендует (повесть «Борька, я и Невидимка»), и про дружбу мальчишек с девчонками (эта тема есть почти во всех произведениях Юрия Томина).

В повести «Нынче все наоборот» разговор идет о событии чрезвычайном: о «забастовке», о том, как Галка, Юрка и Славик решили «совсем-совсем не слушаться родителей»... Я помню, как несколько лет назад эта повесть печаталась в журнале «Костер» в нескольких номерах.

Я тогда работал в редакции и читал все письма-отзывы на повесть. После опубликования первой части пришло несколько недоуменных вопросов от взрослых: «Что же это такое: Юрий Томин поддерживает «заговорщиков», непослушных ребят?!» Но авторы писем, конечно, поторопились: из дальнейшего повествования видно, что писатель не согласен с решением, которое приняли Галка, Юрка и Славик. Однако в каждом отдельном случае, когда его герои вступают в борьбу, писатель умеет разобраться, на чьей стороне правда...

А правда, конечно же, на стороне людей мужественных и добрых, юных и взрослых, которые интересно и весело, порой трудно живут в произведениях Юрия Томина. Это и замечательный, всегда справедливый, напичканный бесконечными хитрыми вопросами Костя Шмель из повести «Борька, я и Невидимка», и учитель Владимир Иванович, и пионервожатая Лина Львовна из той же повести, и чуткий к чужому горю Петька Исаев из «Повести об Атлантиде», и мальчишки-романтики из многочисленных рассказов.

Та откровенность, с которой Юрий Томин обращается к своему читателю, обязывает его говорить всю правду о жизни, то есть о людях не только хороших, но и плохих.

Уже в первой своей повести, «Повести об Атлантиде», писатель рисует вызывающий отвращение образ девочки Сони, которая мечтает «сообщать» учителю о том, что делается в классе, но только так, чтобы никто об этом не знал...

В повести «Восемь дней в неделю» ученик шестого класса Игорь Владимирцев совершает поступок, достойный опытного интригана: пишет подложное письмо. «Негодяй!» — говорит о нем учительница, а вместе с ней и автор.

В сказке «Шел по городу волшебник» «мальчик с голубыми глазами», хозяин «вчерашнего дня», куда попадает герой сказки Толик Рыжков, пытается окружить себя такими «друзьями», которые были бы «хуже, чем он». И хотя сказка, как это и положено сказке, кончается хорошо, автор не хочет оставлять читателя настроенным благодушно. «Но я хочу сказать еще несколько слов, — пишет он в самом конце. — Дело в том, что мальчик с голубыми глазами все еще живет во вчерашнем дне. Он может вернуться в наш день... Он может отомстить Толику за то, что тот оказался не таким лентяем и жадиной, как он рассчитывал».

Вот как откровенно и о каких важных для читателя вещах говорит в своих книгах Юрий Томин. Этот талантливый писатель знает сегодняшнюю детвору и хорошо помнит свое детство: блокадный Ленинград, эвакуацию, занятия в ремесленном училище... Помогает и жизненный опыт: долгие годы Юрий Томин провел в геофизических экспедициях, преподавал в школе, в вузе.

Юрию Геннадиевичу Томину исполнилось пятьдесят лет. Писатель встретил свой юбилей окончанием работы над новой большой повестью (ее вы читаете в «Пионере»). Он верен себе: «...настоящее счастье человеку приносят чудеса, сделанные его же руками».

Владимир ТОРОПЫГИН

В. КАВЕРИН

Сын Стекольщика

СКАЗКА

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

Мария Павловна бежит за горчицей

В Немухине давно решено было построить новую пекарню. Старая отслужила свое, облупилась, закоптела и — это было самое главное — перестала выпекать черный домашний хлеб с хрустящей корочкой, которым славился город.

Однако прошло немало времени, прежде чем Горнемухстрой поручил архитектору Николаю Андреевичу Заботкину приступить к постройке новой пекарни. Следует заметить, что он был одним из самых уважаемых людей в Немухине. Когда он переходил Нескорую, самую оживленную улицу города, милиционер заранее останавливал движение и все почтительно следили, как, поглядывая по сторонам, он неторопливо переставляет длинные ноги. Его уважали даже за то, что он всегда путал ужин с завтраком, а завтрак с обедом.

— Хорошо бы поужинать, — говорил он по утрам своей дочке Тане. А возвращаясь поздно вечером после работы, весело спрашивал ее:

— Завтрак на столе?

В ясный солнечный день он выходил из дому с зонтиком, а однажды, когда Мария Павловна

вымыла голову и повязала ее полотенцем, не узнал ее и стал расспрашивать, откуда она приехала и нравится ли ей город.

Впрочем, рассеянность нисколько не мешала ему. Однажды он, например, по рассеянности построил такую высокую пожарную каланчу, что с вышки был виден как на ладони не только Немухин, но и Мухин, лежавший довольно далеко за рекой. Мешала ему не рассеянность, а доброта. С каждым годом он становился добрее. Он беспокоился положительно о каждом немухинце, а в особенности о верхолазах, строивших пекарню, после того, как один из них оступился. Именно тогда он предложил выписать верхолазов из Летандии — есть такая страна, в которой люди умеют немного летать. Но Горнемухстрой убедительно доказал ему, что Министерство Дружелюбных Отношений не разрешит выписать для пекарни иностранных рабочих.

Но больше, чем о любом немухинце, Николай Андреевич, без сомнения, заботился о своей дочке Тане. Дело в том, что у него три года тому назад неожиданно исчезла жена, Мария Павловна, Директор Института Красоты и, между прочим, одна из самых красивых и симпатичных женщин в Немухине. Это случилось так: за ужином она вспомнила, что забыла купить к сосискам горчицу, вскочила из-за стола, побежала в соседнюю лавочку и исчезла. Весь город искал ее несколько дней, лучшие собаки-ищейки были привезены в Немухин, и, как это ни странно, самые талантливые из них упорно шли по одному маршруту: от дома Заботкиных к единственному в городе комиссионному магазину. Этим магазином заведовал некто Пал Палыч, человек пожилой, глуховатый, подслеповатый и — что важно отметить — пугливый. Он считал себя знатоком старины и подчас решительно отказывался продавать казавшиеся ему старинными вещи.

— К сожалению, не могу, — говорил он, поглядывая на какие-нибудь фарфоровые часы, которые были старше его лет на десять. — Это музейная вещь и как таковая должна находиться в Государственном Музее Старинных Механизмов.

Но это обстоятельство, без сомнения, не имело ни малейшего отношения к исчезновению Марии Павловны. Она как бы растаяла в воздухе, и единственной хозяйкой в доме осталась Таня, которой только что исполнилось четырнадцать лет. Нельзя сказать, что она растерялась. Во-первых, она была почему-то уверена, что мама вернется. А во-вторых, надо же было кому-то готовить завтрак, который отец называл ужином, разогревать обед, который он называл завтраком, отдавать белье в прачечную, платить за газ и электричество, не говоря уже о чистоте в квартире.

При этом необходимо было еще и учиться, причем не в обыкновенной, а в музыкальной школе. Она играла на скрипке, а кто же не знает, что скрипка — один из самых трудных инструментов на свете.

Да, Тане было действительно трудно, и хотя ей не очень хотелось, чтобы отец нанял домашнюю работницу, но иногда, пожалуй, и очень.

А надо сказать, что одна еще молодая женщина только и думала, как бы ей устроиться у Заботкиных. Дело в том, что ей никак не удавалось выйти замуж, хотя она была, с ее точки зрения, недурна собой. Кроме того, ей очень нравился Николай Андреевич.

«Ведь прошло три года с тех пор, как он потерял жену, — думала она, — а в таких случаях мужчины не прочь жениться снова».

И, принарядившись, она пошла к Николаю Андреевичу и сказала ему, что не может без слез смотреть на Таню, которая хозяйничает в доме, в то время как ей надо учиться.

— Между тем мне кажется, — сказала она, — я вполне могла бы ее заменить.

Однако были причины, которые могли помешать Николаю Андреевичу согласиться на ее предложение. Во-первых, эта женщина, у которой, кстати сказать, было странное прозвище — госпожа Ольоль, родилась и выросла в Мухине, а между мухинцами и немухинцами всегда были сложные отношения. В дни футбольных соревнований, например, хозяева поля независимо от результата дрались с гостями, а гости — с хозяевами поля.

Во-вторых... О, вторая причина заставила б задуматься Николая Андреевича, если бы он догадался о ней.

Дело в том, что госпожа Ольоль училась в Школе Ведьм и хотя была очень ленива, однако окончила четыре класса. В Министерстве Необъяснимых Странностей ей было разрешено совершить только одно необыкновенное чудо, а обыкновенных — не больше трех-четырех.

Так или иначе, никто не подозревал, что госпожа Ольоль — ведьма, хотя и с неоконченным средним образованием.

В конце концов Николай Андреевич все же нанял ее.

— Я буду называть вас экономкой, — сказал он, — тем более что домашних работниц в наше время нанять, говорят, очень трудно. Вы будете полной хозяйкой в доме, а Таню я попрошу только набивать мне трубку и следить, чтобы я не называл завтрак ужином, а ужин — обедом.

И действительно, первое время все шло так примерно на четверку с плюсом. Можно было бы даже сказать — на пятерку, если бы Таня время от времени не ловила на себе какой-то странный взгляд новой экономки. Пожалуй, можно назвать его опасным или по меньшей мере не вполне безопасным. Правда, госпожа Ольоль при этом ласково улыбалась, но от ее улыбки Тане становилось как-то не по себе. Ей хотелось куда-нибудь спрятаться, и у нее, как это ни странно, развязывался пионерский галстук, хотя она к нему не прикасалась.

Тем не менее они были в прекрасных отношениях. Каждый день госпожа Ольоль убирала квартиру, ходила по магазинам, проветривала постельное белье и вообще отлично вела хозяйство. Готовила она так хорошо, что Николай Андреевич за обедом съедал по две тарелки супа и

даже немного пополнел, хотя при его высоком росте это было почти незаметно.

Всякий раз она с восхищением восклицала: «Ах, как я рада!» — когда он возвращался домой, хотя куда же еще должен он был возвращаться после работы, если не домой.

Стараясь понравиться ему, она три раза в день подкрашивала веки, а два раза щеки, так что верхняя часть ее лица отливала голубоватым цветом, а нижняя — розоватым.

И нельзя сказать, что Николай Андреевич не обращал на нее внимания. Но почему-то, встречаясь с ней, он повторял одну и ту же фразу:

— Ого, госпожа Ольоль, а ведь вы опять похорошели.

Или, когда веки у нее начинали отливать уже не голубоватым, а синеватым оттенком, а щеки — не розоватым, а красноватым, он восклицал:

— Смотрите-ка, госпожа Ольоль, что бы это значило? Ведь вы опять, кажется, похорошели?

В старину тот, кто собирался жениться, обычно говорил своей будущей невесте:

— Позвольте предложить вам руку и сердце.

Руку Николай Андреевич иногда предлагал госпоже Ольоль — когда она стояла на лестнице, вытирая пыль в библиотеке. Но сердце... До этого было далеко!

Что касается Тани, то новая экономка заботилась о ней, как не заботилась бы, кажется, родная мать.

— Милая моя, не хочешь ли ты еще одну булочку? — спрашивала она, когда Таня, торопясь в школу, кончала завтрак.

Но пионерский галстук под взглядом госпожи Ольоль продолжал развязываться, а однажды, когда Таня в беге на сто метров была в трех шагах от финиша, у нее развязался шнурок на ботинке, и она пришла шестой, хотя могла бы прийти второй. Перед показательным концертом музыкальной школы на скрипке лопнула струна, и пришлось бежать в Мухин, потому что в Немухине не было музыкального магазина.

Впрочем, Таня давно заметила, что упражнения на скрипке странно действуют на госпожу Ольоль. Она морщилась, хваталась за голову, смачивала виски уксусом — словом, вела себя так, как будто Таня не разучивала Шопена или Баха, а старалась отпилить экономке голову своим смычком. Может быть, это объяснялось тем, что ведьмы вообще немузыкальны? Так или иначе, ничего не оставалось, как заниматься музыкой не в своей комнате, а в старой, заброшенной оранжерее, рядом с домом.

Правда, она была не совсем заброшенной: в ней росли розы, гладиолусы, лилии и георгины. За ними никто не ухаживал, потому что старый садовник умер, а нового немухинцы, занятые строительством пекарни, еще не собрались нанять. Но Таня — хотя она была очень занята — все-таки находила время, чтобы поливать цветы. Ей даже нравилось заниматься музыкой в оранжерее, тем более что цветы внимательно слушали ее и даже кивали головками, когда какой-нибудь трудный пассаж удавался. Широко известно, что именно эти цветы острее других растений чувствуют признательность — ведь за ними надо ухаживать особенно терпеливо. Но иногда Тане начинало казаться, что ее слушают не только цветы. Кто-то бродил по старой оранжерее, чуть заметно отражаясь то в одной, то в другой стеклянной стене.

— А ведь интересно узнать, — однажды спросила (или, быть может, только подумала) Таня, — кто еще слушает меня, кроме роз, гладиолусов, лилий и георгинов?

— Сын Стекольщика, — ответил ей чей-то мягкий, приветливый голос.

— В самом деле? Почему же я вас не вижу?

— Не только ты, Таня. Кстати, я узнал твое имя, потому что, когда у тебя получается трель, ты говоришь себе: «Ай да Таня!».

— Так вас не видит никто?

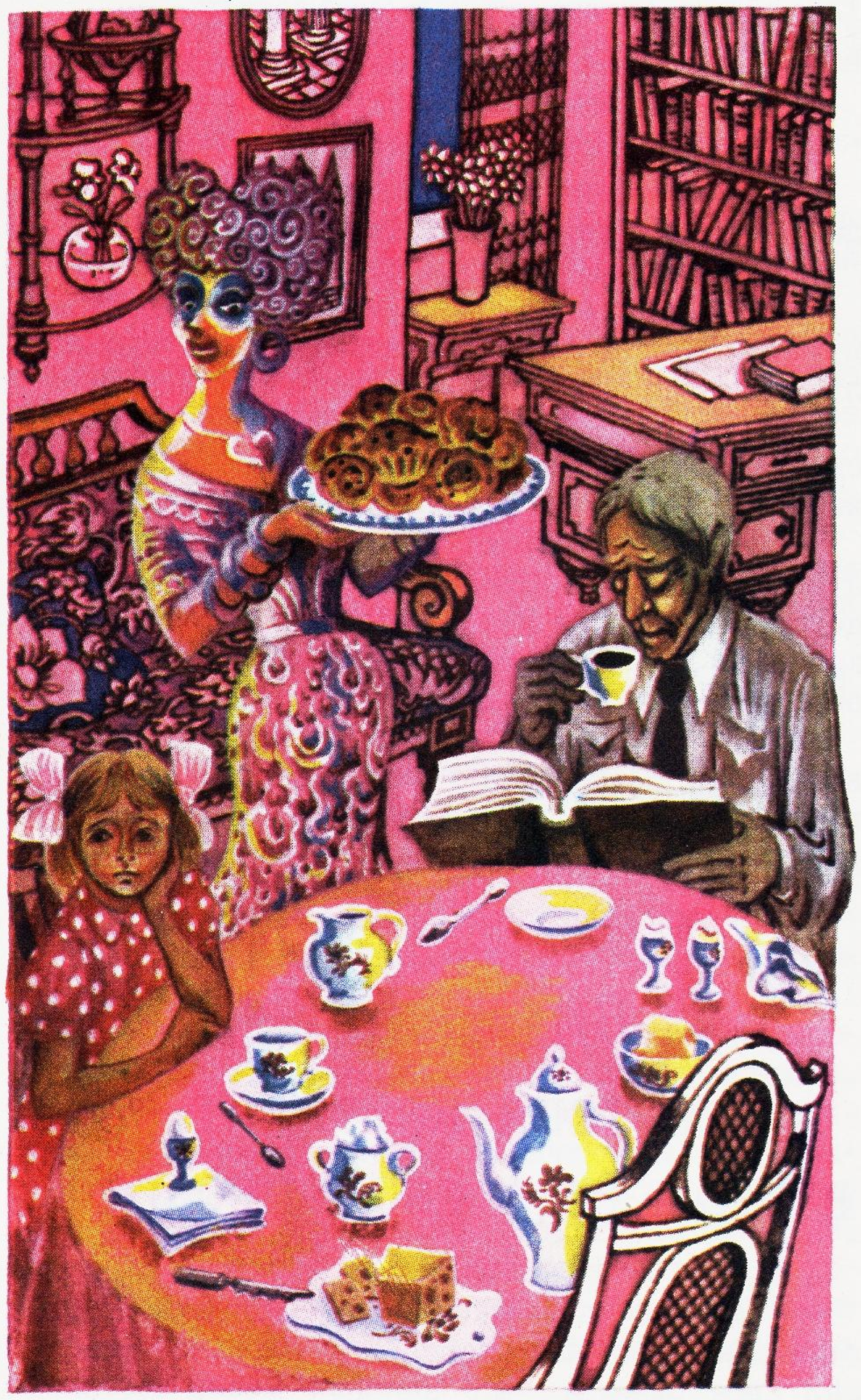
— В том-то и дело!

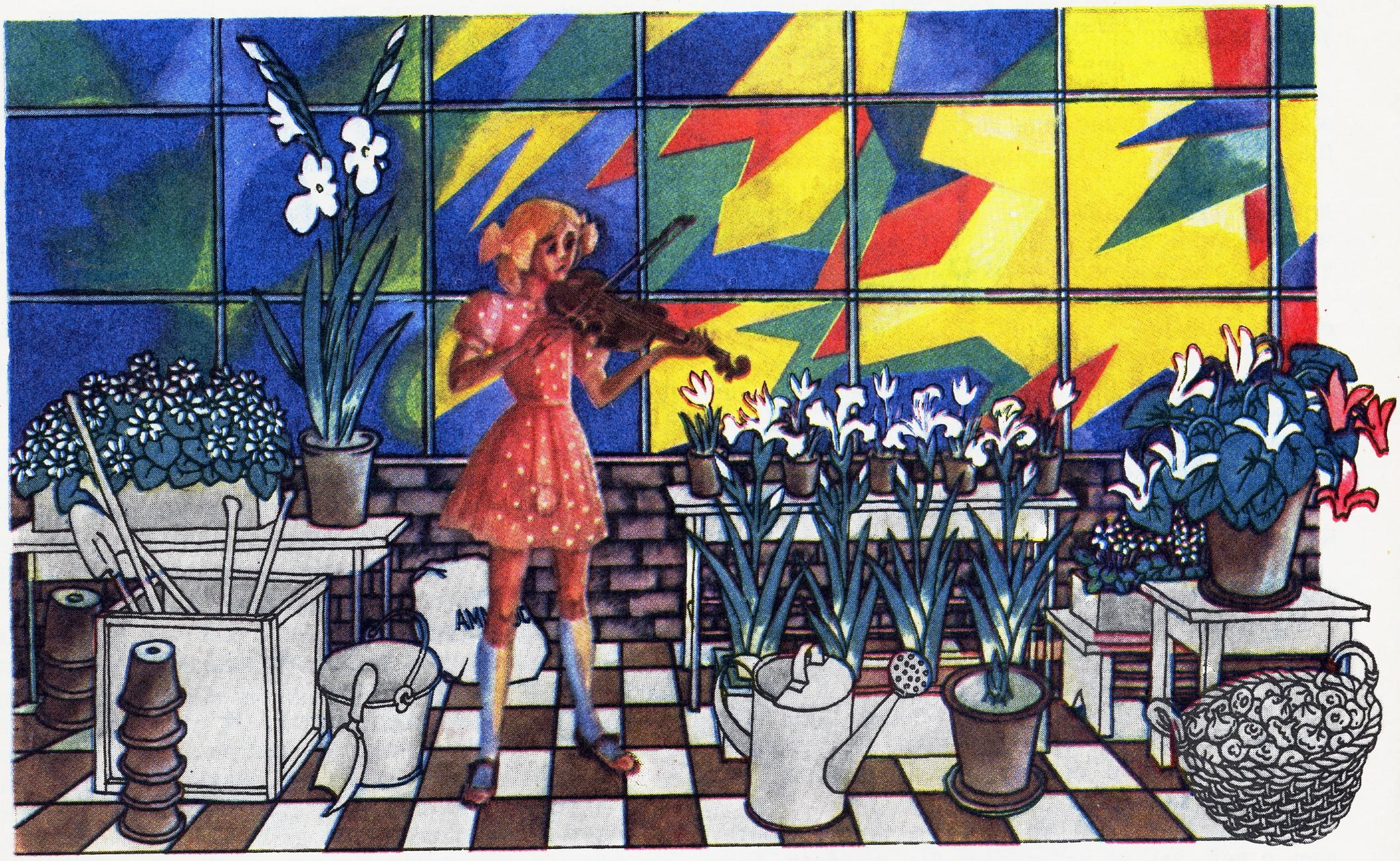
— Но ведь это же очень неудобно, — возразила Таня. — Вам-то самому хотя бы изредка удается себя увидеть?

— К сожалению, редко. Только когда идет слепой дождь.

— А это что такое?

— Милая моя, не хочешь ли ты еще одну булочку? — спрашивала экономка.





Таня занималась музыкой не в своей комнате, а в старой, заброшенной оранжерее.

— Дождь пополам с солнцем. Впрочем, тогда меня могут увидеть и другие.

— Те, кто к вам хорошо относится?

Она услышала добрый, звенящий смех и подумала, что так могут смеяться только хорошие люди.

— Это я радуюсь, что ты так догадлива, — сказал Сын Стекольщика. — Кроме того, ты вежлива, терпелива и нелюбопытна.

— Вежлива? Может быть. Терпелива? Пожалуй. Но нелюбопытна? Ну, нет! Мне, например, до смерти хочется узнать, почему вы стали прозрачным, что вы делаете в этой оранжерее и вообще, что с вами случилось?

— Ну, что ж, — вздохнув, отвечал Сын Стекольщика. — Придется рассказать тебе мою историю. Впрочем, это нетрудно, потому что я давным-давно выучил ее наизусть.

Видеть тех, кто тебя не видит, — в этом есть своя прелесть

— Видишь ли, — начал он, — я сын Председателя Союза Стекольщиков, который так любил свое ремесло, что каждый месяц выбивал все окна в своем доме только для того, чтобы вставить новые стекла. Стекло всегда казалось ему одним из семи чудес света, а прозрачность — самым драгоценным свойством любого предмета. Среди его друзей были, например, прозрачно-чистые и прозрачно-благородные люди. Словом, ему до смерти хотелось, чтобы у него родился совершенно прозрачный сын, а когда человек неутомимо стремится к намеченной цели, это почти всегда удается. Вот так и случилось, что я, как видишь, родился совершенно прозрачным.

— Точнее было бы сказать: «Как не видишь», — заметила Таня.

Он опять засмеялся — и так звонко, что стекла оранжереи весело отозвались.

— Прекрасно! Значит, ты еще и остроумна. Впрочем, я не могу согласиться, что быть прозрачным так уж неудобно. Видеть тех, кто тебя не видит, — в этом есть своя прелесть. Ты спрашивала меня, что я делаю в этой оранжерее. Ты понимаешь, мне приходится много путешествовать, а в гостиницах всегда начинаются длинные, утомительные расспросы... «Извините, гражданин, мы не прописываем невидимок...» Или: «Как же я могу предоставить вам номер, если неизвестно даже, женщина вы или мужчина?» Словом, я решил, что удобнее всего останавливаться в оранжереях. Теперь остается только один вопрос: «Что вы делаете в Немухине?» Ответ: «Ничего». Просто мне показалось, что в этом городке немало кристально честных и прозрачно-благородных людей. Вот я и подумал: «А вдруг мне удастся помочь кому-нибудь из

них?» Ведь именно такие люди часто попадают в беду.

— Да, — вздохнув, ответила Таня. — Вот вчера, например, мальчишки гоняли футбольный мяч и разбили окно в доме нашего Старого Трубочного Мастера. А уж честнее и благороднее его нет, мне кажется, никого на свете.

— Вот я ему и помогу, — сказал Сын Стекольщика. — Но, Таня... Может быть, я мог бы чем-нибудь помочь и тебе? Когда я смотрю в твои глаза, мне начинает казаться, что ты не очень счастлива. Или я ошибаюсь? Почему, например, ты занимаешься музыкой не у себя дома, а в этой старой оранжерее?

— Потому что госпожа Ольоль совершенно не выносит ни меня, ни мою скрипку. Папа нанял ее, чтобы она вела наше хозяйство, и она, мне кажется, вела бы его очень хорошо, если бы поменьше старалась понравиться папе.

— А она очень старается?

— К сожалению, да. Вчера, например, она надела туфли на таких высоких каблуках, что совершенно не могла ходить, и рассердилась на меня, когда я предложила ей воспользоваться папиной палкой.

— А что думает о ней твоя мама?

Должно быть, Сын Стекольщика догадался, что огорчил Таню этим вопросом, потому что она глубоко вздохнула и долго молчала, прежде чем ей удалось справиться со слезами.

— У меня нет мамы, — наконец сказала она. — То есть, может быть, и есть, но никто не знает, где она и что с ней случилось.

И Таня рассказала, как три года тому назад мама вскочила из-за стола, побежала в лавочку за горчицей и исчезла.

— Почему же она не послала тебя?

— В том-то и дело, что накануне я подвернула ногу.

— Ее искали?

— О да. Самые талантливые собаки-ищейки разыскивали несколько дней. Удалось только установить, что она завернула за угол к комиссионному магазину. Но кому же может прийти в голову покупать горчицу в комиссионном магазине?

Сын Стекольщика промолчал, и в полной тишине был слышен только легкий шорох — бабочка перелетала с цветка на цветок.

«Ушел», — подумала Таня и спустя несколько минут спросила робко: — Простите, вы еще здесь?

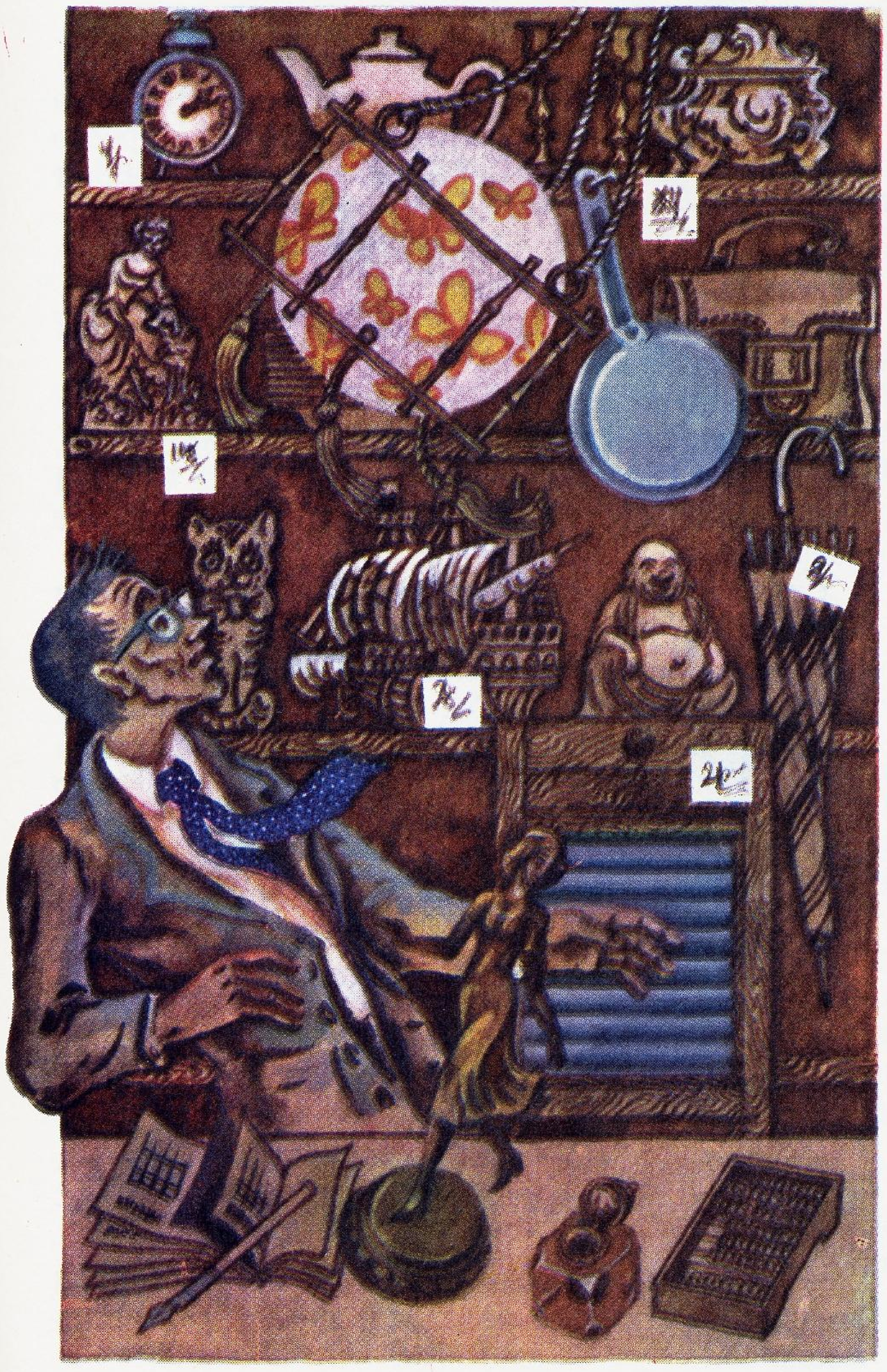
— Да, конечно. Больше того, я теперь долго не покину тебя. Не можешь ли ты сбегать домой и принести мне фотографию мамы?

— Я ношу ее на груди, никогда с ней не расстаюсь, — ответила Таня.

И действительно: на груди у нее висел маленький медальон, и в нем была фотография мамы.

— Какое нежное, доброе лицо, — сказал Сын Стекольщика. — Какие глаза! Так и кажется, что они говорят: «Желаю вам счастья». Теперь мне ясно, почему я остановился в Немухине. То, о чем ты рассказала, загадочно и похоже на закоптелое стекло, через которое смотрят на затмение солнца. Стекло надо протереть, чтобы оно стало прозрачным, и я не теряя времени займусь этим делом.

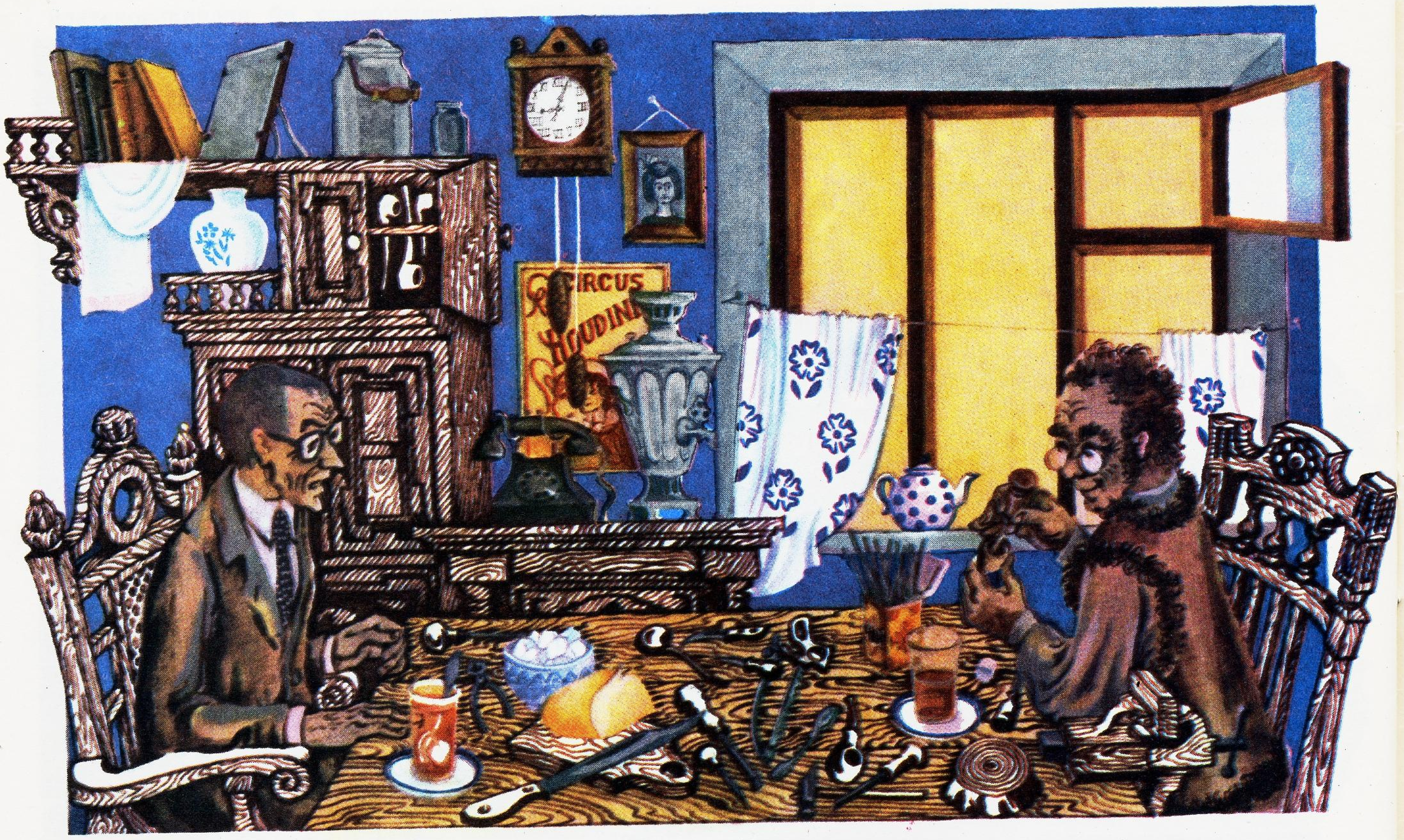
Пал Палыч вдруг обнаружил, что кто-то, кроме него, хозяйничает в магазине.



Бронзовая статуэтка

Судя по тому, что в ближайшие дни произошло в Немухине, чудеса идут полосой — одно тянет за собой другое.

На вывеске часовой мастерской были нарисованы большие часы — без всякой необходимости, потому что немухинцам не приходилось смотреть на вывеску, чтобы отличить часовую мастерскую от аптеки. И вдруг эти часы, которым, конечно, не полагалось ходить, вздрогнули, звякнули и пошли. Секундная стрелка стала догонять минутную, а минутная — часовую. Окно в доме Старого Трубочного Мастера, разбитое



Пал Палыч пришел к Старому Трубочному Мастеру, умнейшему человеку в Немухине,— посоветоваться.

футбольным мячом, оказалось целехоньким и даже более того — прозрачным, как воздух.

Пугало, стоявшее в огороде Завнемухторга, вдруг ожило и стало отгонять птиц своими соломенными руками, а в одну упрямую ворону запустило шляпой.

Но, как это ни странно, немухинцы довольно быстро привыкли к чудесам и даже огорчались, когда в городе ничего не происходило.

Впрочем, самые странные события происходили в комиссионном магазине. Дело в том, что Пал Палыч постоянно боялся как бы не оступиться, не простудиться, не обидеть кого-нибудь — одним словом, поступить не так, как полагается пожилому, болезненному, глуховатому человеку.

И вот в магазине, которым он безмятежно заведовал много лет, начались странности, которые напугали бы и не такого человека. Пал Палыч вдруг обнаружил, что кто-то, кроме него, хозяйничает в магазине, причем среди вещей, которые он считал музейными и никому не хотел продавать. Он мог бы поклясться в том, что шкатулка XVIII века, которая, по его догадкам, принадлежала Екатерине II, вчера стояла на второй угловой полке, а сегодня оказалась на третьей. Японскую лампу, висевшую в левом углу, кто-то взял да и перевесил. Это особенно напугало Пал Палыча, потому что сделать это без лестницы было невозможно, а складная лестница лежала под прилавком.

Право, можно было подумать, что кто-то по ночам бродит по магазину, причем не просто бродит, а заботливо перебирает и переставляет вещи.

— Может быть, мне это только кажется? — думал бедный Пал Палыч.

На всякий случай он пошел к врачу, и тот сказал значительно:

— Надо полечиться.

Наконец произошло то, что, без сомнения, свело бы Пал Палыча с ума, если бы Старый Трубочный Мастер не помог ему оправиться от потрясения.

Среди предметов, которые он отказывался продавать, была бронзовая статуэтка молодой бегущей женщины. Платье ее развевалось, изящно очерченные губы были слегка открыты, головка приподнята, и вся стройная фигурка устремлялась вперед, очевидно, к тому, кто ждал ее и не мог дождаться. Пал Палыч уверял, что это работа знаменитого скульптора Фидия или одного из его ближайших учеников, хотя на фигурке была домашняя кофточка и юбка ниже колен, а в древности одевались совершенно иначе.

И вот однажды Пал Палыч услышал мягкий приветливый голос — услышал, хотя был один в магазине.

— Доброе утро. Простите, не могу ли я купить у вас одну вещицу, которая мне очень понравилась.

— А именно? — спросил Пал Палыч, глядя во все глаза, никого не видя и думая, что он помешался.

— Вот эту бронзовую статуэтку,— ответил покупатель, и статуэтка, как живая, снялась с полки и неторопливо опустилась на прилавок.

— Виноват,— сказал Пал Палыч,— но мне кажется, что здесь нет никого, кроме меня. А не могу же я покупать у самого себя, тем более что это музейная вещь, которая вообще не продается.

— Это не совсем так,— возразил покупатель.— Во-первых, не вы покупаете у себя, а я у вас. А во-вторых, это не музейная вещь. Если бы не счастливая случайность или, точнее сказать, несчастная случайность, она не попала бы в ваши руки.

— Позвольте, позвольте... Каким же образом счастливая случайность может одновременно оказаться несчастной?

— Очень просто,— ответил ему невидимый собеседник,— счастливая, потому что вы нашли эту статуэтку три года тому назад. А несчастная... Ну, об этом мы поговорим в другой раз.

В таких случаях обычно пишут: «Он (хотя бы тот же Пал Палыч) был поражен». Но, пожалуй, вернее было сказать, что еще никогда в жизни он не был так поражен. Редкие седые волосы стали дыбом, рот округлился, как буква «о», а руки и ноги задрожали. Дело в том, что он действительно подобрал эту статуэтку на мостовой, недалеко от дома Заботкиных, три года тому назад.

— Зачем же так волноваться?— мягко спросил покупатель.— Вы поступили прекрасно.

— Но если вы все-таки хотите ее купить... — начал было дрожащим голосом Пал Палыч.

— Нет, нет! Я передумал. Мне хотелось только убедиться в том, что она не продана. Кстати, как вы ее назвали?

— Бе-бе-бегущая по волнам.

— Сразу видно, что вы читали Александра Грина. Один из его романов называется именно так. Но вы знаете, лучше было бы назвать ее не «Бегущая по волнам», а «Бегущая за горчицей».

Странствующий рыцарь

На этот раз Пал Палыч закрыл свой магазин на час раньше, чем полагалось. Со всех ног он побежал к Старому Трубочному Мастеру, умнейшему человеку в Немухине,— посоветоваться с ним было необходимо просто до зарезу.

А надо сказать, что они были друзьями со школьных лет и даже сидели некогда на одной парте. Причем Трубочный Мастер уже и тогда помогал Пал Палычу, который был слабоват по арифметике, истории, литературе и географии.

— Ну, что случилось, старик?

— Бяда,— ответил Пал Палыч.

Почему-то, когда с ним случалась маленькая неприятность, он говорил: «Беда», а когда большая: «Бяда».

— А именно?

— Да вот...

И Пал Палыч, волнуясь, рассказал о том, что невидимый покупатель не только собирался купить у него статуэтку, но почему-то назвал ее «Бегущая за горчицей».

— Ну, хорошо, допустим, что я его сослепу не разглядел. Но объясни ты мне, ради бога: при чем тут горчица?

Попыхивая трубочкой, Старый Мастер долго обдумывал происшествие в комиссионном магазине.

— Это было сегодня?

— Да.

— А какая, между прочим, сегодня, погода?

— Прекрасная. Солнышко. Ни облачка. Тепло.

— Ветра нет?

— Тихо.

— Тогда ясно, что он не бросал слова на ветер. Что ж, старина, могу только поздравить тебя. Тебе посчастливилось встретиться с волшебником, а это немало. В Немухине вообще началась полоса чудес. Думаю, что это его делишки. Значит, тебе хочется узнать, почему он заинтересовался этой статуэткой. Ничего особенного! Просто он решил выяснить — порядочный ли ты человек.

— Не понимаю.

— Что ж тут не понять! Что сделал бы другой человек, подобрав эту статуэтку? Продал бы ее какому-нибудь любителю, а деньги — в карман! А ты поставил ее на полку в магазине. Стало быть, заботишься не о своем кармане, а о пользе дела. Видишь ли, в последнее время распространилось убеждение, что странствующие рыцари существуют только в легендах и сказках. Лично я с этим никогда не мог согласиться. Тебе как раз встретился такой рыцарь, да еще к тому же волшебник. И если он еще раз пожалует, пожалуйста, попроси его заглянуть ко мне. У меня к нему дело.

— А именно?

— Да понимаешь, у Николая Андреевича так плохи дела, что его может спасти только чудо. Ведь это только кажется, что пекарня строится. А на деле кирпичи везут на строительство кинотеатра, а цемент — к каланче, которую он давно построил. Так что, если бы мне удалось встретиться с твоим волшебником, я бы непременно поговорил с ним о новой пекарне.

— Да, черт побери, как же я это упустил! — почесывая затылок, сказал Пал Палыч.— Но если он снова заглянет...

«Госпожа Ольоль, вы опять похорошели»

Теперь Сын Стекольщика виделся с Таней почти каждый день.

— Скажи, пожалуйста,— однажды спросил он,— почему у тебя глаза становятся все груст-

нее? Ведь появилась серьезная надежда, что твоя мама в один действительно прекрасный день вернется домой. Может быть, ты не поверила мне?

— Ну что вы! С тех пор, как вы мне это сказали, я каждый вечер открываю медальон, чтобы пожелать маме спокойной ночи... Более того, с тех пор, как я поверила вам, папа стал беспокоить меня больше, чем мама. Новая пекарня почти не строится, а между тем Кабинет Внешней Торговли сообщил, что из многих стран поступили заказы на черный хлеб с хрустящей корочкой, которым так славится Немухин.

Сын Стекольщика рассмеялся — и у Тани сразу стало легче на сердце. У него был такой добрый, открытый, почти мальчишеский смех.

— Ну, с этим мы как-нибудь справимся. А как ведет себя госпожа Ольоль?

Таня вздохнула.

— Я ее боюсь, — сказала она. — Видите ли, по-видимому, она думает, что если бы я провалилась сквозь землю, ей удалось бы выйти замуж за папу. Между тем он ее совершенно не замечает. Вчера, например, она встретила его в детской шапочке, чтобы казаться моложе, а он только сказал: «Смотрите-ка, госпожа Ольоль, вы опять похорошели». Когда он ласково разговаривает со мной, она готова лопнуть от зависти, а может быть, от другого, более опасного чувства.

— Если бы ты увидела меня, — сказал Сын Стекольщика, — ты убедилась бы в том, что у меня огорченное и расстроенное лицо. Дело в том, что я буду очень беспокоиться о тебе, когда мне придется на несколько дней покинуть Немухин.

— Вы уезжаете?

— Да. Для того, чтобы вернуть жизнь твоей маме, мне надо повидаться с одним старым волшебником. Он уже давно на пенсии, но у него превосходная память. Он знает все заклинания, которыми люди уже сотни лет защищаются от чертей, леших с дурным характером, озлобленных домовых, словом, от злого колдовства — ведь доброе колдовство встречается сравнительно редко. Мой старик живет на берегу Ропотамо — есть на свете такая река, которая неторопливо несет в море свои прозрачные воды. Я хочу посоветоваться с ним. Заклинаний много, а я, например, помню только одно: «Аминь, аминь, рассыпься», — да и то не уверен в том, что оно действует до сих пор.

— Я буду ждать вас, — стараясь удержаться от слез, сказала Таня. — В крайнем случае я скажу госпоже Ольоль: «Аминь, аминь, рассыпься». Может быть, это заклинание еще действует, правда?

— Да, может быть, — ответил ей добрый, мужественный голос, и Тане показалось, что эти слова послышались уже в отдалении и прозвучали, как эхо.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Л. В. УСПЕНСКИЙ

И снова «странная фраза»

В августовском номере журнала за прошлый год мы предложили читателям такую задачу: придумать фразу, не очень длинную, в которую бы входили все буквы русского алфавита. И, конечно, чтобы эта фраза была со смыслом.

На конкурс пришло много писем. И с каждым мы проделали вот такую сложную работу. Выписывали очередную «странную фразу» и тщательно проверяли, есть ли в ней все буквы русского алфавита. Сначала смотрели, встречается ли там буква «а», потом «б» и так вплоть до «я».

Некоторые из вас, не найдя за первые полчаса слов с теми или другими трудными буквами, выбрали легкий путь — придумывали сказочный персонаж и сочиняли ему имя, в которое входили бы все недостающие буквы. Так, в одной фразе появилась «волчица Этфа», которая понадобилась только для того, чтобы добыть отсутствующую букву «ф». В другом предложении живет «ящерица Фишка».

А хорошие решения есть? Да, есть! Жюри отметило работу Оли Кузнецовой (г. Мытищи Московской области). Ее фраза: **«Вступив в бой с шипящими змеями — эфой и гадюкой, колючий, цепкий, храбрый еж съел их».**

Не говоря уж о стопроцентном выполнении задания (все буквы налицо), фраза эта отлично построена, осмысленна, логична и, если угодно, даже изящна. Во всяком случае, она во всех отношениях превосходит английский оригинал (английская фраза звучит так: **«Быстрая бурая лиса перепрыгивает через ленивую собаку»).**

Марина Ашукова из города Раквере придумала фразу, которую мы тоже решили отметить:

«Эх, взъярюсь, толкну флегматика: дал бы щец жарчайших, Петр».

Мне нравится и такая решительная фраза: **«Дорогой Фома, если хочешь съесть этого жареного большущего цыпленка, вымой руки, приказываю я!»** Сердито, но справедливо. Я бы только заменил Фому на Федю — проще, а буквы «о», «м», «а» и без Фомы есть.

«Подъехал шофер на рефрижераторе грузить для обучающихся строителей-энергетиков медицинские товары». Или вот: **«Флегматичная эта верблюдица жует у подъезда засыхающий горький шиповник».** Я думаю, что шиповник, может быть, и не горек, но беды нет.

Любопытна фраза одной семиклассницы: **«Будущая широкая электрификация южных участков даст мощный подъем сельского хозяйства».** Но только не взята ли она из какой-то книжки?

Вы спросите: есть ли смысл во всей этой работе? Да, и очень простой — тренируется ваша способность свободно и точно подбирать слова родного языка, составляя из них законченные фразы. Так что потрудились вы не без пользы для развития вашей речи.

ПЕРЕ-МЕНКА

Продолжаем представлять участников жюри конкурса «Невыдуманных диалогов». Актер и режиссер **Ролан Антонович БЫКОВ** отвечает на вопросы нашего корреспондента **Марины Каневской.**

Корреспондент. Ролан Антонович, как вы стали актером?

Р. Быков. Играть на сцене я мечтал с самого детства. А первый театр, куда я попал, был кукольный. Там мне особенно понравилась деревянная сова. На протяжении всего спектакля она крутила головой и выкрикивала скрипучим голосом: «Я — премудрая сова!» И все. Придя домой, я высунулся в широкую форточку и принялся кричать: «Я — премудрая сова!» Я старался делать точно как в театре — помолчу, покручу головой и опять: «Я — премудрая сова!» Всем уже надоели мои вопли, но я вошел в роль, чувствовал себя совершенно деревянным и продолжал орать с небольшими передышками. В конце концов «публика» прогнала меня.

После окончания школы я пытался поступать в несколько театральных училищ. Но не проходил даже первого тура. В одном из училищ на моих документах написали: «Никаких данных, плохая дикция». И все-таки я не терял надежды. И в конце концов успешно сдал экзамены в училище Театра имени Вахтангова. Всю жизнь считаю это большим счастьем.

Корреспондент. Ребята хорошо знают ваши фильмы: «Звонят, откройте дверь», «Служили два товарища», «Автомобиль, скрипка и собака Клякса», «Нос», «Внимание, черепаха», «Айболит-66». Вам приходилось быть и актером и режиссером. Скажите, это трудно?

Р. Быков. Трудно, даже очень, но интересно. А когда очень интересно, то не так уж трудно. Снимать кино — дело страшно серьезное, но часто и веселое. Снимал я картину «Айболит-66» и играл там Бармалея. В фильме множество трюков. Есть там такая сцена: «грустный» слуга в ходе вечной погони Бармалея за Айболитом сбрасывает на доброго доктора огромную скалу, но попадает в Бармалея.

Мне, режиссеру, хотелось сделать скалу огромной, преувеличенно огромной, чтобы было смешнее. Конечно, если настоящей каменной скалой ударить актера, он не встанет. Поэтому глыбу решили сделать искусственную. Кроме того, я хотел, чтобы скала не только ударила Бармалея по голове, но и развалилась пополам: такой, мол, сильный удар и такая чугунная голова у Бармалея.

В нашей съемочной группе был мастер на все руки, и он мне сказал: «Я сделаю такую скалу, как надо».

Я поглядывал на мастера, который трудился над скалой — ведь упасть-то она должна была на мою голову. Он взял довольно-таки солидные доски, по три штуки на каждую половину глыбы. С этим я смирился. Потом обил их железной сеткой. «Это еще зачем?» — встревожился я. «Иначе алебастр не пристанет»,— объяснил мастер.

Можно было снимать. Под мою шляпу подложили поролоновую прокладку, чтобы смягчить удар. Сложность трюка заключалась в том, что скала должна была упасть мне на голову точно трещиной, так ее мог кинуть только человек с очень верным глазом.

— Я кину точно,— пообещал мне мой помощник,— ты, главное, голову должен подставить в правильное место.

— А как я узнаю, что это место правильное?

— Свистну, и ты сразу останавливайся.

Во время съемки я очень волновался, боялся, что плохо сыграю из-за этой скалы. Старался посильнее рассердиться на Айболита, настроиться на съемку. И совсем забыл о скале.

Мотор. Съемка. Я побежал, услышал свист, понял, что проскочил «правильное место», рванулся назад, вперед... Что произошло потом — не помню. Говорили, что сыграл я здорово...

Корреспондент. А над чем вы работаете сейчас, Ролан Антонович?

Р. Быков. Секрет, страшный секрет. Впрочем, одно могу сказать: в этом фильме будут участвовать дети. Для меня большое счастье снимать детей. Я сам у них многому учусь.

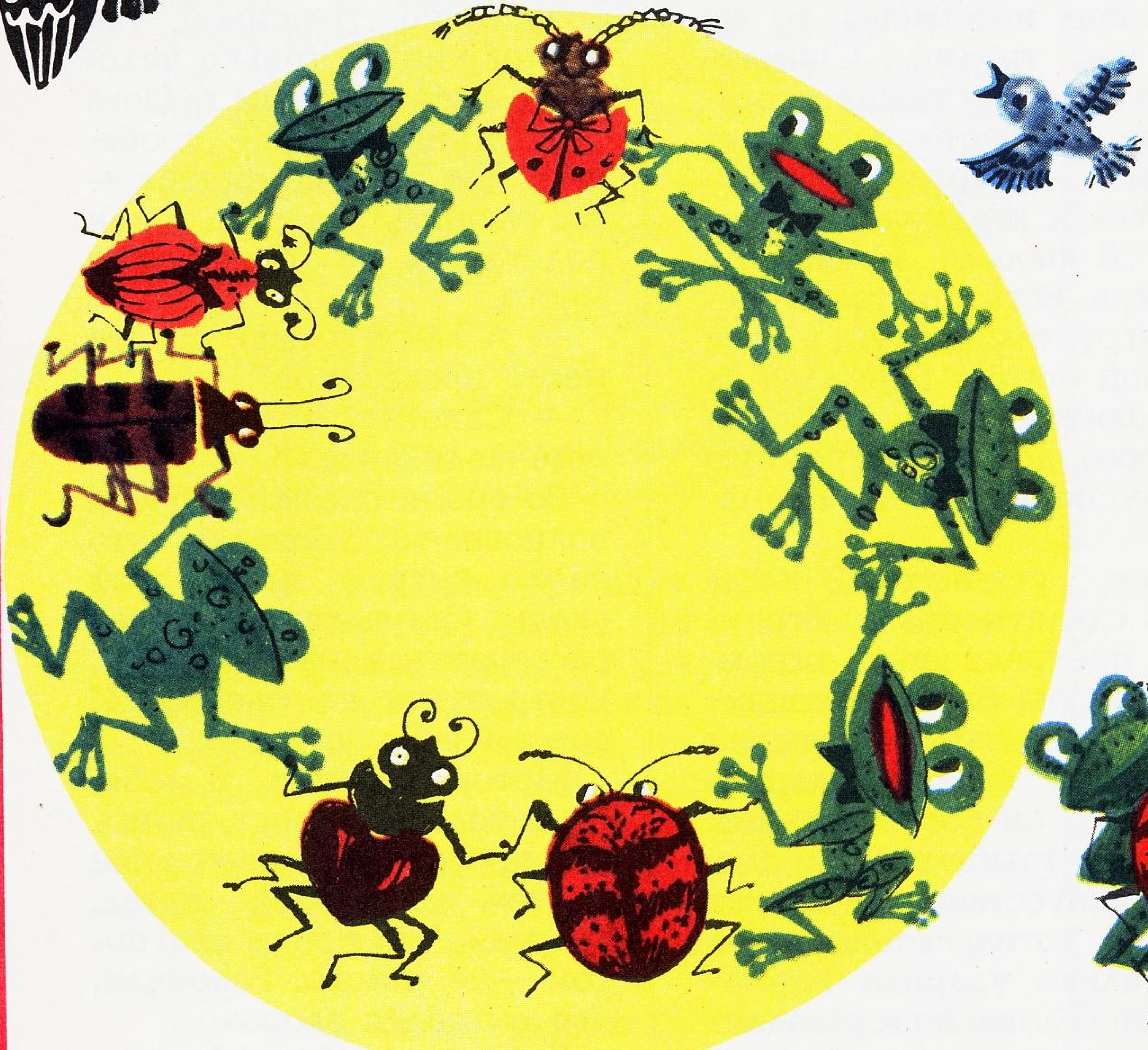
Корреспондент. А если чуть-чуть приоткрыть секрет, о чем будет фильм?

Р. Быков. О детстве, о мальчишках, о войне, обо мне...

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

УМА ПАЛАТА

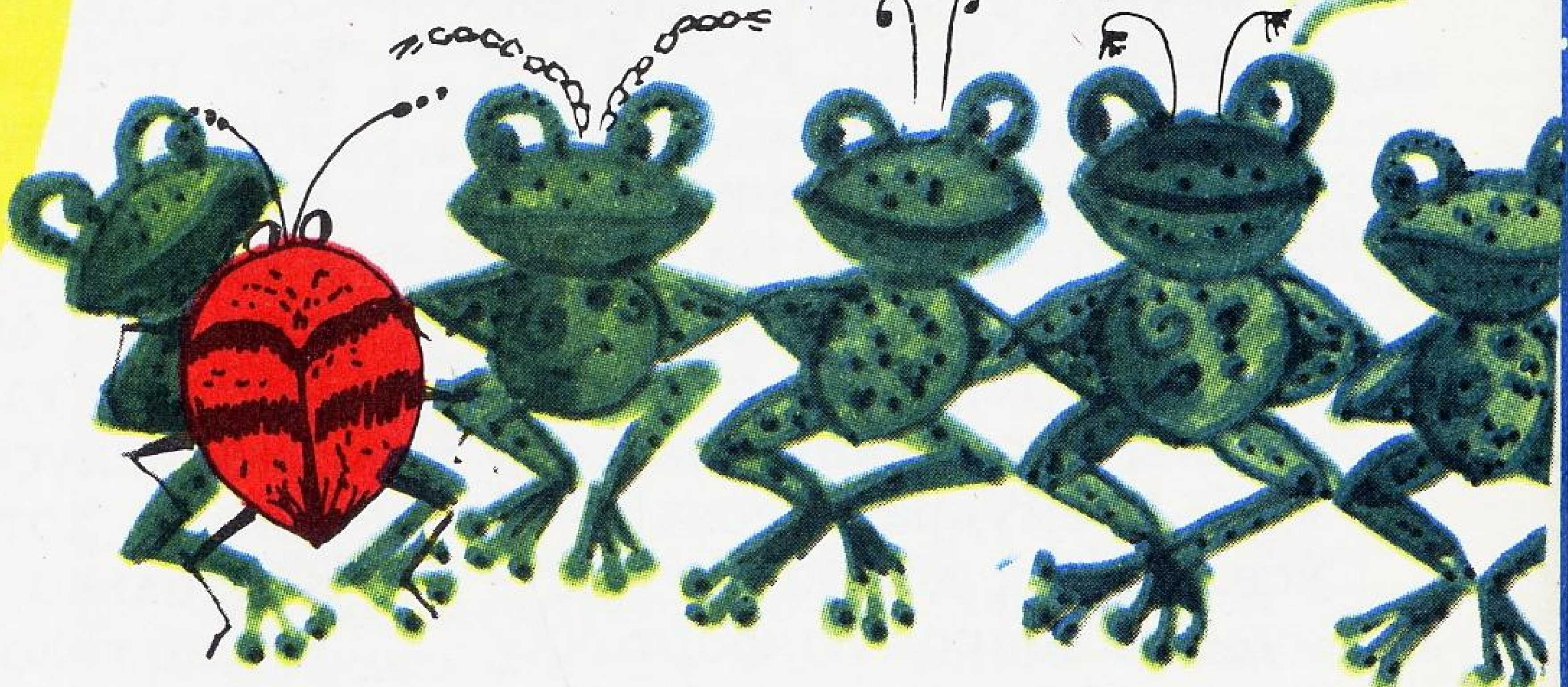
ответственный дежурный Н. Разговоров, рисунки А. Вовиковой

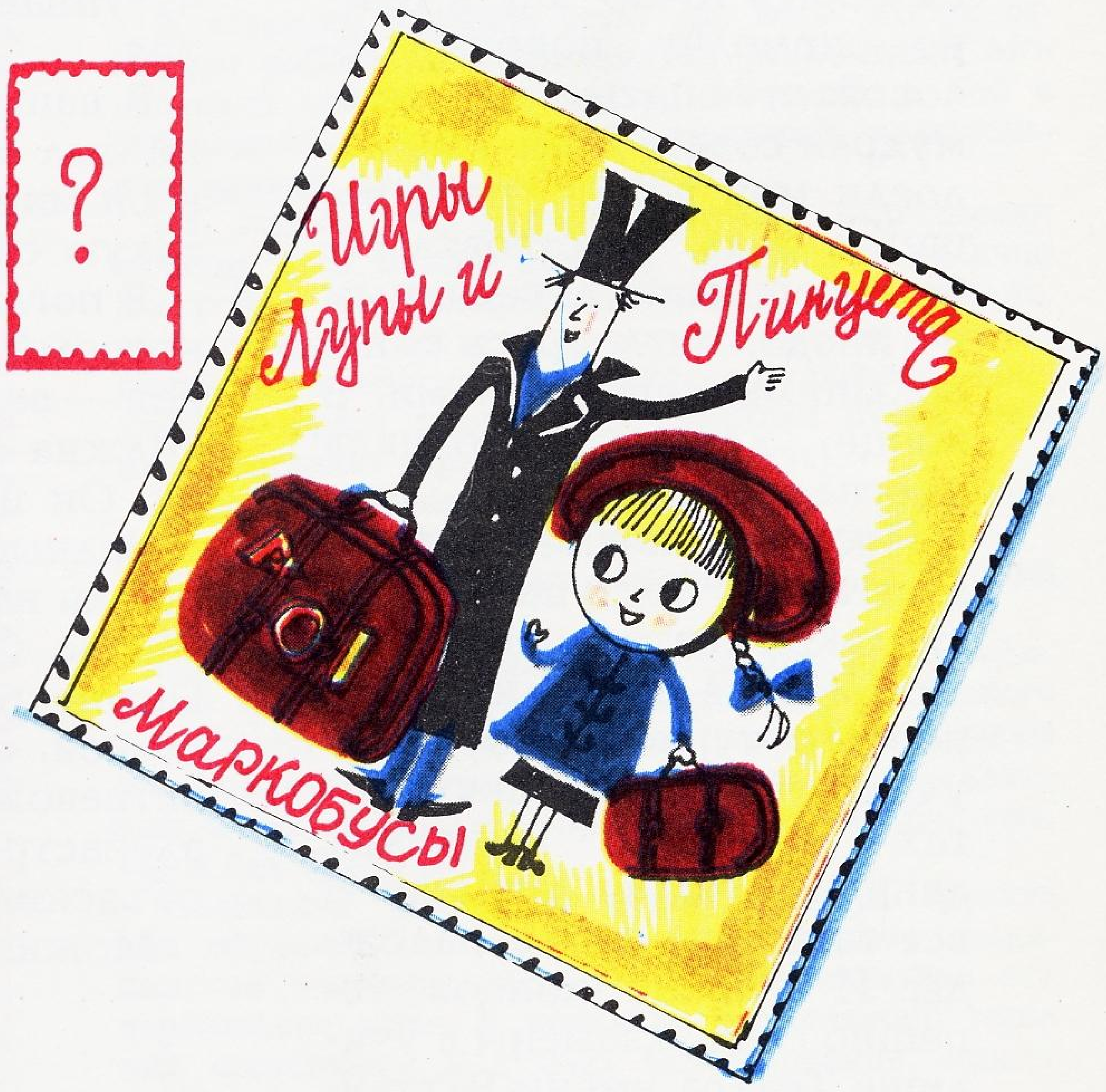


Трусишки

В золотых лучах заката
На поляне у реки
Танцевали лягушата
И рогатые жуки.
Но внезапно в центре круга
Оказался воробей.
С перепуга друг за друга
Все попрятались скорей.
— Ха-ха-ха! — сказал кузнечик, —
Вот трусишки, просто смех!
Вы отыщете, конечно,
Кто укрылся лучше всех.

Живживка.





3

Танзания

2

Индонезия

3

Барбадос

?

2

Малагасийская республика

3

Нигерия

?

2

Марокко

3

Монголия

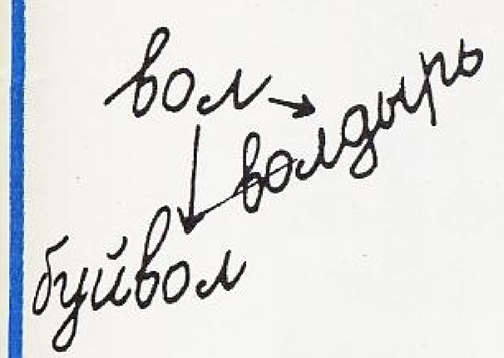
?

Берите карты, глобусы,
Бежим решать маркобусы!

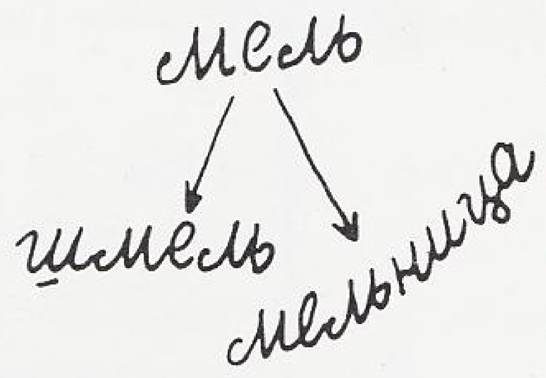
А вы не забыли, как они решаются? Из названия каждой марки возьмите столько букв, стоящих рядом, сколько написано в кружочке. Сложите все буквы и получите название перевернутой марки!

Игры деда Буквоеда

МАЛЫШКИ-КОРОТЫШКИ



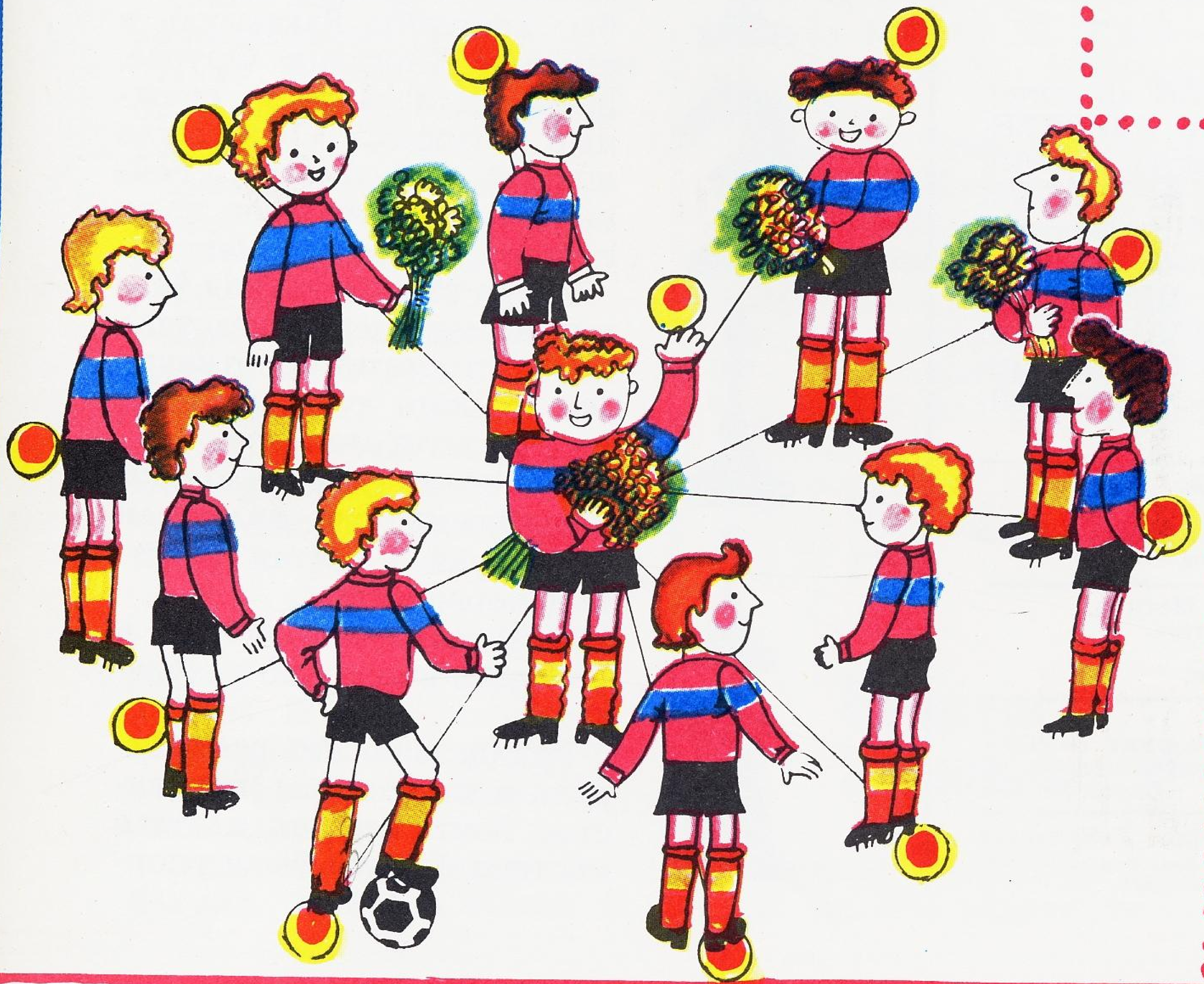
Мы, малышки-коротышки,
Будем рады, если ты
Поразмыслишь и отыщешь
И начало и хвосты!
Это трудно, но не слишком.
(Ты сумеешь или нет?)
Нам, малышкам-коротышкам,
Срочно вышли свой ответ.



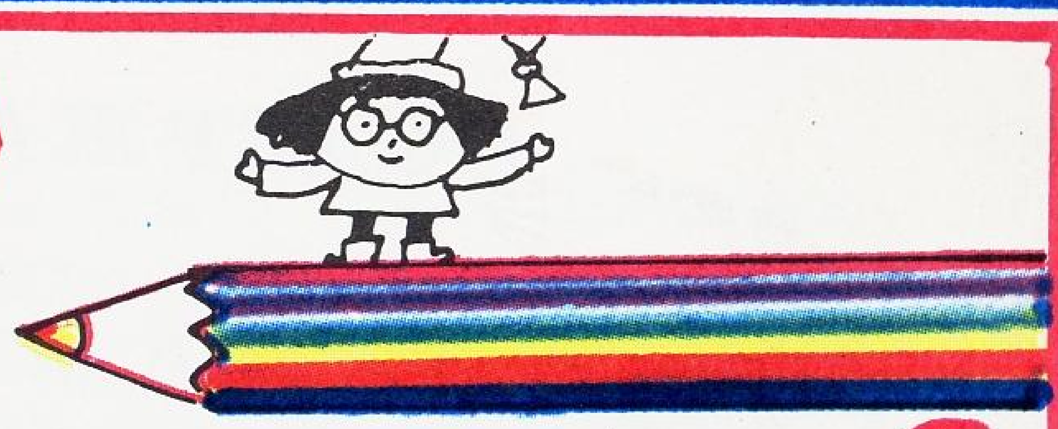
ГЕРОЙ ДНЯ

Недавно состоялась дружеская встреча футбольных команд «Рысь» и «Лось». Победила команда «Рысь» со счетом 1:0!

Игроки команды-победительницы окружили футболиста, чей меткий удар решил судьбу матча. Какой номер у этого игрока? Имейте в виду, что сумма трех номеров по каждой прямой равняется 18!



7 РАЗЛИЧИЙ



Перед вами две печати,
Очень древних, скажем кстати.
Сходство явное, но все же
Не во всем они похожи.
Отправляйтесь за добычей:
Отыщите семь различий!
Докажите, что у вас
Самый острый в мире глаз!

Живживка и Капитан Перо.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 5

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Только плюсы! — $888 + 88 + 8 + + 8 + 8 = 1\,000$.

Капитан Перо благодарит всех за присланные ответы. Все ребята правильно и с большой фантазией решили его задачу.

СОДЕРЖАНИЕ

Этот год посвящен тебе! — А. Алексин. Фотографии В. Гусева . . . 1
Саженец.— Стихи Д. Чуяко. Перевел с адыгейского В. Субботин . . . 2
Мой рисунок. — Стихи Н. Ланцова . . . 2
Кем стать, каким стать?
Два директора.— Очерк И. Голубевой. Фотографии Б. Задвиля . . . 3
Братство миллионов людей.— С. Макеев. Фотография В. Постникова . . . 8
Незабытый гол.— Рассказ О. Тихомирова. Рисунки Е. Медведева . . . 9
Летопись «Пионера» . . . 13
Боевой листок.—Рисунки Н. Доброхотовой . . . 14
«Кораблик». Подстрочный перевод Э. Соколовой . . . 15
Ты, я, наш отряд
«Надежда» — мой компас...—Е. Штейнберг. Фотографии В. Крупского . . . 18
Незнакомые... «колдунчики»—Л. Легков . . . 19
Сами о себе . . . 20
Международный пионерский клуб «Товарищ» . . . 22
Карусели над городом. — Повесть Ю. Томина. Продолжение. Рисунки В. Дудкина . . . 26
Отовсюду и обо всем.— Рисунок Е. Шабельника . . . 39
Чудеса. Облака. Зовет меня... В лугах. Жеребята. В лесу — сорочьи сизые хвосты. Хомяк. Мартын. Я богат.—Стихи Т. Белозерова. Рисунок Л. Хачатряна . . . 40
Советский характер
Уроки Зои Владимировны.—Очерк Ю. Крутогорова. Рисунки В. Костицына. Фотография П. Асадульченко . . . 42
На просторах Родины
Впервые в истории человечества. — И. Павленко. Фотографии С. Лидова . . . 45
Если взял гитару...—А. Дидуров. Рисунки В. и С. Костицыных . . . 46
«Переменка» . . . 49, 61
Зачем и почему? Рисунки Н. Доброхотовой . . . 50
Не так-то просто сфотографировать медведя... — М. Березовский. Фотографии автора . . . 51
Откровенно о важном.— В. Торопыгин . . . 52
Сын Стекольщика.— Сказка В. Каверина. Рисунки Н. Доброхотовой . . . 53
И снова «странная фраза» — Л. Успенский . . . 60
Ума палата.—Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой . . . 62
В стране шаха—владыки черных и белых полей.— Ведет международный мастер М. Юдович . . . 64

На обложке:
Едем в лагеры!—Рисунок Ю. Родина.

●

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Р. З. БАБЛОЯН (редактор отдела литературы и искусства), В. А. БЛИЗНЕНКОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), Т. А. ГАЙДАР, О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, Л. С. СИМОНОВА (зам. главного редактора), И. Н. ХРИСТОВАЯ (редактор отдела коммунистического воспитания), Ю. М. ЧИЧКОВ.

Технический редактор Е. Г. ЕВДОКИМОВА.
Макет Ю. Л. РОДИНА.

© Издательство «Правда», «Пионер», 1979.

Адрес для писем: 101459, ГСП-4, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 22.03.79.
Подписано к печати 23.04.79. А 01046. Формат 84×60 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9.
Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 1047. Заказ № 406.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

ПОБЕДИТЕЛИ

«Бактыгуль» по-киргизски значит «цветок счастья». Чемпионку Киргизии среди девушек зовут Бактыгуль. Фамилия ее Тилинбаева, живет она в городе Нарын, в горах Тянь-Шаня.

Когда Бактыгуль отправилась в далекое путешествие в город Даугавпилс, где проходили в начале этого года соревнования на первенство Советского Союза среди юношей и девушек, счастье ей не улыбнулось. Автобусу, который должен был доставить Бактыгуль в столицу Киргизии Фрунзе, преградили дорогу снежные заносы. Бактыгуль опоздала на самолет... Рейсы других самолетов из-за снегопада были отменены.

Когда взволнованная Бактыгуль наконец предстала перед строгими спортивными судьями соревнования, уже прошли два тура.

Решение судей было единодушным: они включили Бактыгуль в состав участниц первенства.

Она сражалась упорно и добилась неплохого результата.

Тридцать восемь ребят играли в юношеском первенстве, почти все кандидаты в мастера. Борьба была упор-

ной, соперники сражались увлеченно, смело шли на самые острые позиции.

Звание чемпиона СССР среди юношей завоевал земляк Бактыгуль, ученик школы № 17 города Фрунзе **Борис Канцлер.**

Хорошо играли ленинградские школьники **Валерий Салов, Володя Епишин, Булат Асанов** из Алма-Аты и многие другие ребята.

В турнире девушек победила ученица 15-й школы города Кутаиси **Тамила Месхи.** Второе место заняла четырнадцатилетняя ленинградская школьница **Нина Ситникова.**

Пешкину очень понравилась партия, которую Нина выиграла у киевской школьницы **Лены Титовой.** Он уверен, что она понравится и всем ее друзьям.

Защита Алехина

Н. СИТНИКОВА

Е. ТИТОВА

1. e2—e4 Kg8—f6. 2. e4—e5 Kf6—d5 3. Kb1—c3 e7—e6 4. Kc3 : d5 e6 : d5 5. d2—d4 d7—d6 6. Kg1—f3 Cc8—g4 7. Cf1—e2 Cf8—e7 8. 0—0 0—0 9. Cc1—f4 c7—c6.

Черные напрасно задерживались с развитием фигур. Надо было играть 9... Kc6.

10. Лf1—e1 f7—f6.

Снова ошибка, лучше было разменяться на e5.

11. e5 : f6 Ce7 : f6 12. Фd1—d2 a7—a5 13. c2—c3 Kb8—a6 14. Kf3—g5!

Используя перевес в развитии, Нина создает сильную угрозу.

14... Cg4—c8.

Киевлянка растерялась. Лучше было 14... Cf5.

15. Ce2—d3 Cf6 : g5 16. Cf4 : g5 Фd8—d7 17. Лe1—e7 Фd7—g4 18. Cg5—h6!

Красиво и решительно. Если 18... gh, то 19. C : h7 + Крh8 20. Ф : h6.

18... Лf8—f7 19. Лe7—e8+ Лf7—f8 20. Cd3:h7+Крg8:h7 21. Лe8 : f8 g7:h6 22. Лa1—e1 Фg4—g5 23. Фd2 : g5 h6 : g5 24. Лe1—e8. Черные сдались.

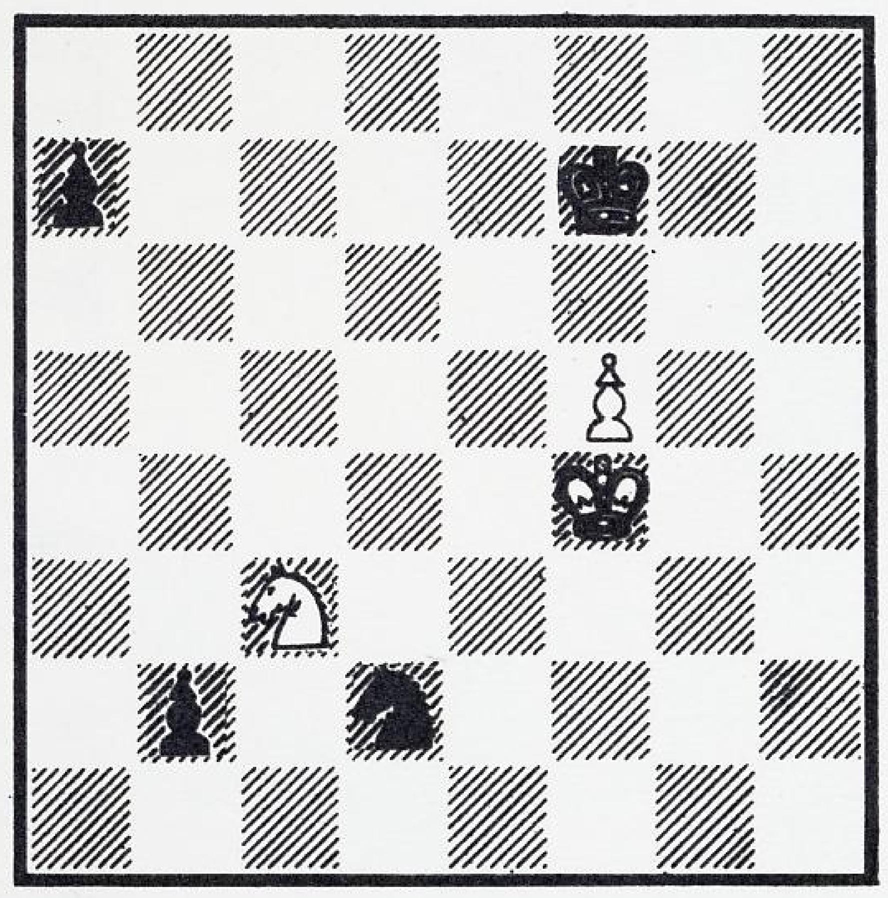
Пешкин внимательно наблюдал за игрой Нины, и между ними произошел такой разговор.

— Давно играешь в шахматы? — спросил Пешкин у Нины.

— С восьми лет, правила показал мне папа.

— А какой у тебя, Нина, спортивный разряд?

— Кандидат в мастера,— ответила Нина.— Занимаюсь в шахматной секции ленинградского Дворца пионеров.



А это положение возникло в партии между **Валерием Саловым** (Ленинград) и **Виталием Майоровым** (г. Плунге, Литовская ССР). Белые неизбежно теряют фигуру и, казалось бы, вынуждены капитулировать. Но Валерий придумал хитрую ловушку. Партия продолжалась так:

53. Крf4—e3 b2—b1Ф 54. Kc3 : b1 Kd2 : b1 55. Крe3—d4 Kb1—d2 56. Крd4—d3 Kd2—b3?

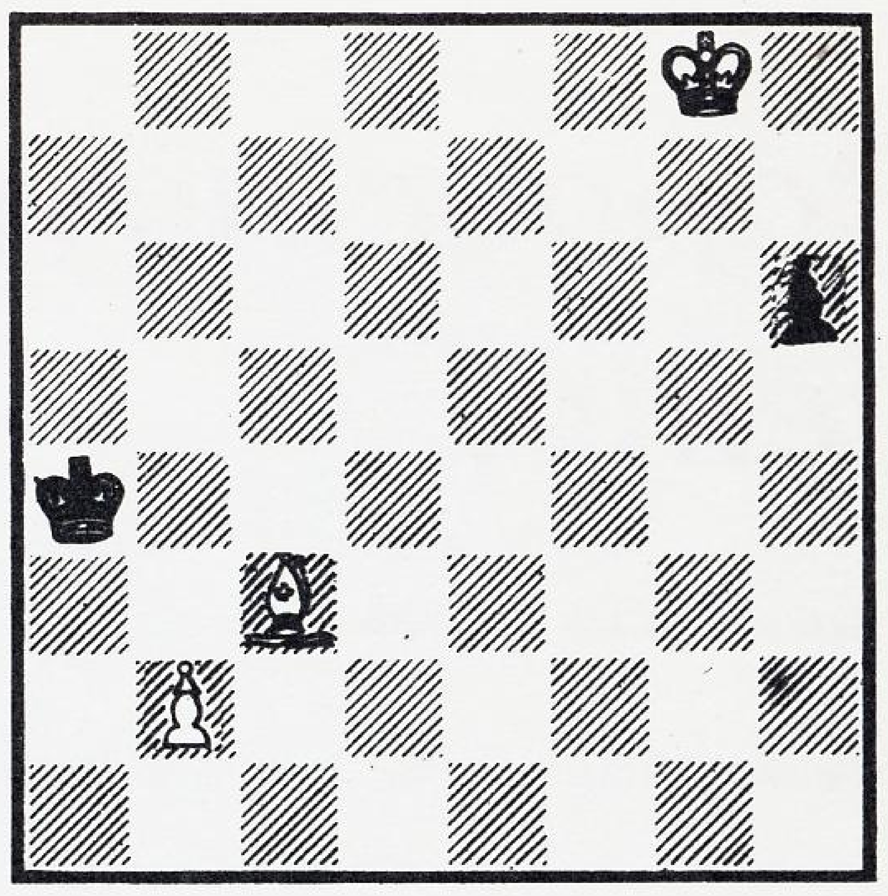
Черным хотелось подвести коня поближе к своей пешке, но для ее надежной защиты конь должен был отправиться в путь по другому маршруту. Решало 56... Kf3!, например: 57. Крc4 Ke5+ 58. Крb5 Крf6 59. Крa6 Kc6 и т. д.

57. Крd3—c4! Ничья.

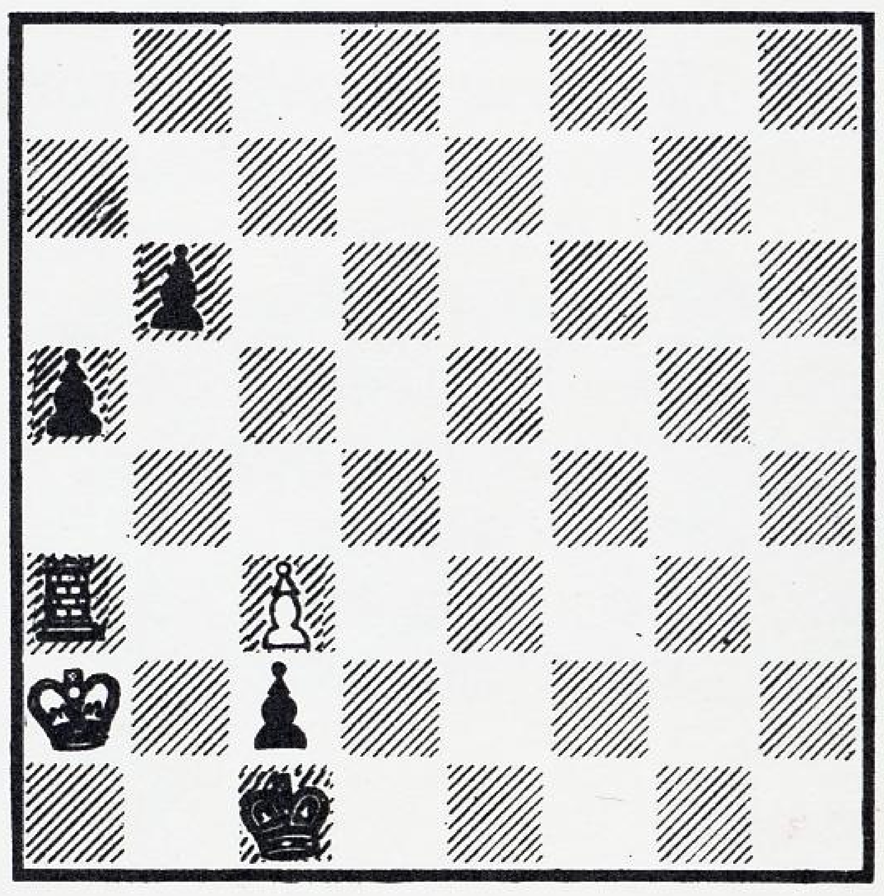
Если 57... Ka5, то 58. Крb5 Kb7 59. Крa6.

Конкурс Пешкина

Пешкин предлагает два этюда. Как видите, на доске очень мало действующих лиц, но позиции таят в себе красивые и интересные комбинации.



Найдите, как в этом положении белые, начиная игру, добиваются победы.



А здесь у белых лишняя ладья, но проходная пешка черных на c2 представляет грозную силу, не видно, как предотвратить ее превращение в ферзя.

И все же белые, начиная игру, могут избежать поражения, сделать ничью. Каким образом?

Пешкин ждет ваших писем, ребята!

ПРОВЕРЬТЕ СВОИ РЕШЕНИЯ

Задачи из журнала № 2 решаются так:

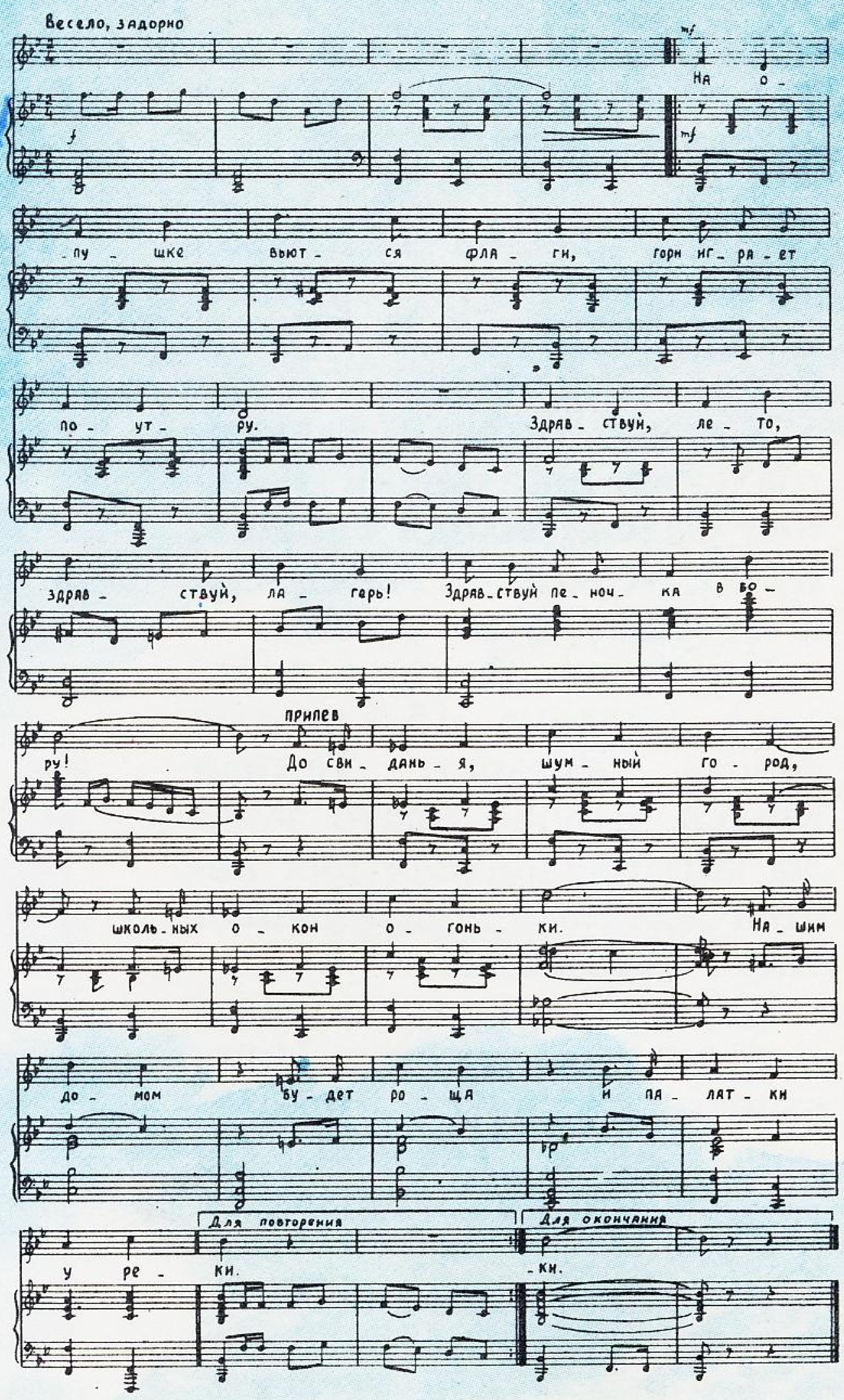
Мат в два хода. 1. Kg4—f2!

Мат в три хода. 1. Kf4—e6! Kb4—d5 2. Фd6—e5+! Kg4 : e5. 3. Kf7 — d6 мат, или 1... Крe4—f5 2. Ke6—g7 + Крf5—e4 3. Kf7—g5 — мат.

Здравствуй, лето!

Музыка В. БОГАНОВА.

Слова А. ИВАХНОВА.



На опушке вьются флаги,
Горн играет поутру.
Здравствуй, лето,
Здравствуй, лагерь!
Здравствуй, пеночка в бору!

Припев:
До свиданья, шумный город,
Школьных окон огоньки.
Нашим домом будет роща
И палатки у реки.

Пляж горячий, словно печка,
Подрумянь-ка нам бока.
Здравствуй, солнце,
Здравствуй, речка!
До свиданья, облака.

Припев.

Кто там в чащу смотрит робко?
Краше места не найдешь.
Здравствуй, компас,
Здравствуй, тропка!
Ты куда нас поведешь?

Припев.

В небе звездное лукошко,
Месяц тонок и остер.
Здравствуй, песня
И картошка!
Здравствуй, жаркий наш костер!

Припев.

Цена 25 коп. Индекс 70694.